

49 #2 2024

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 49 #2 2024

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ♦ *Media Law: International Aspects*
- ♦ *Digital Currency: Russian and Chinese Experience*
- ♦ *Institute of Authorship in Industrial Property*
- ♦ *Russian Legislation on Intellectual Property: Prospects of Development*
- ♦ *H-index in Copyright Context*
- ♦ *The Legal Nature of Scientific Article Abstracts*
- ♦ *Distribution of Intellectual Property Rights on Artificial Intelligence Generated Works*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2024

Том 49 #2 2024

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *Медиаправо: международные аспекты*
- ♦ *Цифровая валюта: опыт России и Китая*
- ♦ *Институт авторства в промышленной собственности*
- ♦ *Возможные пути развития российского законодательства об интеллектуальной собственности*
- ♦ *Индекс Хирша в авторско-правовом контексте*
- ♦ *Аннотация научной статьи: правовая природа*
- ♦ *Распределение прав интеллектуальной собственности на объекты, сгенерированные искусственным интеллектом*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2024

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on
September 16, 2021 in the Federal
Service of Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration of mass media
ΦC77–81925.

The reproduction of articles and other
materials against the will of the copyright
holders is prohibited in accordance with
paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code
of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when
preparing the journal.

The journal is included in the List of
peer-reviewed scientific publications
recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Higher
Education and Science of Russian
Federation for the publication of the
main research results for the degree of
candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2024

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 49 #2 2024. DOI: [10.17323/tis.2024.v49](https://doi.org/10.17323/tis.2024.v49)

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media
018878 dated 28/05/1999 and ΦC77–45963 dated 15/07/2011)

Publishers:

National Research University Higher School of Economics
Creativity Center for UNESCO

The journal is published according to the Agreement between UNESCO and the Higher School of Economics on the establishment of the UNESCO Chair in Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights dated August 7, 2020. The authors are responsible for the choice and presentation of views contained in this journal, and for opinions expressed therein, which are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)
BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)
GADZHIEV GADIS (HSE University, Russian Federation)
GAVRILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)
DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)
IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)
IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)
KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)
KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)
MAGGS PETER (University of Illinois, USA)
NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)
NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)
PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)
POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)
POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)
RASOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)
SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)
SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)
SERGO ANTON (Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Federation)
TEDEEV ASTAMUR (Shenzhen MSU-BIT University, PRC)
SHABLINSKY ILYA (State Academic University for the Humanities, Russian Federation)
SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)
SHAKHRAV SERGEY (HSE University, Russian Federation)
VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, д. 33, кор. 4, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 *15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024

Напечатано с готового оригинал-макета. ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42.

Подписано к печати 12.06.2024
Формат 60×90 1/8. Усл.печ.л. 17,75.
Тираж 200 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 49 #2 2024. DOI: 10.17323/tis.2024.v49

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ

№ 018878 от 28. 05. 1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредители:

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Автономная некоммерческая организация «Творческий центр ЮНЕСКО».

Журнал издается по Соглашению между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам от 7 августа 2020 г. В соответствии с Соглашением авторы статей, опубликованных в журнале, несут ответственность за выбор и представление мнений, которые не обязательно совпадают с мнением ЮНЕСКО и не являются мнением Организации или Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Университет МГУ-ППИ в Шеньчжене, КНР)

ШАБЛИНСКИЙ И.Г. (Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences

INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS

S.S. MAMMADRZALI. International Law on Sustainable Development: Media Law Aspects	8
A.K. ZHAROVA. Intelligent Systems for Recognizing Images and Meaning in the Crime Prevention System.	16
S.V. POTAPENKO. Information Openness of Courts as a Legal Guarantee of Public Control Over the Functioning of the Judiciary	24
F.O. MATYTSIN. Digital Currency: Russian and Chinese Experience	30
Y.V. KANDYBA. Review of Legal Regulation of Audiovisual Services in Russia	38
A.G. ASADOV. Features of the Legal Status of the Young Scientist in the Russian Federation	47
N.B. TSVETKOVA. Legal Regulation of Interaction Between the State and Civil Society Institutions: Strengthening Traditional Values	62

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

G.P. IVLIEV. Development of the Institute of Authorship in Industrial Property	69
A.P. SERGEEV. On the State of Russian Intellectual Property Legislation and Possible Ways of its Development.	74
R.O. OMOROV Copyrights and Citation Indices for Scientific Publications of Scientists and Specialists	82
V.S. VITKO The Legal Nature of Scientific Article Abstracts	89
A.V. POKROVSKAYA Study on China's Experience in Protecting Intellectual Property Rights on Live Streaming E-commerce Platforms	96
A.S. VARTANOV. Copyright Protection for the Online Show Format.	109

ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW

E.A. SAVCHENKO, S.B. SEMENOV. Features of Providing Information Using Recommender Systems as a Subtechnology of Artificial Intelligence.	118
M.S. CHERNYSHOV. The Problem of Distribution of Intellectual Property Rights on Artificial Intelligence Generated Works	124

ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	138
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки

ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Ш.С. МАММАДРЗАЛИ. Международное право в сфере устойчивого развития: аспекты медиаправа	8
А.К. ЖАРОВА. Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения преступлений	16
С.В. ПОТАПЕНКО. Информационная открытость судов как правовая гарантия общественного контроля за функционированием судебной власти	24
Ф.О. МАТЫЦИН. Цифровая валюта: опыт России и Китая	30
Я.В. КАНДЫБА. Обзор правового регулирования аудиовизуальных сервисов в России	38
А.Г. АСАДОВ. Особенности правового статуса молодого ученого в Российской Федерации	47
Н.Б. ЦВЕТКОВА. Правовое регулирование взаимодействия государства и институтов гражданского общества: укрепление традиционных ценностей	62

ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Г.П. ИВЛИЕВ. Развитие института авторства в промышленной собственности.	69
А.П. СЕРГЕЕВ. О состоянии российского законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его развития	74
Р.О. ОМОРОВ. Авторские права и индексы цитирования на научные публикации ученых и специалистов.	82
В.С. ВИТКО. Аннотации произведений: правовая природа и возможности установления права их свободного использования	89
А.В. ПОКРОВСКАЯ. Исследование опыта Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями	96
А.С. ВАРТАНОВ. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу.	109

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Е.А. САВЧЕНКО, С.В. СЕМЁНОВ. Особенности предоставления информации с использованием рекомендательных систем как субтехнологии искусственного интеллекта.	118
М.С. ЧЕРНЫШОВ. Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом.	124

О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	138
--	-----

Научная статья
УДК: 341.231.14
DOI: 10.17323/tis.2024.21707

Original article

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СФЕРЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: АСПЕКТЫ МЕДИАПРАВА INTERNATIONAL LAW ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT: MEDIA LAW ASPECTS

Шахин Сабир МАММАДРЗАЛИ

Бакинский государственный университет, Кафедра
ЮНЕСКО по правам человека и информационному
праву, Баку, Азербайджан,
shahinmammadrzali@bsu.edu.az,
ORCID: 0000-0001-8765-9147

Информация об авторе

Ш.С. Маммадрзали — доктор философии в области
права, профессор, директор Бакинской организации
медиации № 1

Аннотация. Фрагментарный характер международного
права, преследование жизненно важных национальных
интересов и наличие конфликтующих международных
политических блоков свели к минимуму эффективность
права на международном уровне, усложнили будущее
устойчивого развития стран мира и углубили цепочку
неравенства между нациями. Эти трудности побудили
ученых предложить пересмотреть саму природу ны-
нешних бюрократических институтов международного
права и начать изучение нового правового поля —
международного права устойчивого развития, чтобы
противостоять пагубным вызовам с целью проложить
путь для развития всех правовых сфер. Хотя норматив-
ная база международного права устойчивого развития
в основном состоит из несистематизированных норм
«мягкого права», у нас есть Повестка ООН на период
до 2030 г., Нью-Делийские принципы и отчеты о де-

- ятельности Комиссии международного права ООН,
• в которых прямо подчеркиваются роль медиаправа,
• права журналистов, свобода выражения мнений
• и информации, свобода интернета и доступ к нему. Тем
• не менее недостаточно научных работ о важности по-
• ложений медиаправа для целей устойчивого развития,
• и существует настоятельная необходимость взглянуть
• на международное право устойчивого развития с точки
• зрения норм медиаправа.

- **Ключевые слова:** информационное право, свобода вы-
• ражения мнений, устойчивое развитие, международное
• право, права человека, медиаправо, информационный
• цикл, цифровое общество, ответственность посредни-
• ков, правовая координация, информационный цикл,
• интернет-право

- **Для цитирования:** Маммадрзали Ш.С. Международное
• право в сфере устойчивого развития: аспекты меди-
• аправа // Труды по интеллектуальной собствен-
• ности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2.
• С. 8–15; DOI: 10.17323/tis.2024.21707

Shahin Sabir MAMMADRZALI

- Baku State University, UNESCO Chair on Human Rights
• and Information Law, Baku, Azerbaijan,
• shahinmammadrzali@bsu.edu.az,
• ORCID: 0000-0001-8765-9147

Information about the author

S.S. Mammadzali — PhD in Law, Professor, Director of Baku Mediation Organization No 1

Abstract. The fragmentary nature of international law together with the pursue of vital national interests and along with the conflicting international political blocks has already minimized the effectiveness of law at the international level, added complexities for the future of sustainable development of the world countries and deepened the chain of inequalities among the nations. These difficulties led international scholars to propose to review the very nature of the current bureaucratic international law institutions and to initiate the examination of the new legal field — international sustainable development law in order to stand against all harmful challenges and with the purpose to draw the path for the development of all legal areas. Although the normative basis of international sustainable development law is mostly comprised of non-systemized “soft law” norms, we have UN 2030 Agenda, New Delhi Principles and the activity reports of the UN International Law Commission where there are direct highlights about the role of media law, rights of journalists, freedom of expression and information, Internet freedom and access to the Internet. Yet, there are not enough academic works on the importance of media law regulations for the sustainable development goals and there is a significant need to look to the international sustainable development law from the angle of media law rules.

Keywords: information law, freedom of expression, sustainable development, international law, human rights, media law, information cycle, digital society, intermediary liability, legal coordination, information cycle, Internet law

For citation: Mammadzali S.S. International Law on Sustainable Development: Media Law Aspects // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 8–15; DOI: 10.17323/tis.2024.21707

INTRODUCTION

- The primary weaknesses of international law such as decentralization of law-making procedure, collision of national interests pursued by powerful countries, fragmentary nature of international law areas, lack of certainty and unclear system of obligations may be noticed in every and each area of international legal mechanism. The current state of international law is characterized by scholars as a fragmentary legal plane what is supported by us as a logic conclusion of unpunished grave international law violations [6, p. 328]. Indeed, one may consider that modern international law has already lost its traditional-historical perspectives and purposes. International law of nowadays is much broader in meaning and scope than it was in 20th century. This enlargement did not only widen the subject matter of international law, but also added lots of administrative, bureaucratic, financial challenges undermining the belief of developing countries and nations for future sustainable development. In general, all legal spheres are now complex and its hard to resolve on time any of legal violations what is against the very cornerstone of sustainable development. Law as a type of regulation of social relations should preserve its primary functions such as accountability, regulation, prevention, etc. We may claim that international law of current period is not effective in neither the regulation of international public relations nor in prevention or punishment of international law violations. Thus, we do need a relatively new area of international law — the international sustainable development law in order to mix and combine all the traditional spheres of public and private international law with the purpose to re-design their subject matters, methodology and interrelations.
- International law on sustainable development currently has no a unified convention or treaty as its legal source, but there are plenty of customary international law norms as well as general principles along with the case law and scholarly writing what may assist us for the academic study. It is particularly interesting that there are not many scientific works on the links of media law with sustainable development programs, but almost all international soft law documents on international sustainable development law covers wide range of journal-

istic activities. A very prominent one of them is the New Delhi Principles of the International Law Association [5]. In the light of the above-mentioned considerations, the academic purpose of the current study is primarily reflected by the multidisciplinary approaches to the links between international sustainable development law and media law. From the historical point of view, legal-conceptual ideas about sustainable development law and media law had been heard long before the formation of UN Agenda 2030. Nevertheless, putting development to the sustainable path was a long-standing problem in front of international law and interstate organization. Together with the outcomes of the Rio Declaration and New Delhi Principles, the UN 2030 Agenda later puts a demand to define the roles of media actors, their obligations and duties in the framework of international sustainable development programs as well as leading concepts of Human Rights-Based Approach. In this regard, the international individual and collective right to development enshrined within the 1986 UN Declaration on the Right to Development also includes the standards of public awareness, knowledge share, equality in the access to information what makes us look to media law from a different angle.

MEDIA AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

It is without doubts that the media is extremely important to people's daily lives. The most crucial instrument for communication, which is available in a variety of formats, is the mainstream media, which has been vital in influencing public opinion and raising awareness of sustainable development law. Advertising and media agencies as well as mass media corporations use a range of strategies to spread scientific knowledge among the general public. Print, electronic, internet, radio, and a variety of new media are mostly included. The role of media for sustainable development can be examined from various economic, social, political and even cultural aspects. Communication that is introduced by media platforms is vital for people to hear and to be heard what is the cornerstone principle and pre-condition for good governance. In this respect, media actors implement their civil society obligations while linking the state and non-state actors with the ordinary people. With the help media people raise their critical voices about their concerns, problems while power-holders listen to them and try to find resolutions [8, p. 4].

The majority of media consumed today is electronic or digital (or at least, has a website or blog), which successfully primes a group for message reinforcement and the introduction of innovations. With the assistance of governmental representatives, environmental activists, scientists, business people, and broadcasters, mass media

is rapidly and effectively spreading knowledge about the SDGs and have jointly established the agenda for raising awareness concerning today. It is without doubts that sustainable development is crucial for achieving economic and social long-standing success. Taking into account the role of free media's importance in sustainable development, the UN Secretary-General Ban Ki-moon noted that the freedom of expression, independent media and universal access to knowledge will strengthen the efforts for people and the planet [7]. Over the past few decades, the rapid advancements in communication technology have made it more accessible to the masses. This, coupled with increasing economic pressures, has led to significant changes in the roles, operations, and practices of new media and news professionals. The digital age has witnessed numerous successful social campaigns in print and visual media on a global scale. Audio-visual media has played a major role in addressing sustainability issues such as climate change, poverty, ecosystem, environmental protection, inequality, education and economic development, with a lot of governmental and non-governmental support and initiatives. As mass media, electronic media has a huge appeal to the common person as well. News, features, documentaries, and development campaigns regarding SDGs are created in a way that generates interest in the minds of the viewers. In this regard, some scholars propose a new type of media for sustainable development under the title "development media" [1, p. 181]. The content is made contemporary to attract people of all ages and classes and is successfully capable of influencing people to take part in development programs.

The media has a clear role in promoting preventive measures to reduce violations of child rights and eradicate diseases through education and science, as well as curative approaches such as counseling on daily health and programs like on TV. Correctional approaches, such as addressing the need for education and eliminating poverty and hunger, are also important. The media can also provide information about NGOs that are making a positive impact on society. By taking efforts to promote socio-economic, environmental, and cultural development, the media can help to achieve the SDGs and raise awareness about them. Scientific content, such as articles, films, shows, and advertisements, should be used to create awareness and provide information about the SDGs at the grassroots level. Effective popularization in both print and audio-visual media requires a special kind of discourse that not only simplifies messages but also has its own characteristics, values, and difficulties. The media's role in achieving the SDGs through innovative ideas and tricks that consider the positive receptivity of the public is significant.

SUSTAINABILITY AND MEDIA LAW AS ELEMENTS OF INFORMATION LAW

The application of global ICT systems in the world has brought about significant changes in the economic activity of states and international economic blocks. Currently, these changes are not only evident in the economy, but also in the realm of human rights and other aspects of the SDGs. The importance of ICT in economic, social, political, and other development programs was recognized in 2010 under the UN Millennium Development Goals. However, the impact of ICT on the SDGs and its effects on the process are relatively new scientific and practical challenges. Additionally, the relationship between human rights and the SDGs in terms of ICT has not been thoroughly analyzed. The UN High Commissioner for Human Rights has established a communication system between the SDGs and human rights, but it does not adequately address the potential role of ICT in integrating human rights and the relevant SDGs. In our view, it is worth considering the potential issues that may arise from implementing ICT in the SDGs and human rights within the context of the right to information. This the same right to information what is the cornerstone for media law area. The relationship between the SDGs and human rights is closely intertwined with other emerging areas of law, such as criminal law, civil law, administrative law, and the emerging field of information law. The question of how the SDGs relates to the field of information law and information rights can be answered based on these concepts. We believe that the interaction between the SDGs and the field of information law can begin with the exchange of information. Logically, the establishment of the field of information law is linked to society's transition to the next stage of development, which involves accelerating its progress. The legal regulation of ICT, which is the main focus of information law, is also a consequence of development in all spheres of society.

The Sustainable Development Goals (SDGs) and the 2030 Agenda, in contrast, are the outcome of a comprehensive and integrated development process. This process encompasses various aspects such as ICT, information rights, and the 2030 Agenda, which collectively contribute to the formation of an "information society" and a "knowledge society". The analogy of computer programs can effectively illustrate this form of interaction. Matters like the legal framework for computer programs, safeguarding personal information's confidentiality and security, and analyzing pertinent legal norms primarily fall under the purview of information law.

Simultaneously, ensuring the proper and secure utilization of these computer programs aligns with the objectives of multiple entities, including the governmen-

tal organs, innovative approaches, effective technology utilization, purposeful energy resource management, enhanced food security, advancements in healthcare, and more. Consequently, the field of information law not only examines relevant human rights but also investigates the impact of ICT across both public and private domains, along with its various applications. The criteria for legally regulating ICT are duly considered during the implementation of the Sustainable Development Goals.

It is important to consider that one of the objectives of information law is to examine freedom of information as a subjective entitlement. Additionally, certain Sustainable Development Goals encompass aspects of freedom of information within the 2030 Goals. For instance, the 2030 Agenda strives to promote a healthy lifestyle and overall well-being. Freedom of information encompasses the utilization of digital technologies in healthcare, safeguarding medical information through new technologies, analyzing electronic databases, and informing the public about these matters. It also entails timely dissemination of information to the public regarding obstacles that impede the enhancement of public welfare, as well as the right to digital development. Conversely, the 2030 Agenda highlights gender equality and women's involvement in public life as issues that require attention. Information law norms also mandate that women have unrestricted access to technology and participate in the exchange of information between the public and private sectors without any form of discrimination.

The 2030 Agenda is committed to fostering industrialization and embracing a forward-thinking strategy. This innovative and technological approach guarantees unrestricted Internet access and the unhindered utilization of digital information. Simultaneously, the Sustainable Development Goal framework encompasses the provision of inclusive and sustainable housing. It is inconceivable to envision secure and stable cities and settlements without the freedom to access information. Furthermore, the 2030 Agenda strives to cultivate a harmonious and all-encompassing society, ensuring justice for all and establishing effective, accountable, and inclusive institutions at every level. To achieve these objectives, the agenda emphasizes the importance of public access to information, transparent governance, and the fight against corruption.

The notion of sustainable development in the context of information law encompasses various aspects such as the information society, the shift towards the next phase of development, the knowledge society, and the utilization of ICT for sustainable development. These concepts can be comprehended through asceticism. The realm of human rights, as a whole, provides a solid scientific foundation for studying SDGs and the fundamentals of sustainable development. Consequently, education in this field can be structured to cover topics like the right

to sustainable development and progress, social welfare and sustainable development, environmental rights and sustainable development, labor rights and sustainable development, and so on.

Furthermore, the endeavors in the realms of education, science, and innovation, which are encompassed within the framework of the Sustainable Development Goal, foster an environment that allows for a fresh outlook on resolving and coordinating various matters within the information society. It is imperative to recognize that contemporary education is a dynamic process, and thus, we must not perceive the education system as a mere mechanism solely focused on imparting or acquiring knowledge. The establishment of sustainable development conditions in the field of media law necessitates a collaborative approach involving both governmental and non-governmental entities. In this sense, many European universities offer different subjects and curricula for studying SDGs [3, p. 1].

In our perspective, the educational process encompasses more than just the fulfillment of the right to education; it also involves the exchange of information. From a human rights standpoint, the educational process encompasses nearly all information rights and freedoms. This is because during education, new ideas are conveyed, ideas are critiqued, judgments are challenged, scientific research is conducted, and new theories are formulated, among other things. Simultaneously, education is not solely about utopian concepts, but rather about disseminating real and factual information to society, as well as transmitting, transforming, and comprehending that information. In this regard, the educational process and the right to education fall within the purview of information law, representing a new level of utilizing information rights. From another perspective, education is a system that fosters the conditions for personal and social development of individuals. This perspective highlights the close relationship between the right to education and the right to collective development. The inclusion of education as a distinct goal in the Sustainable Development Goals further supports our viewpoint. Although education is viewed in the 2030 Agenda not only as a subjective right but also as a prerequisite for sustainable development, ultimately, education remains an information exchange and advocacy mechanism that is crucial for all SDGs. This is why education plays an exceptional role in shaping a sustainable information society.

MEDIA LAW AND SUSTAINABILITY OF INFORMATION SOCIETY

The concept of the information society holds significant importance in the field of information law. The overall

progress of the information society is closely tied to advancements in information and communication technology, making the analysis of the Sustainable Development Goals in this context a crucial matter. The information society and the SDGs intersect in various aspects. Key characteristics of the information society include the growth of the non-manufacturing sector, the reliance of the social and public sectors on information infrastructure, and more. By comparing these features with the core principles outlined in the 2030 Agenda for the SDGs, we can identify several similarities. However, it can be argued that the primary connection between the information society and the international law on sustainable development lies in information security.

The protection of individual information or personal data along with cyber security can be considered as fundamental human rights. If an individual has the right to physical safety and security, it is only logical to extend this right to the security of their personal information. In terms of information security, there is also a collective right to information security. This aligns with the monitoring function of non-state mechanisms. While there are numerous laws governing cybersecurity in various countries, they are insufficient. Experts stress the importance of creating international agreements and global governance to coordinate efforts in cyberspace. Many international organizations have the responsibility of ensuring information security, but the diverse forms of information flow hinder the achievement of this goal. Each organization establishes its own information security standards based on their activities. The lack of a unified global information security strategy can be attributed to the vast differences in local conditions across regions and countries.

Different stages can be identified in the historical formation and progression of societies worldwide. Initially, societies took the form of primitive communities such as tribes, clans, and other small associations, representing a collective way of life. During this time, the exchange of information among individuals occurred through rudimentary methods. Subsequently, the development of spoken and written language, culture, and the advent of printing and electronic mechanisms complicated the process of information exchange. Consequently, the concept of the information society can be approached both narrowly and broadly. In a broader sense, the information society has evolved from the initial stages of information exchange among people to encompass artificial intelligence, digital rights, and other contemporary advancements. This evolution spans thousands of years of history. In a narrow context, the information society can be defined by a distinct rise in the significance of information in recent decades, accompanied by the rapid

advancement of information technology. The emergence of the information society, seen as a new phase of development both nationally and internationally, has given rise to several crucial concerns. Consequently, the role of information security and national security within this concept has become one of the key challenges faced by contemporary society. Numerous approaches to information security have been proposed, with one potential approach being the consideration of human rights. Human rights play a vital role in fostering an efficient information society and should serve as the foundation for information security. Moreover, a human rights-based approach can also be applied to address cyber security issues. Human rights have various implications for information security, and currently, the right to information is recognized as a distinct area of law, allowing for exploration of the relationship between human rights and information security within this domain. Researchers and scientists have expressed the legal framework for ensuring information security using different terms, such as “information security”, “cyber security”, and “Internet security”.

The concept of “digital security” encompasses a wider scope that goes beyond just information security. It involves ensuring the security of even the smallest digital details, including elements that are not typically considered as information. Security can be viewed as a system of measures and opportunities aimed at protecting something from potential threats. In the context of information security, this means safeguarding all elements of an information nature. The role of human rights in this process is multifaceted, with many human rights being intertwined with the flow of information that directly or indirectly affects information security. Cybersecurity issues also have a significant impact on human rights, particularly in terms of privacy, freedom of expression, and the free flow of information. When it comes to information, the emphasis should be on freedom of expression and information. It is worth noting that information security breaches are not always considered human rights violations, even though they can interfere with freedom of thought and expression. However, we tend to focus on interference in the information space and overlook the relevant human rights. Freedom of expression and information is not the only concept linking information security to human rights.

Ensuring equal information security for everyone encompasses the traditional principle of equality. Safeguarding personal information from external interference can be viewed as a contemporary aspect of the right to personal freedom and inviolability. The protection against unlawful interference also encompasses the legal safeguarding of information rights. The modern interpre-

tation of property rights by international organizations may also encompass the ownership of websites and information products. Conversely, the right to enhance information security, the right to engage in cultural activities, the right to foster creativity, and so forth can also be linked to this concept. These instances demonstrate that various human rights organizations embrace the notion of information security from civil, political, social, and cultural standpoints.

However, the human rights system encompasses more than just information security. The digital landscape also presents opportunities for activities that infringe upon information rights. These instances serve as a clear indication that an excessive amount of freedom in accessing information can lead to significant security issues. It is important to acknowledge that encountering such difficulties is both inevitable and logical. This is primarily due to the fact that, during the process of integration on a regional and global scale, the concept of complete national information spaces can only be understood relatively. This relativity is further compounded by the vast and diverse nature of the information space itself. The same holds true for the Internet, where individuals can easily connect with organizations and citizens from different countries. Consequently, certain countries utilize platforms like Facebook and Instagram, which boast a large number of social media and internet users. While social media transcends geographical boundaries, it also makes it challenging to identify and address various violations. The Internet plays a significant role in individual development and contributes to the overall intellectual growth of society. Therefore, it is crucial to not curtail internet freedom solely based on information security concerns, but rather to establish appropriate control mechanisms. This notion of control and regulation should encompass not only the rights applicable to the internet during active usage, but also the rights that extend beyond the digital realm and into real life.

CONCLUDING REMARKS

In the era of economic globalization and digitalized world the harmonization of the ideas of international sustainable development law, UN SDGs and national media law regulations introduces a number of challenges. These challenges put obstacles on the efficient realization of the information rights requirements set out in the UN 2030 Agenda. International sustainable development law requires a more complex type of integration and peaceful co-existence of the world countries. One may claim that the clashes between national political, economic and social goals interests significantly minimizes the comprehensive implementation of the Sustainable Devel-

opment Goals. As a result, rich and powerful countries implements the SDGs more fruitfully, while poor countries performs more weakly due to the lack of needed resources. Even more, there is a different understanding of the concept of sustainable development between rich and poor governments. Richer governments highlights international law on sustainable development from the angles of environmental sustainability, fight against climate change and better realization of soft investment strategies with the help of big international business companies — transnational corporations. On the other side of the coin, poor and developing states pay more attention to the nationalization of economies, better protection of human rights, digitalization frameworks and information society. This difference of the theoretical approaches harms the ideas of equality among regions. We think that such a conclusion significantly increases the importance and special weight of cooperation in the area of media law, information law, human rights education and research in addressing the difficulties associated with the SDGs. The above-mentioned considerations let us introduce new group of needs standing in front of sustainability concept of media law:

- a) to initiate a more complex and multidisciplinary academic investigation in order to define the role of media law rules for the better implementation of the international legal principles of sustainable development;
- b) to attempt to produce a new and more detailed guidelines for developing and poor countries on their way to sustainable development achievements;
- c) to introduce an updated program of actions to reform the fragmentary and vague nature of international law norms on sustainable development;
- d) to elaborate the system of information rights and freedoms linking them with the sustainable development goals;
- e) to elaborate the system of obligations and duties of state and non-state actors in terms of transparency of information databases, good governance of information society and media law actors as well;
- f) to introduce new legal techniques to developing and poor countries for renewing their legal system, since the traditional approach of vast majority of legal system to international sustainable development law leaves minor space to hope a bright future;
- g) to re-arrange again education programs relevant to the role of mass media in the realization of sustainable development strategies.

It should be mentioned that in the implementation of the SDGs, along with traditional entities such as the

state and international organizations, civil society organizations, especially scientific institutions, have serious responsibilities [4, p. 64]. Media law actors are mostly private sector participants and the private sector obligations are usually more economic in nature. Yet, new look to the international law of sustainable development demands the mix of obligations for the better realization of information rights and freedoms.

As it is for the other development programs, the UN 2030 Agenda and the overall principles of the international law on sustainable development can only be realized if knowledge and technology are shared effectively [2, p. 266]. Therefore, international law on sustainable development and its media law links should be studied within individual academic programs and courses at the bachelor, master and doctoral levels of education. We think that the inclusion of relevant subjects and master education curriculum may be established at the academic institutions of the Republic of Azerbaijan too. The new academic approach to the international sustainable development law is quite useful for a number of legal areas. Thus, separate topics on UN SDGs are of criminal law, civil law, constitutional law, business law, tax law nature. Yet, we consider human rights, information law and media law as the most relevant areas for the legal analysis of the SDGs as these areas may apply a Human Rights-Based Approach.

REFERENCES

1. Al Sheikh H.E., Al Serhan F.A. Role of digital media in achieving sustainable development in the Arab World // *Saudi Journal of Humanities and Social Sciences*. 2022. No 7(5). P. 177–187.
2. Balaswamy B., Palvai R. Role of social media in promoting sustainable development // *International Journal of Creative Research Thoughts (IJCRT)*. 2017. P. 264–271.
3. Borowy I. Defining sustainable development for our common future: a history of the World Commission on Environment and Development (Brundtland Commission). USA, N.Y.: Routledge, 2014. 280 p.
4. Monkelbaan J. Governance for the Sustainable Development Goals: exploring an integrative framework of theories, tools, and competencies. Singapore: Springer Nature, 2019. 214 p.
5. New Delhi Declaration of Principles of International Law relating to Sustainable Development, Resolution 3/2002 adopted at the 70th Conference of the International Law Association. India, New Delhi, April 2-6, 2002. — URL: https://www.ila-hq.org/en_GB/documents/conference-resolution-english-new-delhi-2002-3

6. Roucounas E. A landscape of contemporary theories of international law. The Kingdom of Netherlands. Leiden: Brill Nijhoof, 2019. 732 p.
7. Statement of the UN Secretary-General Ban Ki-moon opening briefing at UN Headquarters on "Media freedom for a better future: shaping the post-2015 development agenda" dedicated to World Press Freedom Day, May 1, 2014. — URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2014-05-01/secretary-generals-remarks-world-press-freedom-day>
8. Wilson M., Warnock K. At the heart of change: the role of communication in sustainable development. UK, London: Panos Institute, 2007, 36 p. — URL: <https://gsdrc.org/document-library/at-the-heart-of-change-the-role-of-communication-in-sustainable-development/>

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РАСПОЗНАВАНИЯ ОБРАЗОВ И СМЫСЛА В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ INTELLIGENT SYSTEMS FOR RECOGNIZING IMAGES AND MEANING IN THE CRIME PREVENTION SYSTEM

Анна Константиновна ЖАРОВА

Институт государства и права РАН, Москва, Россия,
anna_jarova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2981-3369

Информация об авторе

А.К. Жарова — ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент, ассоциированный член Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам

Аннотация. Интеллектуальные системы (ИС) являются наиболее перспективным направлением развития информационных технологий, важность применения технологических решений ИС в экономике и общественных отношениях заявлена в правовых актах. Однако мы сталкиваемся с ситуацией, когда информация, например, размещенная в интернете и содержащая намерение совершить преступление, не выявляется, что приводит к реализации преступником своих преступных умыслов. А ведь возможности некоторых алгоритмов искусственного интеллекта вполне могут быть использованы уполномоченными органами обеспечения безопасности в системе предупреждения преступлений. Это, к примеру, алгоритмы глубокого обучения, предиктивной аналитики больших данных, распознавания смысла и образов и другие.

К сожалению, в открытом доступе отсутствуют отчеты о результатах применения методов предиктивной аналитики больших данных в системе предупреждения преступлений на территории Российской Федерации. Однако есть много зарубежных отчетов о применении алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) в целях предотвращения преступных действий. Возможно, такая ситуация связана с различными подходами к пониманию понятия «преступление». В связи с этим в статье

- изучены аналитические материалы, в которых отражен
- опыт применения алгоритмов ИИ в целях определения
- вероятности отнесения выявленных противоправных
- действий к преступным на основе соотнесения при-
- знаков преступления; осуществления преступления
- конкретным человеком на основе анализа его кримино-
- генных качеств, а также в целях выявления преступного
- умысла и оценки вероятности его перехода в преступ-
- ные действия.

- **Ключевые слова:** интеллектуальные системы, призна-
- ки преступлений, стадии преступлений, преступный
- умысел

- **Для цитирования:** Жарова А.К. Интеллектуальные систе-
- мы распознавания образов и смысла в системе преду-
- предупреждения преступлений // Труды по интеллектуальной
- собственности (Works on Intellectual Property). 2024.
- Т. 49, № 2. С. 16–23; DOI: 10.17323/tis.2024.21708

Anna K. Zharova

Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law,
Moscow, Russia,
anna_jarova@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-2981-3369

Information about the author

A.K. Zharova — leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor, Associate Fellow of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights

- **Abstract.** Intelligent systems (IS) are the most promising area
- of information technology development, the importance of
- using AI technological solutions in economics and public

relations is stated in legal acts. However, we are faced with a situation where information, for example, posted on the Internet, containing the intention to commit a crime is not revealed, which eventually leads to the realization of the criminal's criminal intentions. Although the capabilities of AI could well be used by authorized security agencies in the crime prevention system.

But, unfortunately, we were unable to find reports on the results of using predictive big data analytics methods in the crime prevention system on the territory of the Russian Federation. However, there are many foreign reports on the use of AI systems in order to prevent criminal acts. Perhaps this situation is related to different approaches to understanding the concept of "crime".

In this regard, the article examines the possibilities of AI in order to determine the probability of: attributing the identified illegal actions to criminal ones based on correlating the signs of a crime; committing a crime by a specific person based on an analysis of his criminogenic qualities, as well as identifying criminal intent and assessing the probability of its transition to criminal actions.

Keywords: Intelligent systems, signs of crimes, stages of crimes, criminal intent

For citation: Zharova A.K. Intelligent Systems for Recognizing Images and Meaning in the Crime Prevention System // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 16–23; DOI: 10.17323/tis.2024.21708

Мы все чаще встречаем примеры использования систем искусственного интеллекта (ИИ) в различных областях экономики и общественных отношений. В Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определена одна из целей развития искусственного интеллекта в нашей стране — это «обеспечение национальной безопасности и правопорядка» (п. 23) [1].

Под искусственным интеллектом понимают «моделируемую (искусственно-воспроизводимую) интеллектуальную деятельность мышления человека» [2]. К интеллектуальным системам (ИС) относят программно-аппаратные решения, созданные на основе различных алгоритмов ИИ [3]. Так, ИС, основанные на генетических алгоритмах, «конструируют роботов, которые могут быть изготовлены на автоматизированных заводах без участия человека» [3].

Термин «алгоритм» связывают с именем математика, философа, историка Аль-Хорезми, который сформулировал правила вычислений. В дальнейшем этот термин стал определять понятие «алгоритм». Под алгоритмом понимают «инструкцию, точное описание способа действия с использованием простых, общепонятных элементов (например, операций). В математике понятие алгоритма сужается до последовательности переходов от одного состояния вычисления к другому» [4].

Например, такие алгоритмы ИИ, как глубокое обучение, предиктивная аналитика больших данных, распознавание смысла и образов, и другие могут выявлять точки социальной напряженности в процессе анализа текста, видео и фотоматериалов.

Возможности алгоритмов ИИ могли бы выявлять точки напряженности в Сети, а объединение алгоритмов ИИ и уполномоченных органов в области обеспечения общественной безопасности как комбинация взаимодействия позволило бы не только получить смысловой анализ таких признаков преступного деяния, как противоправность, общественная опасность содержащаяся в размещенной информации [5], оценить реальность намерений человека совершить противоправные действия, но и вовремя отреагировать уполномоченным органам в области обеспечения

общественной безопасности и тем самым предотвратить преступные действия.

Статистика непредотвращенных преступлений, информация о намерении совершения которых была размещена в интернете за некоторое время до реализации преступного умысла, позволяет предположить, что интеллектуальные системы распознавания образов и смысла информации в Сети малоэффективны в системе предупреждения преступлений. Для подтверждения или опровержения данной гипотезы в статье дан ответ на вопрос о том, могут ли алгоритмы ИИ прогнозировать преступление, анализируя признаки преступного деяния, а также оценивать вероятность перехода стадий преступлений.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Большая часть уголовно-правовых отношений возникает в связи с совершением преступлений, т.е. тогда, когда правоохраняемым ценностям уже нанесен определенный вред, хотя обществу «выгоднее» предотвратить преступления, чем потом их расследовать и наказывать преступников. В связи с этим большое значение приобретает вторая задача уголовного преследования — предупреждение преступлений [6, 7]. В решении этой задачи мог бы помочь ИИ как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». В комплекс технологических решений входят информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке больших данных и поиску решений (п. 5 подп. «а») [1].

Таким образом, используя разные алгоритмы ИИ, комбинируя их, можно создавать ИС. Алгоритмы ИИ с высокой точностью могут определить смысл текста или изображений, размещенных в Сети, построить причинно-следственные связи развития событий. Например, такая область ИИ, как NLP, отвечает за аналитику контента, понимание и обработку естественного языка, извлечение из него ключевых идей или тем.

Таким образом, ИИ мог бы стать эффективным инструментом в руках уполномоченных органов в области обеспечения общественной безопасности для

реализации одной из их основных задач — предотвращение противоправных действий.

В зарубежной научной литературе обсуждается возможность использования алгоритмов ИИ для прогнозирования преступлений [1, 8]. В российском научном пространстве исследований, посвященных этой тематике, меньше [9, 10, 11]. Кроме того, в основном в зарубежных отчетах публикуются результаты применения ИИ в целях проведения предиктивной аналитики преступности и предотвращения преступлений на основе полученного анализа. В отечественных отчетах и литературе в большинстве случаев речь идет об интеллектуальных технологиях, применяемых на этапе расследования преступления [12], таких, например, как программа «Конструктор места происшествия», системы моделирования различных следственных действий [13] и др. [14]. Но эти отечественные системы не решают проблему прогнозирования преступлений, хотя еще в 2008 г. предлагалось использовать методы предиктивной аналитики в целях принятия обоснованных управленческих решений [15].

Актуальность данной проблемы подтверждает поставленная в Ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 гг. [16] задача ликвидации имеющегося отставания по вопросам применения технологий искусственного интеллекта.

Однако, несмотря на имеющиеся зарубежные отчеты о прогнозировании преступлений, закономерен вопрос: можно ли прогнозировать совершение преступлений, иными словами — имеются ли у преступления те параметры или признаки, которые подлежат вероятностной оценке?

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ НЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ?

К полномочиям МВД России отнесено в том числе «формирование основных направлений государственной политики в сфере внутренних дел на основе анализа и прогнозирования: состояния преступности; положения дел в области охраны общественного порядка и собственности, обеспечения общественной безопасности; миграционных процессов» (п. 11) [17].

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет о прогнозировании преступности, но не о прогнозировании преступления. Преступление является конкретным юридическим фактом, обладающим определенными признаками, а преступность — явлением социальным, обобщенным и статистически измеряемым.

Прогнозирование таких социальных явлений, как «преступность, личность преступника, факторы (причины и условия) преступности, последствия пре-

ступности, меры борьбы с преступностью» [16], отнесено к задачам криминологического прогнозирования. Причем преступность рассматривается на трех уровнях интерпретации: свойства преступности как массового явления, свойства преступника, признаки преступного деяния.

Прогнозирование преступности как социального явления связано с предвидением, вычислением вероятностных изменений, тенденций и закономерностей преступности в будущем и является одной из задач криминологического прогнозирования.

Однако если подходить к оценке преступления как преступного деяния, то построение системы установленных причинно-следственных связей и закономерностей, сопровождающих преступные деяния, позволит дать оценку состояния и его вероятного направления развития. Но для прогнозирования вероятности совершения преступления как уголовно-наказуемого деяния необходимо оценить его признаки.

Т.Н. Долгих считает, что в теории уголовного права, несмотря на сформулированное понятие преступления, вопрос о перечне признаков преступления является дискуссионным, поскольку УК РФ не определяет понятие и виды признаков преступления [18]. С учетом анализа определения, сформулированного в ч. 1 ст. 14 УК РФ, выделяются следующие признаки преступления как деяния: общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. Однако эти признаки присущи уже совершенному деянию, у которого в связи с реальностью его существования можно оценить такие признаки.

Отмечу, что среди обозначенных признаков преступления алгоритмами ИИ, например алгоритмом глубокого обучения, может быть дана оценка только двум признакам — общественной опасности и противоправности, а два других признака — наказуемость и виновность — должны быть оценены только человеком. Оценка интеллектуальной системой двух других признаков преступления — виновности и наказуемости — должна носить рекомендательный характер, окончательное решение необходимо принимать уполномоченному лицу.

Например, для получения ответа на вопросы, является ли смысловая конструкция в интернете общественно опасной и содержит ли она признаки противоправности, интеллектуальной системе необходимо оценить не только смысл текста, но и все связанные с размещением этого текста события — например, провести анализ всей информации, которая размещена на странице социальной сети предполагаемого преступника, его социальных связей. Одна и та же информация может носить различную окраску в зависимости от контекста — например, словосочета-

ние «я тебя убью» может быть как фигурой речи, так и угрозой убийства. Для оценки реальности угрозы интеллектуальные системы должны проанализировать множество данных, оставленных человеком, который разместил текст, — его цифровые следы и цифровые тени [19]. В этом случае результат работы интеллектуальной системы будет отвечать требованию смыслового толкования обстоятельств криминальной ситуации в неразрывной связи со всеми сведениями по делу [20].

Хотя объективности ради необходимо отметить, что не существует абсолютно точных технологий и возможны ошибки в оценке данных. Но ошибки могут быть минимизированы в случае, если интеллектуальные системы не будут принимать решение за уполномоченные органы охраны общественной безопасности, а будут служить лишь инструментом анализа большого объема данных, передавая результат своей работы — вероятностную оценку опасности, противоправности и реальности намерений человека, полученную на основе совокупности цифровых данных, — уполномоченным органам в области охраны безопасности.

Таким образом, оценка ИИ признаков преступления возможна в случае существующего события. Фактически данная оценка признаков деяния позволит понять, можно ли отнести это деяние к преступлению.

ОЦЕНКА ИИ СТАДИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Возможным этапом оценки преступных деяний является оценка стадий совершения преступлений. С.В. Расторопов считает, что «преступные действия достаточно предсказуемы и прогнозируемы, необходимо лишь правоохранительным органам найти в больших объемах данных эти закономерности» [21].

Действительно, анализ больших данных может позволить оценить преступные действия на предмет их соответствия стадиям преступления — приготовление, покушение и оконченное действие. В этом случае ИИ должен оценить вероятность перерастания одной стадии преступления в другую, выявить сопровождающие преступные действия события и явления, распознать их, сравнить полученные данные с другими данными, построить причинно-следственную связь и предотвратить переход преступления в последующие стадии [22].

Однако оценка стадий возможна не для любых преступлений. Специалисты в области уголовного права считают, что выделение стадий преступления возможно только в отношении умышленных преступлений [23]. В таком случае закономерен вопрос: могут ли алгоритмы ИИ выявить преступный умысел в размещенной информации? Иными словами: может

ли ИИ построить вероятностную модель перерастания преступного умысла в совершение преступных действий определенным человеком? Преступный умысел как отражение преступных намерений может быть выражен посредством телодвижения, слов, символов, фото- или видеоматериалов. Современные возможности ИИ позволяют оценить всю связанную с человеком информацию и выявить, например, в Сети предварительную преступную деятельность.

Необходимо оговориться, что, хотя большинство российских специалистов по уголовному праву не относят формирование преступного умысла к стадиям преступления [24], есть и те, кто считают это нулевой стадией подготовки преступления [25, 26].

В зарубежной научной литературе ученые представляют результаты своих работ, связанные с выявлением преступных намерений, умысла по результатам проведенного ИИ анализа пользовательского контента на платформах социальных сетей [27]. В проведенном эксперименте использование алгоритмов машинного обучения позволило понять и проанализировать настроения пользователей социальной сети, связанные с возможными преступными действиями. ИИ достаточно точно определил преступные намерения, отраженные в пользовательском контенте, что позволило правоохранительным органам усилить свои упреждающие меры [27].

Кроме того, существуют технологические решения, направленные на прогнозирование вероятности совершения преступления конкретным человеком по результатам оценки его криминогенных качеств [28, 29]. В этом случае алгоритм ИИ анализирует существующие отношения, действия, совершаемые человеком, например, в Сети. Результаты работы таких математических моделей уже представлены на обсуждение общественности [30, 31].

Обсуждая возможность предотвращения преступлений, мы должны исходить из того, что распознавание ИИ преступного умысла, выраженного в размещенной в Сети информации, позволит оценить вероятность перерастания умысла в реальные преступные действия и заблаговременно отправить эту информацию уполномоченным органам в области обеспечения безопасности. Тем самым риск развития преступных действий будет минимизирован, а правоохранительные органы примут соответствующие профилактические меры [32].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку в российских открытых источниках отсутствует информация о российских ИС в области предиктивной аналитики преступлений, было сделано

предположение, что алгоритмы ИИ неэффективны для предупреждения преступности и преступлений. Однако анализ опубликованных за рубежом научных отчетов, российских и зарубежных научных работ, посвященных разработанным ИС в правоохранительной сфере, позволили сделать вывод, что ИС позволяют достичь результата — прогнозирования возможных преступлений.

Применение ИС уполномоченными органами охраны правопорядка, как показывают аналитические материалы, позволяет не только выявить противоправный и общественно-опасный контент, но и оценить вероятность совершения преступления конкретным человеком. Такие ИС разрабатываются на основе алгоритмов ИИ, например глубокого обучения, предиктивной аналитики, анализа больших данных и других, которые могут распознать преступление еще на стадии формирования преступного умысла, выраженного в размещенной информации, и тем самым минимизировать возможность перерастания умысла в реальные преступные действия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.») // СЗ РФ. 2019. № 41. ст. 5700.
2. ГОСТ Р 43.0.8-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Искусственно-интеллектуализированное человеко-информационное взаимодействие. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 27.07.2017 № 757-ст). М.: Стандартинформ, 2018.
3. Коровин А.М. Интеллектуальные системы: текст лекций. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2015. 60 с. — URL: https://lib.susu.ru/ftd?base=SUSU_METHOD&key=000539905&dtype=F&etype=.pdf
4. Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/c/algoritm-ee5b00>
5. Жарова А.К. Искусственный интеллект — средство или способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации? // Государство и право. 2023. № 2. С. 54–61. DOI 10.31857/S102694520021177-5. EDN PESJQJ.
6. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: уч. для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М: Статут, 2012.
7. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. Т. I: Преступление и наказание. СПб.: Юр. центр Пресс, 2008. С. 77–78.

8. Artificial Intelligence in the Context of Crime and Criminal Justice. — URL: https://www.cicc-iccc.org/public/media/files/prod/publication_files/Artificial-Intelligence-in-the-Context-of-Crime-and-Criminal-Justice_KICICCC_2019.pdf
9. Umadevi V Navalgund, Priyadharshini K. Crime Intention Detection System Using Deep Learning, December 2018, Conference: 2018 International Conference on Circuits and Systems in Digital Enterprise Technology (ICCSDET) DOI: 10.1109/ICCSDET.2018.8821168
10. Сретенцев Д.Н., Волкова В.Р. Перспективы внедрения систем искусственного интеллекта в сферу расследования преступлений // Российский следователь. 2021. № 11. С. 38-42. DOI 10.18572/1812-3783-2021-11-38-42. EDN HLNQDU.
11. Расторопов С.В. Использование искусственного интеллекта для предупреждения и выявления преступлений (мировой опыт) // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 40–43. DOI 10.18572/1812-3910-2020-5-40-43. EDN QPDQHX.
12. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, No 6. P. 753–766. DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766. EDN YYSTVR.
13. Смушкин А.Б. Экосистема предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7. С. 143–158.
14. Яшин А.А. Виртуальные технологии в расследовании преступлений: перспективные направления и возможности использования // Адвокатская практика. 2022. № 6. С. 23–26.
15. Горбенко А.О., Мамасуев А.В. Применение аналитических систем при принятии управленческих решений в органах внутренних дел (аналитические системы OLAP) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 96–99. EDN NEFKRP.
16. Распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 гг.». Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».
17. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 52 (Ч. V.). Ст. 7614.
18. Долгих Т.Н. Признаки преступления в теории уголовного права. 2023 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Жарова А.К., Елин В.М., Минбалеев А.В. Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления. М.: Русайнс, 2022. 240 с. ISBN 978-5-466-00766-4. EDN DNKVPR.
20. Халиков А.Н. Герменевтические проблемы истолкования криминалистической информации при расследовании уголовных дел // Российский следователь. 2021. № 2. С. 19–23.
21. Расторопов С.В. Использование искусственного интеллекта для предупреждения и выявления преступлений (мировой опыт) // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 40–43.
22. Жарова А.К. Необходимо ли ужесточение требований об обязательном общем мониторинге информации провайдером хостинга? // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 41, № 2. С. 21–29. DOI 10.17323/tis.2022.14439. EDN L XKDRR.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (постатейный). 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2011.
24. Андрусенко С.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. В.П. Кашепов. М.: ИЗиСП, Анкил, 2012. 312 с.
25. Баев О.Я. Криминалистические методики в реализации доказывания по уголовным делам и совершенствование основ их конструирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 21–29.
26. Ситникова А.И. Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование // Lex russica. 2015. № 11. С. 83–95.
27. Leveraging Machine Learning for Crime Intent Detection in Social Media Posts / B.G. Bokolo, P. Onyehanere, E. Ogegbene-Ise et al. F. Zhao, D. Miao (eds) AI-generated Content. AIGC 2023 // Communications in Computer and Information Science. 2024. Vol. 1946. Springer, Singapore. — URL: https://doi.org/10.1007/978-981-99-7587-7_19
28. Антонян Е.А., Аминов И.И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 167–177.
29. Криминология: уч. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.Д. Малкова. М.: Юстицинформ, 2006.
30. Завьялов И.А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2021. № 3. С. 228–236. DOI 10.24412/2073-0454-2021-3-228-236. EDN MWOJZD.
31. Cisco Secure Endpoint (AMP for Endpoints). — URL: https://www.cisco.com/c/en_hk/products/security/amp-for-endpoints/index.html
32. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Цифровая преступность в условиях пандемии: основные тренды //

Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 185–198. DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).185-198. EDN GNPYZX.

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii" (vmeste s "Nacional'noj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 g.") // SZ RF. 2019. No 41. St. 5700.
2. GOST R 43.0.8-2017. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Informacionnoe obespechenie tekhniki i operatorskoj deyatel'nosti. Iskustvenno-intellektualizirovannoe cheloveko-informacionnoe vzaimodejstvie. Obshchie polozheniya (utv. i vveden v dejstvie Prikazom Rosstandarta ot 27.07.2017 No№ 757-st). M.: Standartinform, 2018.
3. Korovin A.M. Intellektual'nye sistemy: tekst lekcij. Chelyabinsk: Izdatel'skij centr YuUrGU, 2015. 60 s. URL: https://lib.susu.ru/ftd?base=SUSU_METHOD&key=000539905&dtype=F&etype=.pdf
4. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. — URL: <https://bigenc.ru/c/algoritm-ee5b00>
5. Zharova A.K. Iskustvennyj intellekt–sredstvo ili sposob soversheniya moshennichestva v sfere komp'yuternoj informacii? // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 2. S. 54–61. DOI 10.31857/S102694520021177-5. EDN PESJQJ.
6. Uголовное право Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': uch. dlya vuzov / pod red. V.S. Komissarova, N.E. Krylovoj, I.M. Tyazhkovoj. M.: Statut, 2012.
7. Polnyj kurs uголовного права / pod red. A.I. Korobeeva. T. I: Prestuplenie i nakazanie. SPb.: Ur. tsentr Press, 2008. S. 77–78.
8. Artificial Intelligence in the Context of Crime and Criminal Justice. — URL: https://www.cicc-iccc.org/public/media/files/prod/publication_files/Artificial-Intelligence-in-the-Context-of-Crime-and-Criminal-Justice_KICICCC_2019.pdf
9. Umadevi V, Navalgund, Priyadharshini K. Crime Intention Detection System Using Deep Learning, December 2018, Conference: 2018 International Conference on Circuits and Systems in Digital Enterprise Technology (ICCSDET). DOI: 10.1109/ICCSDET.2018.8821168
10. Sretencev D.N. Perspektivy vnedreniya sistem iskusstvennogo intellekta v sferu rassledovaniya prestuplenij / D. N. Sretencev, V. R. Volkova // Rossijskij sledovatel'. 2021. No 11. S. 38-42. DOI 10.18572/1812-3783-2021-11-38-42. EDN HLNQDU.
11. Rastoropov S.V. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta dlya preduprezhdeniya i vyavleniya prestuplenij (mirovoj opyt) // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2020. No 5. S. 40–43. DOI 10.18572/1812-3910-2020-5-40-43. EDN QPDQHX.
12. Sukhodolov A.P., Bychkova A.M., Sukhodolov A.P. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, No 6. P. 753–766. DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(6).753-766. EDN YYSTVR.
13. Smushkin A.B. Ekosistema predvaritel'nogo rassledovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2023. No 7. S. 143–158.
14. Yashin A.A. Virtual'nye tekhnologii v rassledovanii prestuplenij: perspektivnye napravleniya i vozmozhnosti ispol'zovaniya // Advokatskaya praktika. 2022. No 6. S. 23–26.
15. Gorbenko A.O., Mamasuev A.V. Primenenie analiticheskikh sistem pri prinyatii upravlencheskikh reshenij v organah vnutrennih del (analiticheskie sistemy OLAP) // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2008. No 4. S. 96–99. EDN NEFKRP.
16. Rasporyazhenie MVD Rossii ot 11 yanvarya 2022 g. No 1/37 "Ob utverzhdenii Vedomstvennoj programmy cifrovoj transformacii MVD Rossii na 2022–2024 gg." Dokument opublikovan ne byl // SPS "Konsul'tantPlyus".
17. Ukaz Prezidenta RF ot 21 dekabrya 2016 g. No 699 "Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po sub"ektu Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2016. No 52 (Ch. V). St. 7614.
18. Dolgih T.N. Priznaki prestupleniya v teorii uголовного права // SPS "Konsul'tantPlyus", 2023.
19. Zharova A.K., Elin V.M., Minbaleev A.V. Paradigma cifrovogo profilirovaniya deyatel'nosti cheloveka: riski, ugrozy, prestupleniya. M.: Rusajns, 2022. 240 s. ISBN 978-5-466-00766-4. EDN DNKVPK.
20. Halikov A.N. Germenevticheskie problemy istolkovaniya kriminalisticheskoy informacii pri rassledovanii uголовnyh del // Rossijskij sledovatel'. 2021. No 2. S. 19–23.
21. Rastoropov S.V. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta dlya preduprezhdeniya i vyavleniya prestuplenij (mirovoj opyt) // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2020. No 5. S. 40–43.
22. Zharova A.K. Neobhodimo li uzhestochenie trebovanij ob obyazatel'nom obshchem monitoringe informacii provajderami hostinga? // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. 2022. T. 41, No 2. S. 21–29. DOI 10.17323/tis.2022.14439. EDN LXXDRR.
23. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj). 7-e izd., pererab. i dop. / otv. red. A.I. Rarog). M.: Prospekt, 2011.

24. *Andrusenko S.P., Golovanova N.A., Gravina A.A.*
Mezhdunarodno-pravovye standarty v ugodnoy yusticii
Rossijskoj Federacii: nauchno-prakticheskoe posobie /
otv. red. V.P. Kashepov. M.: IZiSP, Ankil, 2012. 312 s.
25. *Baev O.Ya.* Kriminalisticheskie metodiki v
realizacii dokazyvaniya po ugodnym delam i
sovershenstvovanie osnov ih konstruirovaniya //
Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. No 5.
S. 21–29.
26. *Sitnikova A.I.* Glava "Neokonchennoe prestuplenie"
UK RF i ee zakonodatel'no-tekstologicheskoe
obosnovanie // Lex russica. 2015. No 11. S. 83–95.
27. Leveraging Machine Learning for Crime Intent
Detection / B.G. Bokolo, P. Onyehanere, E. Ogegbene-
Ise et al. // Social Media Posts / F. Zhao, D. Miao
(eds). AI-generated Content. AIGC 2023 //
Communications in Computer and Information Science
2024. Vol. 1946. Springer, Singapore. — URL: https://doi.org/10.1007/978-981-99-7587-7_19
28. *Antonyan E.A., Aminov I.I.* Blokchejn-tehnologii v
protivodejstvii kiberterrorizmu // Aktual'nye problemy
rossijskogo prava. 2019. No 6. S. 167–177.
29. *Kriminologiya: uc. dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop.*
/ pod red. V.D. Malkova. M.: Yusticinform, 2006.
30. *Zav'yalov I.A.* Zarubezhnyj opyt ispol'zovaniya
iskusstvennogo intellekta v raskrytii prestuplenij //
Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021.
No 3. S. 228–236. DOI 10.24412/2073-0454-2021-
3-228-236. EDN MWOJZD.
31. Cisco Secure Endpoint (AMP for Endpoints). —
URL: [https://www.cisco.com/c/en_hk/products/
security/amp-for-endpoints/index.html](https://www.cisco.com/c/en_hk/products/security/amp-for-endpoints/index.html)
32. *Hisamova Z.I., Begishev I.R.* Cifrovaya prestupnost' v
usloviyah pandemii: osnovnye trendy // Vserossiiskij
kriminologicheskij zhurnal. 2022. T. 16, No 2. S. 185–
198. DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(2).185-198.
EDN GNPYZX.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ОТКРЫТОСТЬ СУДОВ КАК ПРАВОВАЯ ГАРАНТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

INFORMATION OPENNESS OF COURTS AS A LEGAL GUARANTEE OF PUBLIC CONTROL OVER THE FUNCTIONING OF THE JUDICIARY

Сергей Викторович ПОТАПЕНКО

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
potapenkosv@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-3013-5072

Информация об авторе

С.В. Потапенко — декан юридического факультета имени А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Проблематика информационной открытости судебной системы остается весьма актуальной в условиях модернизации общества и государственных институтов. Широкое внедрение цифровых технологий в судебной системе позволило свободно искать, получать, передавать, производить и распространять судебную информацию в цифровой форме. Вследствие этого произошла трансформация информационной открытости судов, основанной в настоящее время на цифровых технологиях, что существенно повысило эффективность общественного контроля за функционированием судебной власти.

Цель настоящего исследования — всесторонний анализ изменений в информационной открытости судов в связи с цифровизацией, а также определение роли информационной открытости как гарантии общественного контроля в судебной системе.

Для реализации поставленной цели были выделены следующие задачи: исследовать правовую основу доступа к судебной информации; оценить влияние цифровых технологий на уровень информационной открытости судебных органов; проанализировать эффективность общественного контроля за деятельностью судебной власти в контексте цифровой трансформации.

- Методология исследования включает в себя диалектический, формально-логический и другие общенаучные методы исследования; специально-юридические методы: формально-юридический и другие.
- Результаты исследования демонстрируют, что цифровые инновации способствуют увеличению информационной открытости судебной системы и усилению общественного контроля за осуществлением правосудия.
- Выводы исследования подчеркивают значимость дальнейшей разработки правовых механизмов, направленных на гармонизацию цифровизации и информационной открытости судов, что позволит укрепить общественный контроль за судами и повысить доверие к судебной власти.

Ключевые слова: цифровизация, информационная открытость, цифровая судебная информация, общественный контроль, судебная власть

- **Для цитирования:** Потапенко С.В. Информационная открытость судов как правовая гарантия общественного контроля за функционированием судебной власти // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 24–29; DOI: 10.17323/tis.2024.21709

Sergey V. POTAPENKO

- Kuban State University, Krasnodar, Russia, potapenkosv@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3013-5072

Information about the author

- S.V. Potapenko — Dean of the A.A. Khmyrov faculty of law of Kuban State University, Doctor of Law, Professor

Abstract. The problem of information openness of the judicial system remains very relevant in the conditions of modernization of society and state institutions. The widespread introduction of digital technologies in the judicial system has made it possible to freely seek, receive, transmit, produce and disseminate judicial information in digital form. As a consequence, there has been a transformation of the information openness of the courts, currently based on digital technologies, which has significantly increased the effectiveness of public control over the functioning of the judiciary.

The purpose of this study is to comprehensively analyze the changes in the information openness of the courts due to digitalization, as well as to determine the role of information openness as a guarantee of public control in the judiciary. In order to realize the set goal, the following tasks were allocated: to study the legal basis of access to judicial information; to assess the impact of digital technologies on the level of information openness of the judiciary; to analyze the effectiveness of public control over the activities of the judiciary in the context of digital transformation. The research methodology includes dialectical, formal-logical and other general scientific research methods; special-legal methods: formal-legal and others.

The results of the study demonstrate that digital innovations contribute to increasing the information openness of the judicial system and strengthening public control over the implementation of justice.

The findings of the study highlight the importance of further development of legal mechanisms aimed at harmonizing digitalization and information openness of the courts, which will strengthen public control over the courts and increase confidence in the judiciary.

Keywords: digitalization, information openness, digital judicial information, public control, judicial power

For citation: Potapenko S.V. Information Openness of Courts as a Legal Guarantee of Public Control over the Functioning of the Judiciary // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 24–29; DOI: 10.17323/tis.2024.21709

- .
- .
- .
- .
- .
- .
- .

Известный российский ученый-юрист профессор И.Я. Фойницкий еще в конце XIX в. писал, что «общественное убеждение в достоинстве суда возможно с тем лишь условием, чтобы каждый шаг судебной деятельности был известен обществу» [1, с. 98]. Такой подход более чем актуален и сегодня, поскольку, согласно ч. 4 ст. 29 Конституции РФ, «...каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [2]. При этом каждый имеет право на общедоступную судебную информацию, включающее в себя и право на свободный доступ к такой информации [3].

Масштабная цифровизация как процесс перехода от аналоговых форм информации к цифровым обеспечила наполнение цифровыми информационными технологиями российское правосудие, что вывело на новый, более высокий уровень информационную открытость судебной системы. Как результат цифровизации современной российской судебной системы появились единое информационное пространство судов, цифровое право и цифровое правосудие как форма существования данных¹, а также цифровые судебные платформы, используя которые, каждый может получать общедоступную достоверную судебную информацию: о деятельности судебной власти, о ходе и результатах судебных разбирательств, о формировании судейского корпуса, а также о конкретных судьях, осуществляющих правосудие во всех регионах Российской Федерации.

Информационно-технологическое обеспечение открытости и гласности российского правосудия осуществляется на основе использования судебных информационных систем (цифровых информационных и телекоммуникационных технологий), с помощью которых организован доступ к правосудию и судебной информации.

- Основным источником получения информации о судебных актах в интернете выступают официальные сайты судов.

¹ В отличие от этого электронное правосудие акцентирует внимание на свойствах носителя информации.

К главным цифровым информационным комплексам судов общей юрисдикции, предоставляющим свободный доступ к судебной информации, относится Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» (ГАС, см. <https://sudrf.ru>). С учетом того, что для обеспечения открытости судопроизводства особое значение имеет доступность в интернете текстов решений судов всех уровней и звеньев (это предусмотрено ст. 15 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»), в качестве подсистемы в ГАС «Правосудие» входит «Банк судебных решений (судебной практики)» (см. <https://sudrf.ru>).

На едином портале ГАС «Правосудие» размещены веб-сайты всех судов общей юрисдикции и органов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, являющиеся важнейшими источниками информации о российском правосудии.

В ГАС «Правосудие» созданы три информационных контура документооборота (защищенный, ведомственный и публичный). Последний контур обеспечивает баланс требований открытости информации и ее защиты.

Для доступа к судебной информации по арбитражным судам используется информационный сайт «Федеральные арбитражные суды» (<https://arbitr.ru/>), на котором размещена цифровая платформа «Мой арбитр», включающая в себя подсистемы «Картотека арбитражных дел» и «Банк решений арбитражных судов».

Обе названные цифровые платформы в полной мере обеспечивают интеграцию информации о судебных делах и являются составными частями официальной автоматизированной информационной системы, предназначенной для создания единого российского судебного информационного пространства.

Исходя из этого под информационной открытостью судов следует понимать в первую очередь обеспечение судебной властью удовлетворения информационных интересов граждан и организаций посредством цифровых платформ в целях повышения уровня их правовой культуры и усиления авторитета судебной власти. Иными словами, через цифровую информационную открытость судебной власти реализуется право каждого на доступ к судебной информации.

Гласность и информационная открытость — несовпадающие понятия. Гласность — это судопроизводственный (процессуальный) принцип судопроизводства. Гласность судопроизводства предполагает, что любое лицо, не являющееся участником судебного процесса, имеет возможность беспрепятственно присутствовать в любом открытом судебном заседании

как реально, так и виртуально при трансляции судебного процесса в сети Интернет.

В отличие от этого *информационная открытость* — это *судоустройственный принцип*, предназначенный для обеспечения доступа широкой общественности к информации о судебной деятельности и ее результатам. В частности, информационная открытость предполагает доступ каждого к судебным решениям, что дает возможность обеспечить общественный контроль за судебной деятельностью и доверие к системе правосудия.

Информационная открытость судов как принцип информационной политики российской судебной системы является основой для их взаимодействия со СМИ в правовом поле. С учетом ожиданий общества сегодня информационная открытость правосудия — это обязательный параметр оценки работы судов и судей, непосредственно влияющий на гармонизацию отношений судебной власти и общества и повышающий уровень доверия к судебной системе.

Статья 21 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [4] посвящена целям и формам взаимодействия судов, Судебного департамента, органов Судебного департамента, органов судейского сообщества с редакциями средств массовой информации. Целью такого взаимодействия в статье названо объективное, достоверное и оперативное информирование пользователей о деятельности судов.

В условиях современной действительности информационная открытость судебной власти лежит в основе конструктивного взаимодействия судов и СМИ.

Задача судов при таком взаимодействии — объективное и всестороннее информирование общественности и граждан о судебной деятельности, формирование вектора интересов СМИ по позитивному освещению роли судебной власти в механизме защиты прав и свобод личности, законных интересов граждан, юридических лиц и общественных организаций. По сути, такой подход направлен, с одной стороны, на удовлетворение потребности общества и граждан в объективной и достоверной судебной информации в условиях информационной открытости судебной системы, а с другой стороны, на повышение доверия российского общества к судебной власти.

Получить такое доверие суды могут только с помощью диалога судейского сообщества с представителями СМИ. От этого напрямую зависит степень доверия граждан и общества к судебной власти. На этот счет М.А. Федотов еще в 2011 г. справедливо отмечал, что «общество кровно заинтересовано в том, чтобы

судейский мир не был замкнутой железобетонной кастой, а судебные решения были ... понятны людям, чтобы их справедливость ... не вызвала никаких сомнений» [5, с. 83]. Неслучайно поэтому уже в следующем году было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 35 от 13 декабря 2012 г. «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» [6].

С помощью открытости и гласности правосудия могут быть обеспечены справедливость и беспристрастность суда, общественный контроль за деятельностью суда со стороны населения, что является важным условием уважения и доверия общества к судебной власти [7].

Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 гг., одобренная Советом судей РФ 5 декабря 2019 г. (далее — Концепция), является выражением официальных взглядов судебного сообщества России на цели, задачи, принципы и основные направления работы в информационной сфере, представляющей собой совокупность информации (информационных ресурсов), субъектов, осуществляющих сбор и распространение информации, а также системы регулирования возникающих при этом общественных и правовых отношений.

Как следует из названной Концепции, одной из ее целей провозглашено обеспечение открытости и доступности правосудия для граждан и организаций. К основным целям Концепции относятся гармонизация отношений судебной власти и общества, повышение уровня доверия к судебной системе, повышение эффективности взаимодействия средств массовой информации и органов судебной системы. Например, в целях формирования единого информационного пространства не только в Верховном Суде РФ, но и на уровне субъектов Российской Федерации созданы объединенные пресс-службы (координационные советы) судебной системы региона, отвечающие за проведение семинаров и вебинаров для судей и пресс-секретарей судов с участием пресс-секретарей судов областного уровня и органов Судебного департамента, а также представителей научного (экспертного) сообщества, повышение квалификации пресс-секретарей.

Важнейшее значение для информационной открытости правосудия имеет обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в средствах массовой информации и социальных сетях. Позитивный пример в этом подает Верховный Суд РФ, который даже заседания Пленумов проводит посредством веб-конференций с размещением их записей на официальном YouTube-канале Верховного Суда РФ [8]. Кроме того, Верховный Суд присутству-

ет и в других социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», фотохостинге Flickr и RuTube, откуда широкая общественность оперативно получает информацию о резонансных уголовных делах и других актуальных направлениях судебной деятельности.

В начале октября 2023 г. председатель Совета судей РФ В.В. Момотов предложил судьям пояснять для СМИ свои решения в социальных сетях. По словам В.В. Момотова, «чем прозрачнее наша работа, чем больше информации публикуем в открытом доступе, тем меньше у общества возникает подозрений в недобросовестности и несправедливости принимаемых решений. Судья не может публично обсуждать решения других судей, но может пояснять свои собственные. В некоторых случаях, на мой взгляд, это могло бы стать позитивной практикой, так как граждане не обладают необходимым уровнем юридической подготовки, чтобы понимать основания вынесения того или иного решения» [9].

Мы такой подход поддерживаем, поскольку никто другой, кроме судьи, который принял судебное решение, вступившее в законную силу, досконально не владеет всеми законными, обоснованными и справедливыми мотивами его принятия. Представляется, что такой подход повысит доверие общества к судебной власти.

Однако при этом судьи должны подчиняться требованиям Кодекса судейской этики, иметь в виду, что исходящая от них информация в социальных сетях не должна умалять авторитет судебной власти, ставить под сомнение доверие к правосудию и их личную беспристрастность и независимость.

Важно при этом, что через социальные сети суды не только распространяют информацию, но и получают обратную связь от общества в виде комментариев посетителей и тысяч постоянных подписчиков. Такая сетевая коммуникация, а также взаимодействие судов и СМИ через цифровые платформы свидетельствуют о реальной информационной открытости современного российского правосудия.

С учетом того, что в России создано единое информационное пространство для судов всех уровней, стала менее актуальной проблема «скандализации правосудия», подразумевающая манипулирование общественным мнением в отношении судебной власти, умаление ее авторитета, беспорядочную, необоснованную критику, подрывающую доверие общественности к процессу отправления правосудия. Не в последнюю очередь это стало возможным вследствие повышения эффективности работы комиссий по взаимодействию со СМИ Совета судей РФ и таких же комиссий, сформированных при советах судей субъектов РФ.

Таким образом, граждане и организации, реализующие свое конституционное право на информацию о судах и правосудии, с момента вступления их в информационно-правовые отношения с судебными органами становятся их участниками (субъектами) [5]. Исходя из принципа информационной открытости правосудия заметим, что в данном случае речь идет не об участниках судебных процессов, а о каждом субъекте права на информацию.

Хотя в ч. 1 ст. 120 Конституции РФ установлено, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону», общественный внешний контроль за правосудием никак не посягает на независимость судей, но способствует повышению уровня доверия общества к судебной власти, поскольку, как верно отметил В.Д. Зорькин, «полномочия судей непосредственно связаны с их ответственностью, которая подразумевает в первую очередь подотчетность судейского корпуса обществу» [10].

Общественный контроль за деятельностью судебной власти — это процесс наблюдения, анализа и оценки действий судов и судейского сообщества со стороны гражданского общества в целях обеспечения прозрачности, легитимности и эффективности судебной защиты прав и законных интересов граждан. Причем в данном случае идет речь «не о вмешательстве в осуществление правосудия, а о контроле за соблюдением прав граждан на доступ к правосудию» [11].

Для контроля за публичной властью необходима открытость информации о ее деятельности. Поэтому к одной из основных задач общественного контроля относится контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти. В связи с этим уместно напомнить, что основополагающим принципом организации публичной власти является гласность, которая обеспечивается открытостью информации о ее деятельности. Проблему открытости публичной власти необходимо рассматривать исходя из постулата, что обеспечение открытости информации — это прежде всего вопрос доверия общества и его граждан к органам власти. Очевидно, что открытость органов публичной власти позволяет ей создавать среду открытого диалога с гражданами и таким образом обеспечивать высокий уровень доверия со стороны граждан, привлекая широкое внимание к вопросам государственного управления и вовлекая граждан в совместный поиск решения проблем. Поэтому обеспечение открытости информации о деятельности публичной власти является одной из самых важных сфер общественного контроля.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 14.03.2002 № 30-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (с изм. и доп.,

вступ. в силу с 01.01.2023), десять членов коллегии — представители общественности — назначаются Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Представители общественности также входят в состав квалификационных коллегий судей субъектов РФ [12]. В силу этого обстоятельства представители общественности реально участвуют в формировании судейского корпуса, присвоении им квалификационных классов, а также в решении вопросов о дисциплинарной ответственности судей и т.п.

Кроме того, согласно п. 6.1 ст. 27 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей в целях обеспечения участия представителей общественности в работе комиссий по проверке жалоб или сообщений, содержащих сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка, квалификационная коллегия судей раз в четыре года утверждает соответствующий список представителей общественности для участия в работе комиссий по проверке жалоб или сообщений, содержащих сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка. Представители общественности для участия в работе комиссий выдвигаются коллективами научных организаций, образовательных учреждений высшего образования, общественных организаций [13].

По сути, участие представителей общественности в работе квалификационных коллегий судей и в работе комиссий по проверке жалоб или сообщений, содержащих сведения о совершении судьей дисциплинарного проступка, вполне можно рассматривать в качестве разновидности общественного контроля за формированием судейского корпуса, а также как дополнительное средство обеспечения открытости судебной информации.

В заключение отмечу, что расширение форм общественного контроля за правосудием и форм цифровой информационной открытости судебной власти — залог дальнейшего роста доверия населения к российским судам и судьям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах. Т. 1. СПб, 1996. С. 98.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Доступ к информации в Российской Федерации / Под ред. И.Ю. Павлова. СПб.: Институт развития свободы информации, 2011. С. 17.
4. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об обеспечении доступа к инфор-

- мации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Информационное право: учебник для вузов / М.А. Федотов [и др.]; под редакцией М.А. Федотова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 83.
 6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Российская газета № 292 от 19.12.2012.
 7. Потапенко С.В. Информационная открытость и гласность уголовного судопроизводства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 1. С. 69–75. DOI 10.31429/20785836-14-1-69-75. — EDN ADZGSI.
 8. Официальный YouTube канал Верховного Суда Российской Федерации. Заседание Пленума Верховного Суда РФ 29 июня 2021 г. посредством веб-конференции // YouTube. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=p-EQ6rz_wg (дата обращения: 12.01.2021).
 9. Готовятся правила поведения судей в социальных сетях. — URL: <https://rg.ru/2023/10/18/lishnegone-lajknut.html?ysclid=lpe9d75qhu246502023>
 10. Зорькин В.Д. Письмо Совету судей по поводу проведения экспертизы резонансных уголовных дел // URL: <https://rg.ru/2011/02/15/zorkin-poln.html?ysclid=lpe4kipi89286000310>
 11. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
 12. Федеральный закон от 14.03.2002 № 30-ФЗ № Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
 13. Положение о порядке работы квалификационных коллегий судей (утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22.03.2007) (ред. от 21.09.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
 - o deyatel'nosti sudov v Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
 5. Informacionnoe pravo : uchebnik dlya vuzov / M.A. Fedotov [i dr.]; pod redakciej M.A. Fedotova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023. S. 83.
 6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 13.12.2012 No 35 "Ob otkrytosti i glasnosti sudoproizvodstva i o dostupe k informacii o deyatel'nosti sudov" // Rossijskaya gazeta No 292 ot 19.12.2012.
 7. Potapenko S.V. Informacionnaya otkrytost' i glasnost' ugovornogo sudoproizvodstva // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. No 1. S. 69–75. DOI 10.31429/20785836-14-1-69-75. — EDN ADZGSI.
 8. Oficial'nyj YouTube kanal Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. Zasedanie Plenuma Verhovnogo Suda RF 29 iyunya 2021 g. posredstvom veb-konferencii // YouTube. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=p-EQ6rz_wg (data obrashcheniya: 12.01.2021).
 9. Gotovyatsya pravila povedeniya sudej v social'nyh setyah. — URL: <https://rg.ru/2023/10/18/lishnegone-lajknut.html?ysclid=lpe9d75qhu246502023>
 10. Zor'kin V.D. Pis'mo Sovetu sudej po povodu provedeniya ekspertizy rezonansnyh ugovornyh del. — URL: <https://rg.ru/2011/02/15/zorkin-poln.html?ysclid=lpe4kipi89286000310>
 11. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 No 212-FZ (red. ot 27.12.2018) "Ob osnovah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
 12. Federal'nyj zakon ot 14.03.2002 No 30-FZ "Ob organah sudejskogo soobshchestva v Rossijskoj Federacii" (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023) // SPS "Konsul'tantPlyus".
 13. Polozhenie o poryadke raboty kvalifikacionnyh kollegij sudej" (utv. Vysshej kvalifikacionnoj kollegiej sudej RF 22.03.2007) (red. ot 21.09.2022) // SPS "Konsul'tantPlyus".

REFERENCES

1. Fojnickij I.Y. Kurs ugovornogo sudoproizvodstva: v 2-h t. T. 1. SPb, 1996. S. 98.
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS "Konsul'tantPlyus".
3. Dostup k informacii v Rossijskoj Federacii / Pod red. I.Yu. Pavlova. SPb.: Institut razvitiya Svobody Informacii, 2011. S. 17.
4. Federal'nyj zakon ot 22.12.2008 No 262-FZ (red. ot 08.12.2020) "Ob obespechenii dostupa k informacii

ЦИФРОВАЯ ВАЛЮТА: ОПЫТ РОССИИ И КИТАЯ

DIGITAL CURRENCY: RUSSIAN AND CHINESE EXPERIENCE

Фёдор Олегович МАТЫЦИН

МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Москва, Россия,
fo.matytsin@gmail.com,
ORCID: 0009-0008-3641-2249

Информация об авторе

Ф.О. Матыцин — стажер-исследователь Высшей школы аудита МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Стремительное развитие новых технологий, таких как большие данные, блокчейн и искусственный интеллект, вывело цифровую экономику на авансцену истории, что потребовало умения адаптироваться, идти в ногу со временем и совершенствовать правовое регулирование.

В 2023 г. в Российской Федерации были сделаны важные шаги на пути к внедрению цифрового рубля. В частности, впервые было проведено тестирование операций с цифровым рублем при участии реальных клиентов, а Государственная дума приняла ряд важных нормативных правовых актов, которые вносят поправки в действующее законодательство и регулируют введение цифрового рубля на территории России. Однако стремительное развитие цифровой валюты происходит не только в России, многие страны озадачены разработкой и внедрением новой формы денежных средств, которая одновременно повысит прозрачность и надежность проводимых операций, а также будет способствовать повышению стабильности национальной валюты.

В данной статье рассмотрены особенности правового регулирования и проведения операций с цифровой валютой на примере опыта Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, цифровой юань, цифровые финансовые активы, криптовалюта, налогообложение, денежное обращение, цифровая экономика

- Для цитирования: Матыцин Ф.О. Цифровая валюта: опыт России и Китая // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 30–37; DOI: 10.17323/tis.2024.21710

Fedor O. MATYTSIN

- Lomonosov Moscow State University, Higher School of State Audit (faculty), Moscow, Russian Federation,
fo.matytsin@gmail.com,
ORCID: 0009-0008-3641-2249

Information about the author

- F.O. Matytsin — trainee-researcher at Higher School of State Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University

- **Abstract.** The rapid development of new technologies, such as big data, blockchain, and artificial intelligence, has propelled the digital economy to the forefront of history, necessitating the ability to adapt, keep up with the times, and improve legal regulations.
- In 2023, the Russian Federation took significant steps towards the introduction of the digital ruble. Specifically, transactions with the digital ruble were tested for the first time with the participation of real customers, and the State Duma adopted several important legal acts that amend the current legislation and regulate the introduction of the digital ruble in Russia.
- However, the swift evolution of digital currencies is not exclusive to Russia, many countries are grappling with the development and implementation of a new form of money. This form aims to simultaneously enhance the transparency and reliability of transactions while contributing to the stability of the national currency.
- In this article, we propose to examine the features of legal regulation and the conduct of transactions with digital currency, using the experiences of both the Russian Federation and the People's Republic of China as examples.

Keywords: digital currency, digital ruble, digital yuan, digital financial assets, cryptocurrency, taxation, money circulation, digital economy

For citation: Matytsin F.O. Digital currency: Russian and Chinese experience // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 30–37; DOI: 10.17323/tis.2024.21710

•
•
•
•
•
•
•
•
•

• Back in 2017, the Government of the Russian Federation announced the development of proposals for the technological implementation of the issuance of a national cryptocurrency [1]. Russia's interest in developing a digital currency at that time was driven by the desire to enhance the security of the national payment system, amid sanctions, the intention to reduce reliance on the dollar in international settlements and the effort to combat the shadow economy.

• The next significant step towards the establishment of a national digital currency occurred with the release of a report for public consultations by the Central Bank of the Russian Federation in October 2020 [2]. Considering the responses received during public discussions, by spring 2021, the Central Bank had formulated the Digital Ruble Concept (*hereinafter also referred to as the Concept*). This document outlined the issuance model, key design elements, and the primary stages of implementing the national digital currency [3].

• Both the report and the Concept stressed that the digital ruble is not a cryptocurrency, as its issuance will be centrally managed by the Bank of Russia, serving as the guarantor of settlement security.

• During the same year, the Central Bank introduced the establishment of a platform for testing digital currency transactions. Testing commenced in the winter of 2022, with the participation of 12 banks. Following successful test transactions, representatives from the Central Bank announced the initiation of pilot projects in August 2023, involving the use of the digital ruble in transactions with real customers.

• In conjunction with the testing of the digital ruble platform, the regulatory framework for the integration of the digital ruble into the national payment system was developed and enhanced.

• Therefore, in July 2023, the President of Russia signed the Federal Law amending the Civil Code of the Russian Federation, officially recognizing the digital ruble as an object of civil rights [4]. On the same day, the Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" was enacted, granting customs authorities the authority to collect customs payments, special duties, anti-dumping and countervailing duties, interest, and penalties in digital rubles from the

payer's account starting from January 1, 2025 [5]. Similar adjustments, *mutatis mutandis*, were made to the tax legislation under Federal Law №610-FZ dated December 19, 2023, titled "On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees" [6].

Furthermore, in October 2023, the Central Bank released a draft directive with the aim of making the digital ruble accessible and appealing not only to Russian but also to foreign banks.

At the international level, Russia is not the sole country interested in bolstering the stability of its national payment system by leveraging advancements in the digital economy. An increasing number of central banks worldwide are embarking on projects to develop their own digital currencies. According to 2019 statistics, approximately 80% of the world's largest countries had either conducted or were researching digital currency implementation [7]. A study by the Bank for International Settlements in 2021 revealed that 86% of countries representing 72% of the world's population and 91% of global GDP were exploring the possibility of a national digital currency [8]. By 2022 this figure had risen to 93% [9].

Despite the growing interest in digital currency development among nations, studies conducted in 2021 and 2022 indicate that the question of whether central banks possess the authority to issue such currencies remains unresolved. Approximately a quarter of central banks still lack the authority to issue digital currency and about 40% are uncertain due to the unclear legal regulatory landscape. However, a 2022 report by the Bank for International Settlements highlighted that around 8% of jurisdictions are actively improving their legislation to align with the evolving digital landscape.

China has been at the forefront of digital currency adoption, taking early steps that position it ahead of many other market participants. According to the statement from the People's Bank of China (中国人民银行), the development and research into creating a national digital currency commenced as early as 2014. The impetus for scientific exploration in this field stemmed from a shift in the priorities of the People's Republic of China (hereinafter referred to as the PRC) from high-speed to high-quality development, where digital technologies and innovations emerged as crucial drivers of growth. Furthermore, the aspiration to astonish the world and establish an economy independent of the dollar and sanctions led to the establishment of the Digital Currency Research Institute (数字货币研究所) in 2016. This institute developed a model for the digital yuan, grounded in the principles of a two-tier system and managed anonymity.

The Covid-19 coronavirus pandemic played a significant role in bolstering not only the Chinese but also the global trend towards the creation of digital currency. This trend was fueled by a substantial increase in the demand for e-commerce and e-financial services. Consequently, starting in the winter of 2019, China initiated the gradual introduction of the digital yuan (e-CNY) into the payment system of the People's Republic of China. This endeavor was spearheaded by the National Bank of China with approval from the State Council, and involved the collaboration of major commercial banks such as the Bank of China, China Construction Bank, Industrial and Commercial Bank of China, Agricultural Bank of China, as well as leading Chinese mobile operators, including China Mobile, China Unicom, and China Telecom [11].

In the spring of 2020, the governor of the People's Bank of China, Yi Gang (易纲), announced the commencement of pilot tests for the digital yuan in several Chinese cities, namely Shenzhen, Suzhou, Xiong'an, and Chengdu. In these locations, local governments distributed digital yuan through lotteries. Subsequently, the testing of digital yuan operations expanded to include Shanghai, Hainan, Changsha, Xi'an, Qingdao, and Dalian. Additionally, the Winter Olympic Stadium in Beijing, where the 2022 Olympic Games were held, joined the testing initiative [12]. Consequently, during the Olympic Games, there were over 30 million downloads of a digital wallet to mobile phones for the purpose of paying for various tourist services, including transport, food, accommodation, etc.

In line with the Fourteenth Five-Year Plan for the Development of Informatization in China (2021-2025), the digital yuan is currently in the pilot project phase and is operational in only 11 regions of the country [13]. Nevertheless, as reported by the People's Bank of China, by the end of 2021, over 260 million digital wallets had already been activated, facilitating a total transaction volume of approximately 87.6 billion yuan (equivalent to around \$13.8 billion) [14]. Subsequently, by 2023, this figure escalated to 1.8 trillion yuan (approximately \$252 billion) [15].

To date, the digital yuan is undergoing tests in more than 8 million retail outlets for various purposes such as retail transactions, payments at catering establishments, usage in public transport, and settling government services (e.g., utilities) [16].

In 2020, a representative from the Bank of China expressed the viewpoint that a regulated token could potentially replace physical cash. However, the success of the digital yuan's ascendancy as the primary method of payment will hinge on factors such as the efficiency and transaction cost differentials compared to traditional methods, as well as the general perception of the digital yuan among the populace [17].

To enhance trust and acceptance of the digital yuan among the Chinese population, the government has opted for a gradual introduction of the digital currency. In the initial phases, the e-CNY will coexist alongside traditional forms of payment. As citizens become accustomed to this alternative form of currency, China intends to complete the transition to a cashless payment system, ultimately phasing out physical cash. The rationale behind this gradual approach is to prevent the shock and apprehension that an abrupt introduction of the digital yuan might induce, given concerns about heightened transaction transparency, which could lead to resistance among participants in the financial system [18].

The transition period and the gradual acclimatisation of the population to digital wallet transactions began in China even before the introduction of the new currency. This was evident when all payments in the country started being processed through the Alipay and WeChat payment systems. Concurrently, China phased out payment by bank cards, which are currently accepted primarily in major shopping centers and not universally across all settlements in the country. While cash payments are still feasible, they often come with inconveniences, such as the challenge of obtaining change from public transport drivers or supermarket cashiers. In essence, the Chinese populace typically conducts retail and online purchases, pays for government services and public transport, transfers funds to relatives, and purchases tickets for cultural events using their mobile phones and QR-codes.

When delving into the technological aspect of digital currency transactions, the Chinese digital yuan currently operates under a two-tier issuance and settlement model, specifically characterized as an intermediary digital currency system [10, 19]. At the upper tier of this model, the People's Bank of China assumes the role of issuing digital yuan to authorized operators and functions as the regulatory body overseeing the entire digital payment ecosystem. The second tier can be further divided into two sub-levels: the first sub-layer involves authorized operators, predominantly state-owned banks, responsible for facilitating the opening of digital wallets, while the second sub-layer encompasses system operators, such as commercial banks and other financial institutions, engaging directly with customers and providing them with funds [20].

Within this system, the digital currency represents a direct monetary claim to the central bank, exclusively conducting transactions with the balance sheets of authorized financial intermediaries and not directly administering retail transactions with end customers.

This model presents the advantage of enabling the Chinese government to smoothly transition to a new payment procedure without significantly altering the ex-

isting financial system dynamics and the interaction between the central bank and commercial banks. Furthermore, the model facilitates risk distribution between the People's Bank of China and the system operators.

Regarding the Russian experience in introducing digital currency, the Central Bank of Russia opted for a two-tier model, akin to the People's Bank of China, but with a preference for a hybrid digital currency over an indirect one. The rationale behind this choice lies in the prominent role of the Bank of Russia and the intention to safeguard second-tier financial institutions, including commercial banks and non-bank credit institutions. In this hybrid model, the Central Bank issues digital rubles, conducts transactions on the digital ruble platform, and opens digital wallets for financial institutions and the Federal Treasury. These entities, in turn, attract customers and provide payment services. While this model enhances the Central Bank's control over monetary transactions, it concurrently raises technological risks, given that the Central Bank's platform is used not only for emission but also for transactions involving the digital ruble [12].

Despite all before mentioned risks, a digital currency-based payment system offers a significantly heightened level of security and lower transaction costs compared to existing models. Unlike the Chinese model, the Russian digital ruble platform does not support payment anonymity. Personal payer data and transfer details remain confidential and encrypted from external users and third parties. However, authorised bodies and financial organisations have access to this information, actively monitoring transactions and implementing procedures to combat money laundering and terrorist financing.

In essence, the adoption of digital currency facilitates increased transparency and transaction control. Transactions are exclusively feasible on the digital ruble platform, ensuring the confidentiality of personal data while enhancing their protection. Concerning data security, it is crucial to highlight that access to the digital ruble platform is safeguarded through cryptographic encryption, accessible only with access keys certified by the Federal Security Service.

Although, the incorporation of advanced technologies and the restructuring of the interaction framework between authorised bodies and financial organisations, the new payment system not only avoids an increase in the cost of monetary settlements but also lowers transaction costs. For instance, the utilisation of digital currency in international settlements will streamline the circulation period and decrease overall costs associated with servicing cross-border payments. Additionally, the integration of a smart-contract system will ensure the complete automation of settlements between the customer/

buyer and the contractor/seller, eliminating the need for contractual structures such as escrow accounts and safe deposit boxes.

Moreover, it appears that the cost can be influenced by adjusting of transaction rates with the digital ruble, either increasing or decreasing. In our view, this mechanism can be implemented in Russia similarly to the People's Bank of China, which does not impose charges on financial institutions for organising the circulation of digital yuan. In turn, financial institutions do not apply any commission for transactions using digital yuan.

To allow Russian users and the financial sector sufficient time to adapt to the introduction of a new payment instrument, the Bank of Russia, following the approach of the People's Bank of China, plans to implement the digital ruble gradually and in a controlled manner. This approach aims to minimise the outflow of liquidity resulting from the transition to digital money. According to the mega-regulator and numerous scholars, the effective use of limit mechanisms, such as imposing time restrictions on transaction amounts, along with an increase in mandatory insurance of bank deposits or adjustments in interest rates, can mitigate most risks associated with the transition.

Despite the differing emission models and legal regulations for digital currency in Russia and China, both countries encounter similar challenges and tasks necessitating legislative revisions. One pressing issue requiring further examination is the definition of central bank digital currency — is it a cryptocurrency, a form of physical cash/non-cash money, or a novel means of payment?

For instance, the Chinese government positions the digital yuan as a digital version of fiat currency issued by the People's Bank of China, managed by an authorised operator, and holding the status of legal tender. Despite its hybrid nature, based on a set of technologies, the People's Bank of China often characterises the digital yuan as an electronic form of cash without categorising it as an independent form of money [10].

Furthermore, the absence of a unified approach to the nature of the digital yuan results in a lack of alignment with certain branches of legislation. This discrepancy is particularly evident in criminal law, where challenges arise due to the emergence of fake digital wallets in the Chinese market despite the relatively short period of pilot project implementation, necessitating appropriate responsibility for the creation of such fake wallets [21].

However, within the realm of criminal law, current interpretations of the digital yuan hinder its classification as a currency. This complicates the prosecution under “currency” articles for counterfeiting digital yuan. The challenge lies in the fact that one crucial criterion for determining elements of crimes involves assessing

the degree of processing of genuine banknotes and the loss of monetary homogeneity. For instance, in the case of physical cash, distinguishing counterfeit from genuine currency involves a simple physical comparison. In contrast, with digital currencies, the evaluation requires determining whether the source code of the authentic token is preserved within the counterfeit digital yuan — a task that often proves to be highly challenging [22].

Additionally, the definition of national currency inherently implies legal tender status across the entire country. However, the digital yuan, at present, is only accepted for payment in specific pilot regions, complicating its equivalence with existing forms of money [22].

Furthermore, doctrinal debates persist regarding the classification of digital yuan fraud. There is ongoing disagreement on whether it should be categorized as unauthorized access to the People's Bank of China system or to the system of a commercial bank affiliated with the platform [23], as well as whether it involves the forgery of a part of the digital code or the entire code [24].

Collectively, these issues underscore the imperative to refine and specify the legal framework governing transactions involving the digital yuan. Similar challenges stemming from insufficient legal regulation of digital currency are evident in Russian legislation.

Specifically, there appears to be ambiguity surrounding the interpretation of the term “digital ruble.” Articles 128 and 140 of the Civil Code of the Russian Federation employ language such as “non-cash money, including digital rubles,” and “non-cash payments, including payments in digital rubles.” These phrases suggest that the digital ruble is construed as a subtype of non-cash money.

Simultaneously, as per the current version of the Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency, and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” [25] and considering the amendments set to take effect in 2024, “digital currency is a set of electronic data (digital code or designation) [...], which is offered and (or) can be accepted as a means of payment, and is not the currency of the Russian Federation”.

Furthermore, aligning with the Digital Ruble Concept developed by the Central Bank [3], and the current information available on the Bank of Russia's website, the digital ruble is positioned as the third form of money, coexisting alongside physical cash and non-cash options [26]. This perspective is echoed in the doctrinal view that the digital ruble represents “a new form of fiat money” [12].

Determination of the precise nature of the digital ruble and the legislative consolidation of its definition hold significance for future legislative endeavors, especially when amending existing legislation. For instance, if the digital ruble is considered a subtype of non-cash money, extensive and cumbersome modifications to various

branches of legislation, including tax, customs, and civil laws, may be avoided. This is because referencing a non-cash form of money would inherently encompass transactions involving digital rubles.

However, if the introduction of the digital ruble constitutes the introduction of a new form of currency into circulation, then amendments to the existing legislation become imperative. Furthermore, if the digital ruble shares common features with non-cash funds but is fundamentally different, the current wording of Articles 128 and 140 of the Civil Code may lack precision and thus warrant modification.

Various scholars and international organizations present diverse approaches to understanding central bank-issued digital currencies. At the Official Monetary and Financial Institutions Forum a digital currency was defined as an asset issued by a central bank for facilitating payments and settlements in both retail and wholesale transactions. Within this context, “retail” digital currency signifies a digital representation of cash usable in settlements between individuals and organizations, while “wholesale” digital currencies are exclusive to authorized participants for conducting interbank transactions [27].

Professor Ulrich Bindziel from the European Central Bank characterizes digital currency in his work as electronically circulating money accessible to a broad range of users [28].

According to an approach outlined by the Bank for International Settlements in 2018, a digital currency is defined as a novel form of central bank currency that distinguishes itself from the required reserves and settlement balances held by commercial banks at the central bank [30]. Subsequent revisions refined the definition to “a digital payment instrument denominated in a national unit of account, which is a direct obligation of the central bank” [31]. A parallel definition is found in the work of Codruta Boar & Andreas Wehrli, where they describe digital means of payment as “digital money issued by a central bank, denominated in a national unit of account, in the form of a central bank obligation” [32].

Russian experts in the field also present varying opinions. Some researchers suggest interpreting electronic money as “a type of non-cash money, which, from a legal perspective, constitutes rights or obligations (claims)” [33]. Simultaneously, another perspective posits that digital currency represents a novel form of fiat money, functioning as an electronic obligation of the central bank, denominated in the national unit of account, and serving as a medium of payment and savings [12].

We endorse this perspective and assert that digital currency should not be likened to any existing forms of money. It possesses distinctive features that categorise it as a unique, innovative type of means of payment, notwith-

standing common attributes that make digital currency settlements akin to both cash and non-cash payments.

Digital currency encompasses all the functions and attributes inherent in money — it serves as a means of payment, a measure of value, a medium of circulation, and a store of value. Analogous to established forms of money, digital money constitutes a commitment from the central bank to anyone holding a digital wallet.

Nevertheless, this novel form of money diverges significantly from existing ones. It amalgamates features of both physical cash and non-cash money: on the one hand, it is universally applicable throughout the country, and transactions are feasible without internet access, akin to cash. On the other hand, transactions using this new form of money are possible remotely, utilizing a mobile device or terminal, thereby aligning more closely with non-cash transactions.

At the same time, unlike non-cash funds, which are an entry in the owner’s bank account, digital currency is a unique digital code (token).

However, we consider it necessary to note that despite the use of distributed ledger technology, which is similar to the technologies used in the creation of cryptocurrencies, central bank digital currencies differ from stablecoins due to the embodiment in digital currency of a monetary obligation of the issuing central bank, which is not contained in any of the cryptocurrencies [34].

Considering the aforementioned arguments, we believe it is more pragmatic to shape domestic legislation on digital currency in alignment with the direction advocated by the Central Bank, specifically, by regulating the digital ruble as a novel, distinct form of money.

In light of this, we recommend amending the existing legislation and revising Articles 128 and 140 of the Civil Code as follows:

ARTICLE 128. OBJECTS OF CIVIL RIGHTS

To the objects of civil rights are referred items (including cash money and certificated securities), as well as the other property, inter alia property rights (including non-cash money, digital currency, non-certificated securities, digital rights); deliverables of work and services; protected results of intellectual activity and the means for individualisation that are equated to them (the intellectual property); intangible benefits.

In Russian: *Статья 128. Объекты гражданских прав*

К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые

права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

PARAGRAPH 1 OF ARTICLE 140. THE MONEY (HARD CURRENCY)

The ruble shall be the legal means of payment, which shall be accepted by its face value on the entire territory of the Russian Federation.

The payments on the territory of the Russian Federation shall be effected both in physical cash, non-cashless money and digital currency.

In Russian: Пункт 1 статьи 140. Деньги (валюта)

Рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации.

Платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, а также расчетов цифровыми рублями.

In conclusion, it is noteworthy that the development and issuance of a national digital currency remain a pertinent topic for numerous countries worldwide. Despite the steps made by Russia in 2023 towards implementing the digital ruble, aspects such as its place in the financial landscape, legal regulation, functional characteristics, and payment mechanisms still require further refinement.

To achieve this objective, we advocate considering international experiences in digital currency adoption with China emerging as a notable partner. China has been at the forefront, initiating research and pilot projects in the realm of digital payment instruments. After extensive scientific development, China successfully tested the digital yuan across a huge territory, encompassing ethnic, cultural, and economic diversity within the population.

These contextual conditions are also characteristic of Russia, thus rendering cooperation in the introduction of national central bank currencies particularly promising amid the growing political and economic ties between Russia and China.

In light of this, we have conducted an analysis of the current legal regulations pertaining to digital currency in both the Russian Federation and the People's Republic of China. Building upon this analysis, our paper formulates proposals for amending domestic legislation in this evolving field.

REFERENCES

1. Cifrovoy suverenitet. Zachem pravitel'stvu ponadobilsya kriptorubl' // Forbes, <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/352381-cifrovoy-suverenitet-zachem>
2. Cifrovoy rubl'. Doklad dlya obshchestvennykh konsul'tacij // Bank of Russia, http://www.cbr.ru/StaticHtml/File/112957/Consultation_Paper_201013.pdf (last access: 25.12.2023).
3. Bank of Russia (2021, April). Conception of a digital ruble, https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (last access: 25.12.2023).
4. Federal'nyy zakon ot 24.07.2023 No 339-FZ "O vnesenii izmeneniy v stat'i 128 i 140 chasti pervoy, chast' vtoruyu i stat'i 1128 i 1174 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus" (last access: 25.12.2023).
5. Federal'nyy zakon ot 24.07.2023 №340-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus" (last access: 25.12.2023).
6. Federal'nyy zakon ot 19.12.2023 No 610-FZ "O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii o nalogakh i sborakh" // SPS "Konsul'tantPlyus" (last access: 25.12.2023).
7. Feng Jing [冯静]. Huobi yanhua zhong de shuzi huobi [货币演化中的数字货币] // Jinrong pinglun [金融评论]. 2019. No 4. P. 67–82, 125–126.
8. Bank for International Settlements: Results of the third BIS survey on central bank digital currency January 2021. — URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap114.pdf> (last access: 25.12.2023).
9. Bank for International Settlements: Results of the 2022 BIS survey on central bank digital currencies and crypto. July 2023. — URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bisap136.pdf> (last access: 25.12.2023).
10. People's Bank of China: Progress of Research & Development of E-CNY in China, July, 2021. — URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf> (last access: 25.12.2023).
11. Fanusie Y., Jin E. China's Digital Currency. CNAS. 2021. July. 56 p. — URL: <https://s3.us-east-1.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS-Report-Chinas-Digital-Currency-Jan-2021-final.pdf?mtime=20210125173901&focal=none> (last access: 25.12.2023).
12. Kochergin D.A. Central Bank digital currencies: experience of introducing a digital Yuan and development of a digital ruble conception // Russian Journal of Economics and Law. 2022. T. 16 (1). S. 51–78 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.1.51-78>.
13. 14th Five-Year Plan for National Informatization. Dec. 2021. DigiChina. — URL: <https://digichina>.

- stanford.edu/work/translation-14th-five-year-plan-for-national-informatization-dec-2021/ (last access: 25.12.2023).
14. Speech by Zou Lan (Head of financial markets at the PBOC) at Press Conference of People's Bank of China. 18.01.2022.
 15. Ob'em tranzakcij s ispol'zovaniem cifrovogo yuany vyros pochti do \$250 mlrd // RBC. — URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64b8f1de9a79476b31f4a912> (last access: 25.12.2023).
 16. Speech by Mu Changchun at Atlantic Council-UC San Diego Conference on Digital Currency in China and the Asia Pacific. 15.02.2022. — URL: https://www.youtube.com/watch?v=_K3Y8V-lhwU&t=7s (last access: 25.12.2023).
 17. Eks-glava Bank of China uveren, chto cifrovoy yuan' zamenit nalichnye den'gi. — URL: <https://coinspot.io/china-and-asia/eks-glava-centrobanka-knr-uveren-cto-cifrovoy-yuan-zamenit-nalichnye-dengi/> (last access: 25.12.2023).
 18. Yan Hai [闫海]. Lun nashui renxinxiqian, shuiwu xinxi guanliquan ji qi pinghengshu [论纳税人信息权、税务信息管理及其平衡术] // Zhongguo zhengfa daxue xuebao [中国政法大学学报]. 2019. No 6. P. 180–192, 209.
 19. Deutsche Bank (2021, July). Digital Yuan: What Is It and How Does It Work? — URL: <https://www.db.com/news/detail/20210714-digital-yuan-what-is-it-and-how-does-it-work> (last access: 25.12.2023).
 20. Yao Qian. (2019, September). Conceptual Prototype of Chinese Digital Fiat Currency. Crypto Review. — URL: <https://cryptoreview.hk/wp-content/uploads/2019/10/Conceptual-Prototype-of-Chinese-Digital-Fiat-Currency-Crypto-Review.pdf> (last access: 25.12.2023).
 21. Zhongguo xinwenwang [中国新闻网]. Jia de shuzi renminbi qianbao yi chuxian [假的数字人民币钱包已出现] — URL: <https://www.chinanews.com.cn/cj/2020/10-27/9323268.shtml> (last access: 25.12.2023).
 22. Zhou Huiqi [周慧琦]. Weizao shuzi renminbi de xingfa yingdui [伪造数字人民币的刑法应对] // Shanghai faxue yanjiu jikan [上海法学研究集刊]. 2023. No 6. P. 286–293. DOI:10.26914/c.cnkihy.2023.016816.
 23. Shang Baiyan, Feng Weiguo [尚柏延, 冯卫国]. Fading shuzi huobi de xingfa wenti ji qi lifa wanshan [法定数字货币的刑法问题及其立法完善] // Jianghuai luntan [江淮论坛]. 2021. No 1. P. 122–131. DOI:10.16064/j.cnki.cn34-1003/g0.2021.01.016.
 24. Wang Dezheng [王德政]. Xianzhuang yu gaige: fading shuzi huobi shiyu xia de huobi fanzui [现状与变革: 法定数字货币视域下的货币犯罪] // Chongqing daxue xuebao (shehuikexue ban) [重庆大学学报(社会科学版)]. 2021. P. 1–15. — URL: <http://kns.cnki.net/kcms/detail/50.1023.c.20211008.1600.002.html> (last access: 25.12.2023).
 25. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 No 259-FZ (red. ot 14.07.2022) "O cifrovyykh finansovykh aktivakh, cifrovoy valyute i o vnesenii izmenenij v ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" // SPS 'Konsul'tantPlyus" (last access: 25.12.2023).
 26. Cifrovoy rubl'. Official website of Bank of Russia. — URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/#:~:text=Цифровой%20рубль%20—%20это%20цифровая%20форма,а%20также%20одному%20цифровому%20рублю>
 27. Official Monetary and Financial Institutions Forum (2019). Retail CBDCs. The Next Payments Frontier. — URL: <https://www.omfif.org/wpcontent/uploads/2019/11/Retail-CBDCs-The-next-payments-frontier.pdf> (last access: 25.12.2023).
 28. Bindseil U. Tiered CBDC and the Financial System. European Central Bank // Working Paper Series. 2020. Vol. 2351. P. 42.
 29. Bank for International Settlements. Central Bank Digital Currencies. Report. Committee on Payments and Market Infrastructures, March 2018, 1. — URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d174.pdf> (last access: 25.12.2023).
 30. Joint Report by Group of Central Banks. (2020, October). Central Bank Digital Currencies: Foundational Principles and Core Features. Report No 1 in a Series of Collaborations from Bank of Canada, European Central Bank, Bank of Japan, Sveriges Riksbank, Swiss National Bank, Bank of England, Board of Governors Federal Reserve System, Bank for International Settlements. — URL: <https://www.bis.org/publ/othp33.htm> (last access: 25.12.2023).
 31. Boar C., Wehrli A. Ready, Steady, Go? — Results of the Third BIS Survey on Central Bank Digital Currency. Bank for International Settlements // BIS Papers. 2021. January, No 114. 23 p.
 32. Efimova L.G. O pravovoj prirode beznalichnykh deneg, cifrovoy valyuty i cifrovogo rublya // Civilist. 2022. No 4.
 33. Houben R., Snyers A. Crypto-assets: Key Developments, Regulatory Concerns and Responses. The European Parliament. Policy Department for Economic // Scientific and Quality of Life Policies. 2020. April. 77 p.

ОБЗОР ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СЕРВИСОВ В РОССИИ

REVIEW OF LEGAL REGULATION OF AUDIOVISUAL SERVICES IN RUSSIA

Ярослав Викторович КАНДЫБА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, ivkandyba@edu.hse.ru, ORCID: 0009-0002-8984-5984

Информация об авторе

Я.В. Кандыба — студент 1-го курса магистерской программы «Трансмедийное производство в цифровых индустриях» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Аннотация. Данное исследование представляет собой обширный обзор правового регулирования аудиовизуальных сервисов в России. На фоне стремительного развития онлайн-кинотеатров и повышенного интереса к аудиовизуальному контенту возникает ряд вопросов, связанных с их функционированием в рамках закона. Развиваясь на фоне технологических изменений и социокультурных трансформаций, аудиовизуальные сервисы сталкиваются с необходимостью соответствия сложным нормативным требованиям. Целью работы является анализ нормативно-правовых актов, определение судебных практик в отношении владельцев российских онлайн-кинотеатров и выявление ключевых тенденций развития законодательства в данной сфере. В ходе работы выявлены ключевые моменты, влияющие на правовое положение аудиовизуальных сервисов. Результаты исследования позволяют сделать вывод о сложности балансирования между стимулированием развития отечественных аудиовизуальных сервисов и обеспечением соблюдения законов. Обнаружены противоречия в действующих механизмах контроля, а также подчеркнута необходимость дальнейшего совершенствования законодательства для эффективного регулирования данного сектора.

Ключевые слова: медиа, аудиовизуальные сервисы, право, новые медиа, онлайн-кинотеатр

- **Для цитирования:** Кандыба Я.В. Обзор правового регулирования аудиовизуальных сервисов в России // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 38–46; DOI: 10.17323/tis.2024.21711
-
- **Yaroslav V. KANDYBA**
National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, ivkandyba@edu.hse.ru, ORCID: 0009-0002-8984-5984
- **Information about the author**
Y.V. Kandyba — a student of master’s program “Transmedia production in digital industries” of National Research University “High School of Economics”
- **Abstract.** This scientific research provides an extensive overview of the legal regulation of audiovisual services in Russia. In light of the rapid development of online cinemas and increased interest in audiovisual content, a number of questions arise regarding their legal operation. Developing against a backdrop of technological change and sociocultural transformation, audiovisual services are faced with the need to comply with complex regulatory requirements. The purpose of the work is to analyze and systematize regulations, identify key court decisions and identify trends in the development of legislation in this area. The research is carried out using methods of analysis of regulations, judicial practice, as well as a review of academic sources. The work identified key issues affecting the legal status of audiovisual services, such as restrictions on foreign ownership, content requirements and licensing conditions. The results of the study allow us to conclude that it is difficult to balance between stimulating the development of domestic audiovisual services and ensuring compliance with laws. Inconsistencies in existing control mechanisms

were discovered, and the need for further improvement of legislation for effective regulation of this sector was emphasized.

Keywords: media, audiovisual services, law, new media, online cinema

For citation: Kandyba Y.V. Review of Legal Regulation of Audiovisual Services in Russia // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49(2). P. 38–46; DOI: 10.17323/tis.2024.21711

.....

- В эпоху стремительных технологических преобразований и динамичного развития информационного общества аудиовизуальные сервисы становятся ключевым элементом культурного ландшафта и средства коммуникации. В контексте данного процесса вопросы правового регулирования выходят на передний план. Предпринимаемые законодательные шаги не только формируют рамки для функционирования отрасли, но и влияют на свободу творчества и самовыражения в цифровой среде.

Аудиовизуальные сервисы, представляющие собой интеграцию традиционных медиаформатов, в частности телевидения и интернета, в области потребления медиаконтента вносят существенный вклад в трансформацию практик потребления информации и структурные изменения на рынке. Несмотря на то что подобные сервисы в общем понимании не соответствуют термину «новые медиа», данное явление влияет на образ жизни пользователей и создает новые динамики в медиапроизводстве.

Стоит сказать, что ряд особенностей новых медиа соотносятся с аудиовизуальными сервисами: «мгновенность и глобальность распространения информации, миниатюризация носителей, оцифровывание и увеличение объемов общедоступных данных, утрата приватности в сети и сокращение границ частной жизни, совершенствование технологий манипулирования новостями благодаря доступности технологических инструментов, визуальное становится доминирующим» [16].

Так, факторами, которые определили стремительный рост рынка онлайн-кинотеатров в сравнении с предшествующими годами, могут являться:

- 1) продвижение цифровых экосистем в стране и расширение абонентской базы мультисервисных подписок, предоставляющих доступ к нескольким онлайн-кинотеатрам;
- 2) значительное увеличение инвестиций в производство оригинального контента для онлайн-кинотеатров привело к расширению ассортимента и повышению конкурентоспособности этого сегмента рынка;
- 3) пандемия COVID-19 оказала существенное воздействие на деятельность традиционных киноте-

атров, вызвав ограничения в заполняемости залов и необходимость соблюдения санитарно-эпидемиологических мер, что поспособствовало увеличению интереса пользователей к просмотру контента в домашних условиях и как следствие стимулировало рост числа онлайн-кинотеатров [4].

В условиях растущей популярности аудиовизуальных сервисов возникают неотложные вопросы, касающиеся их юридического аспекта. Тенденция призывает к более глубокому пониманию правового регулирования данной сферы, анализу его соответствия современным вызовам и эффективной защите интересов всех сторон в процессе взаимодействия с аудиовизуальными сервисами.

Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» (так называемый Закон о блогерах) представляет собой важный этап в становлении правового регулирования контента в онлайн-пространстве, предоставляя базовую законодательную основу для деятельности новых медиа. Так, вводится определение термина «блогер», который рассматривается как владелец веб-сайта или страницы в сети Интернет с общедоступной информацией, при этом ежедневное количество пользователей превышает три тысячи.

Анализируя ряд других обязанностей, предусмотренных данным законом, можно выделить следующие аспекты:

- 1) предусмотрены обязанность проверки достоверности размещаемой общедоступной информации до ее публикации, а также немедленное удаление недостоверной информации;
- 2) запрещено размещение информации о личной, частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства;
- 3) обязанность соблюдения запретов и различных ограничений, связанных с проведением выборов или референдума;
- 4) обязанность соблюдения требований законодательства РФ, регулирующего порядок распространения массовой информации.

Регулирование информационной среды закреплено в законодательстве через три основных направления. Во-первых, проводится анализ соответствия содержания информации определенным стандартам. Во-вторых, осуществляется контроль, направленный на предотвращение распространения непроверенной информации или умышленных искажений. В-третьих,

предпринимаются меры по противодействию распространению информации из анонимных источников [7].

Отмечу, что «Закон о блогерах» оставался ограниченным рядом факторов. Например, технологические изменения и появление новых форматов контента приводили к трудностям в применении устаревших норм закона, особенно при условии размытости некоторых формулировок. Динамичная природа рынка с появлением новых участников и эволюцией стратегий существования также влияет на применение законодательства, что снижает его эффективность в современных условиях. В свою очередь, реализация данного закона существенно повлияла на динамику рынка новых медиа, устанавливая новые стандарты и условия для конкуренции.

В продолжение тенденции регулирования в 2016 г. был предложен законопроект № 37671-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части регулирования деятельности аудиовизуальных сервисов в сети Интернет), привнесший изменения в сферу аудиовизуальных сервисов. Указанные в законопроекте цели свидетельствуют о комплексном подходе к регулированию аудиовизуальных сервисов. Основной мотивацией является стимулирование отечественного контента, что видится важным элементом национальной культурной и информационной самобытности. Дополнительно выделяется стремление к созданию конкурентного рынка, способствующего разнообразию и повышению качества предоставляемых услуг, а также противодействию монополии для устойчивого развития отрасли [11].

По мнению тогдашнего председателя комитета Государственной думы по информационной политике Леонида Левина, «законопроект — это первый шаг в данном направлении, он должен восполнить имеющиеся пробелы в правовом поле». Впрочем, Алексей Бырдин, генеральный директор Ассоциации «Интернет-видео», напротив, критически высказался о законодательных нововведениях. По его словам, принятие законопроекта приведет к «забюрокративанию ведения бизнеса» и ухудшению финансового положения на рынке [5].

Можно сделать вывод, что предложения по правовому регулированию аудиовизуальных сервисов стали вызывать неоднозначные реакции, что подчеркивало сложность балансирования между защитой авторских прав, стимулированием индустрии и обеспечением свободы доступа к контенту. Однако проект закона представлял собой существенный шаг в совершенствовании

вании правового регулирования данной сферы. В нем предлагались четкие дефиниции и обязанности для аудиовизуальных сервисов, устанавливались процедуры регистрации и лицензирования, а также ограничивалась реклама в целях обеспечения баланса интересов и защиты прав потребителей. Особое внимание уделялось защите несовершеннолетних, а также мерам ответственности за нарушения законодательства. В целом, предложенные изменения были направлены на создание прозрачной и ответственной среды в сфере аудиовизуальных сервисов, что отражает стремление адаптировать законодательство к современным реалиям цифрового общества.

Данный законопроект стал Федеральным законом от 1 мая 2017 г. № 87-ФЗ и, в частности, дополнил Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» ст. 10.5 «Обязанности владельца аудиовизуального сервиса».

Исходя из действующих законоположений, можно сформулировать правовые рамки функционирования аудиовизуальных сервисов.

1. Форма как средство взаимодействия с пользователями сети Интернет: веб-сайт, интернет-страница. Например, онлайн-кинотеатр «Кинопоиск», обеспечивающий возможность просмотра контента как через веб-сайт, так и с использованием программы для ЭВМ в форме приложения.

2. Цель — распространение аудиовизуальных произведений, включая фильмы, сериалы, прямые трансляции телепрограмм, специальные интернет-проекты и т.д.

3. Доступ к контенту путем оплаты подписки или через просмотр рекламных материалов. Важно отметить, что рекламные материалы должны быть направлены на привлечение аудитории, находящейся именно на территории Российской Федерации.

4. Посещаемость в сутки более 100 тысяч пользователей с территории РФ.

В рамках правового обозрения аудиовизуальных сервисов вопрос о владельце платформы является неотъемлемой частью регулирования данной сферы. Владение аудиовизуальным сервисом предоставлено исключительно российским юридическим лицам или гражданам Российской Федерации, не обладающим гражданством других стран.

Для отдельных категорий иностранных операторов установлены определенные ограничения. Например, иностранные операторы, управляющие информационным ресурсом, на который приходится менее 50% общего числа пользователей на территории Российской Федерации, имеют право владеть, управлять или контролировать более чем 20% долей (акций)

российского владельца аудиовизуального сервиса только после получения одобрения правительственной комиссии [14].

При выявлении в интернете аудиовизуального сервиса Роскомнадзор направляет соответствующий запрос его владельцу в целях получения информации для включения в реестр. В случае если количество пользователей, имеющих доступ к аудиовизуальному сервису, в течение трех месяцев не превышает 100 тысяч человек в сутки, владелец имеет право подать заявление об исключении его из реестра. При сохранении аналогичной динамики в течение шести месяцев Роскомнадзор вправе инициировать исключение аудиовизуального сервиса из реестра [26].

Существуют различные мнения относительно эффективности мер, принятых в отношении владельцев аудиовизуальных сервисов, в частности онлайн-кинотеатров. Тем не менее наблюдается рост интереса аудитории к оригинальным проектам от российских стриминговых платформ. Тенденция проявляется в увеличении числа платных подписок на видеосервисы за последние годы, а также в активных кампаниях по продвижению фильмов и сериалов от онлайн-кинотеатров. На текущий момент сложно однозначно утверждать, насколько существующие нормативы, регулирующие аудиовизуальные сервисы, препятствуют привлечению инвестиций в эту область. Подобные противоречивые оценки среди экспертов и общественности подчеркивают сложность балансировки между нормативным регулированием и поддержкой инноваций в медиа [13].

В дополнение к государственному регулированию в сфере цифровых платформ в России функционирует Антипиратский меморандум, предназначенный для защиты исключительных прав в сети. В ноябре 2018 г. ключевые медиахолдинги, онлайн-кинотеатры и интернет-компании страны объединились, чтобы принять добровольное соглашение, вовлекая основных участников рынка в борьбу с контрафактом. Принятие Меморандума стало ответом на блокировку ссылок на пиратские ресурсы в российских поисковых системах. Ранее правообладатели предъявляли претензии к поисковым системам, рассматривая их как источник распространения нелегальных копий фильмов и сериалов. Тем не менее многие компании высказывали недовольство отсутствием возможности удаления ссылок на веб-сайты, неофициально признанные пиратскими, без обращения в судебные органы [12].

Антипиратский меморандум как соглашение на уровне индустрии является эффективным решением борьбы с пиратством. От имени правообладателей Меморандум подписали «Первый канал», «Националь-

ная медиа группа» (управляет, в частности, РЕН ТВ и «Пятым каналом»), «Газпром-Медиа» (АО «Телекомпания НТВ», ТНТ, «Матч ТВ», «Пятница», ТВ3 и другие каналы), ассоциация «Интернет-видео» (онлайн-кинотеатры Ivi, Megogo, TVZavr, Amediateka и VIP Viasat Play), Ассоциация продюсеров кино и телевидения и «Кинопоиск». Со стороны интернет-площадок — «Яндекс», Rambler Group, Mail.Ru Group и Rutube [15].

Так, на январь 2023 г. — по данным «Яндекса» — количество ссылок на контент, который российские правообладатели внесли в реестр в рамках Антипиратского меморандума, превысило 76,5 млн [17].

Тем не менее Антипиратский меморандум не способен решить все проблемы, с которыми сталкиваются правообладатели. Так, невозможно полностью блокировать пиратские домены или прямые трансляции. Кроме того, регулирование не обеспечивает достаточной эффективности в мессенджерах, мобильных приложениях и telegram-каналах, где пиратский контент по-прежнему активно распространяется и обходит существующие меры контроля. Так, подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования механизмов борьбы с нелегальным контентом в цифровой среде, а именно применение обновленных технологий для обнаружения и блокировки пиратского контента, расширение сотрудничества между правообладателями и интернет-платформами для более эффективного пресечения нелегальной деятельности.

Аудиовизуальный сервис в контексте Гражданского кодекса Российской Федерации является информационным посредником. Согласно п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ, информационный посредник — это «лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети» [8].

Существует кейс, когда владельцы аудиовизуальных сервисов выступили против законодательной инициативы, ссылаясь на нормы Гражданского кодекса. В августе 2022 г. Дмитрий Кузнецов, член Комитета Госдумы по культуре, представил в палату проект закона № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”», нацеленный на получение принудительной лицензии на использование авторских продуктов иностранных компаний из недружественных стран в судебном порядке [20]. В частности, речь шла о таких нормах, как

ст. 1239 «Принудительная лицензия», ст. 1240 «Использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта» и ст. 1252 «Защита исключительных прав» ГК РФ.

Владельцы аудиовизуальных сервисов высказались в защиту зарубежных правообладателей, объясняя неблагоприятные последствия для рынка в случае принятия указанного законопроекта: «Более половины музыкальных и аудиовизуальных произведений, находящихся в легальном обороте в России, происходят из стран, входящих в актуальный перечень недружественных государств. Среди наиболее популярных и востребованных произведений доля иностранного контента еще выше и составляет 70–75%. С учетом масштаба это можно назвать легализацией пиратства» [1].

Так, можно выделить ряд потенциальных проблем, связанных с подобной инициативой введения принудительного лицензирования:

- 1) риски деактивации учетных записей пользователей, имеющих доступ к контенту из-за рубежа;
- 2) возможность возникновения трудностей в установлении нормальных коммерческих отношений с иностранными правообладателями в перспективе;
- 3) предлагаемые поправки не решают вопроса дальнейшего использования иностранного программного обеспечения, что потенциально влечет за собой риски безопасности и препятствует процессу замещения зарубежного контента в целом;
- 4) увеличение времени на получение лицензии, что представляет собой проблему для предприятий в области кинопроката;
- 5) возможные сложности с получением оплаты за использование контента, что может повлечь за собой финансовые трудности для правообладателей.

Также в судебной практике существует ряд кейсов, связанных с привлечением онлайн-кинотеатров к административной ответственности.

1. Статья 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» КоАП РФ.

Например, 29 июня 2023 г. Тверской суд Москвы оштрафовал на 1 млн рублей «Мегафон ТВ» за отсутствие маркировки «18+» на пяти фильмах [2].

Судебная система акцентирует внимание на необходимости точного и строгого соблюдения возрастных ограничений для аудиовизуального контента. Применение административных штрафов в подобных случаях является средством давления на компании и стимулирует их соблюдать законодательство.

2. Статья 6.21.2 «Распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или)

предпочтения либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол» КоАП РФ.

Например, 4 августа 2023 г. Приморский районный суд Санкт-Петербурга привлек к административной ответственности ООО «ОККО» за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 6.21.2 КоАП РФ. Суд назначил ООО «ОККО» штраф 1 млн рублей [23].

3. Статья 14.3.1 «Спонсорство табака или никотинсодержащей продукции, реклама и стимулирование продажи табака, табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции, устройств для потребления никотинсодержащей продукции или кальянов, стимулирование потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции» КоАП РФ.

Например, 16 ноября 2021 г. Роскомнадзор оштрафовал онлайн-кинотеатры Megogo, Okko, Ivi и «Кинопоиск» из-за отсутствия социальной рекламы о вреде потребления табака [18].

Тем не менее Роскомнадзор в 2023 г. составил почти 50 административных протоколов в отношении онлайн-кинотеатров и стриминговых сервисов. Об этом сообщила начальник отдела по экспертно-аналитической работе в сфере массовых коммуникаций Роскомнадзора М. Бычкова в ходе круглого стола в Общественной палате РФ [19].

В перспективе с учетом динамичного характера функционирования онлайн-сервисов для достижения баланса между регулированием и поддержкой индустрии требуются дальнейший анализ и модернизация законодательства. Текущий подход к правовому регулированию в целом учитывает индустриальные особенности данного сектора.

Аналитическое исследование компании GfK Group указывает на рост количества подписчиков онлайн-кинотеатров в третьем квартале 2023 г. Особенно заметно по сравнению со вторым кварталом выросла доля платящих подписчиков — с 30 до 33% жителей российских городов [22].

Развитие индустрии российских онлайн-кинотеатров обусловлено как стратегическими мероприятиями по их продвижению, так и существующими нормами в гражданско-правовом и административно-правовом полях. Действие Антипиратского меморандума как меры поддержки со стороны государства играет ключевую роль в этом процессе, поскольку повышает доверие к онлайн-кинотеатрам среди пользователей, что, в свою очередь, способствует увеличению спроса на платные подписки.

Интеграция искусственного интеллекта в кинопроизводство представляет собой современный вызов для правового регулирования. Необходимо искать решения путем разработки и внедрения специальных законодательных актов, которые должны учитывать

особенности применения искусственного интеллекта в кинопроизводстве. Использование искусственного интеллекта в кинопроизводстве представляет собой один из факторов, приведших к забастовке Американской гильдии сценаристов США в мае 2023 г. Данная забастовка завершилась заключением соглашения, в соответствии с которым искусственный интеллект не признается в качестве сценариста, а созданный им материал не рассматривается как литературное произведение. Сценаристам разрешается использовать данную технологию в своей работе, однако они обязаны уведомлять об этом студии [21].

В настоящее время в российском законодательстве отсутствуют нормы, учитывающие юридический статус произведений, созданных с применением искусственного интеллекта, а также механизмы обеспечения защиты прав интеллектуальной собственности на подобные материалы.

Таким образом, представляется возможным выделить позитивные аспекты правового регулирования аудиовизуальных сервисов.

1. Регулирование может способствовать защите прав создателей контента, а именно контролировать пиратство.

2. Нормы о возрастных ограничениях и контроле содержания помогают защищать аудиторию, особенно несовершеннолетних, от негативного воздействия контента.

3. Устойчивая правовая среда может создать благоприятные условия для инвестиций в индустрию, способствуя ее развитию и росту.

Несмотря на важность введенных мер по регулированию аудиовизуальных сервисов в России, существуют потенциальные риски, связанные с избыточным применением установленных мер. Регулирование может стать барьером для свободы самовыражения и креативных подходов к созданию оригинальных медиапродуктов от онлайн-кинотеатров. Правовые нормы, предназначенные для обеспечения порядка и контроля, могут создать дополнительные сложности для новых участников рынка, ограничивая их инновационные возможности.

В условиях быстрого технологического развития и постоянных изменений в медиаиндустрии, законы требуют постоянного обновления. Важно учесть, что динамичная отрасль аудиовизуальных сервисов нуждается в гибком и адаптивном правовом подходе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. «Легализация пиратства»: видеосервисы оценили идею принудительной лицензии на контент // Forbes.ru. — URL: <https://www.forbes.ru/>

- tehnologii/465279-legalizacia-piratsstva-videoservisy-ocenili-ideu-prinuditel-noj-licenzii-na-kontent?ysclid=lsu94z1aw3182147183 (дата обращения: 01.11.2023).
2. «Мегафон» оштрафовали за отсутствие маркировки «18+» на фильме // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20230629/megaфон-1881194826.html> (дата обращения: 01.11.2023).
3. Акопян А.Р., Аракелян А.М., Воронцова Ю.В., Крысов В.В. Оценка подходов к регулированию цифрового кинопроката // Вестник университета. 2021. № 4. С. 32–36.
4. Акопян А.Р., Аракелян А.М., Воронцова Ю.В., Крысов В.В. Проблемы цифровой трансформации кинопроката // E-Management. 2021. Т. 4, № 1. С. 4–12.
5. В Госдуме обсудили вопросы совершенствования законодательного регулирования работы аудиовизуальных сервисов в интернете // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. — URL: <http://duma.gov.ru/news/12936/> (дата обращения: 10.01.2024).
6. Веденина Д. Закон об онлайн-кинотеатрах: обзор нововведений для аудиовизуальных сервисов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 10. С. 53–58. EDN ZGRZND.
7. Гаврилов А.Д., Васильева Ж.С. Правоприменительная практика Роскомнадзора по осуществлению функций контроля и надзора в сфере электронных коммуникаций // Проблемы качества российского законодательства: сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х частях. Чебоксары, 1 июня 2018 г. Ч. I. Чебоксары: Чувашский госуд. ун-т имени И.Н. Ульянова, 2018. С. 52–56. EDN LXJMPJ.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ч. 1. Ст. 5496.
9. За чистый Рунет. Как будет работать антипиратский меморандум // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/5748240> (дата обращения: 14.01.2024).
10. Законопроект № 184016-8 «О внесении изменения в Федеральный закон “О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”» // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (дата обращения: 14.01.2024).
11. Законопроект № 37671-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования деятельности аудиовизуальных сервисов в сети Интернет)» // Система обеспечения законодательной деятельности. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).
12. Колесников Н. «Пиратские» сервисы как глобальное препятствие для реализации авторского права на аудиовизуальные произведения // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сб. материалов XI Международного юридического форума (IP Форум). М., 17–18 февраля 2023 г. Т. 1. М.: Моск. гос. юр. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 51–53. EDN LRZEAV.
13. Кондрашев Д.Р. Правовое регулирование отношений по защите аудиовизуальных произведений в сети Интернет // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: сб. научных статей по материалам Всерос. студенческой научной конф. с международным участием. СПб., 20 апреля 2022 г. СПб.: Санкт-Петербургская юр. академия, 2022. С. 142–147. EDN ZTCFLZ.
14. Кузина А.А., Тасенко С.С. Административно-правовое регулирование деятельности аудиовизуальных сервисов и перспективы его развития // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы XXI Междунар. научно-практической конф. молодых ученых: в 3 т., М., 15–16 апреля 2022 г. Т. 1. М.: Изд. центр Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 34–35. EDN IOXHYR.
15. Медиахолдинги и интернет-компании подписали антипиратский меморандум // Sostav.ru. — URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediakholdingi-i-internet-kompanii-podpisali-antipiratskij-memorandum-34206.html?ysclid=lsu8vd88fx452181686>
16. Мурзина О.В., Грабельников А.А., Цицинов А.Ю. Онлайн-кинотеатры как новые медиа // Litera. 2023. № 6. С. 61–68. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41013. EDN: CYCIWE. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41013
17. Пираты множат ссылки // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5774181?ysclid=lsu9Orfdkr568637930> (дата обращения: 01.11.2023).
18. Платформы Megogo, Okko, Ivi и «Кинопоиск» получили штрафы за отсутствие соцрекламы о вреде табака // Афиша Daily. — URL: <https://daily.afisha.ru/news/56839-platformy-megogo-okko-ivi-i-kinopoisk-poluchili-shtrafy-za-otsutstvie-socrekلامy-o-vrede-tabaka/> (дата обращения: 11.11.2023).
19. Почти 50 протоколов на 29 млн рублей составили на онлайн-сервисы из-за ЛГБТ // NEWS.ru. — URL: <https://news.ru/vlast/pochti-50-protokolov-na-29-mln-rublej-sostavili-na-onlajn-servisy-iz-za-lgbt/> (дата обращения: 30.11.2023).
20. Представители онлайн-кинотеатров считают принудительное лицензирование «губительным» //

- TACC. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16062593> (дата обращения: 16.01.2024).
21. Разморозить Голливуд: чем завершилась массовая забастовка актеров и сценаристов // Forbes.ru. — URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/500323-razmorozit-gollivud-tem-zaversilas-massovaa-zabastovka-akterov-i-scenaristov?ysclid=lsu995fhm5339060616>
 22. Российские онлайн-кинотеатры нарастили число подписчиков в третьем квартале // Sostav.ru. — URL: <https://www.sostav.ru/publication/onlajn-kinoteatry-64020.html?ysclid=lsu97flah6896163244>
 23. Суд оштрафовал онлайн-кинотеатр «ОККО» за распространение ЛГБТ-пропаганды // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/20230804/okko-1888164134.html> (дата обращения: 05.11.2023).
 24. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации” от 01.05.2017 № 87-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru>
 25. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей” от 05.05.2014 № 97-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: <http://www.consultant.ru>
 26. Чепурнова Н.М., Соловьев М.Ю. Аудиовизуальное произведение как правовая категория: межотраслевой аспект // Закон и право. 2022. № 6. С. 99–106. — URL: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-6-99-106>
 27. Щербачева Л.В. Правоприменительная практика в области охраны авторских прав в киберпространстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 220–223. — URL: <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-220-223>
 3. Akopyan A.R., Arakelyan A.M., Voroncova Yu.V., Krysov V.V. Ocenka podhodov k regulirovaniyu cifrovogo kinoprokata // Vestnik universiteta. 2021. № 4. S. 32–36.
 4. Akopyan A.R., Arakelyan A.M., Voroncova Yu.V., Krysov V.V. Problemy cifrovoj transformacii kinoprokata // E-Management. 2021. T. 4, No 1. S. 4–12.
 5. V Gosdume obsudili voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'nogo regulirovaniya raboty audiovizual'nyh servisov v Internetе // Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo sobraniya Rossijskoj Federacii. — URL: <http://duma.gov.ru/news/12936/> (data obrashcheniya: 10.01.2024)
 6. Vedenina D. Zakon ob onlajn-kinoteatrah: obzor novovvedenij dlya audiovizual'nyh // Intelktual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2017. No 10. S. 53–58. EDN ZGRZND.
 7. Gavrilov A.D., Vasil'eva Zh.S. Pravoprimenitel'naya praktika Roskomnadzora po osushchestvleniyu funkcij kontrolya i nadzora v sfere elektronnyh kommunikacij // Problemy kachestva rossijskogo zakonodatel'stva: Sb. materialov III Vseros. nauchno-prakticheskoy konf. V 2-h chastyah. Cheboksary, 1 iyunya 2018 g. Ch. I. Cheboksary: Chuvashskij gos. un-t imeni I.N. Ul'yanova, 2018. S. 52–56. EDN LXJMPJ.
 8. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast' chetvertaya / Federal'nyj zakon ot 18 dekabrya 2006 g. No 230-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2006. No 52. Ch. 1. St. 5496.
 9. Za chistyj Runet. Kak budet rabotat' antipiratskij memorandum // TASS. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/5748240> (data obrashcheniya: 14.01.2024).
 10. Zakonoproekt No 184016-8 “O vnesenii izmeneniya v Federal'nyj zakon “O vvedenii v dejstvie chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii” // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184016-8> (data obrashcheniya: 14.01.2024).
 11. Zakonoproekt No 37671-7 “O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii” i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii (v chasti regulirovaniya deyatel'nosti audiovizual'nyh servisov v seti Internet)” // Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (data obrashcheniya: 10.01.2024).
 12. Kolesnikov N. “Piratskie” servisy kak global'noe prepyatstvie dlya realizacii avtorskogo prava na audiovizual'nye proizvedeniya // Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: Sb. materialov XI Mezhdunar. yur. foruma (IP Forum). M.,

REFERENCES

1. “Legalizaciya piratstva”: videoservisy ocenili ideyu prinuditel'noj licenzii na kontent // Forbes.ru. — URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/465279-legalizaciya-piratstva-videoservisy-ocenili-ideu-prinuditel-noj-licenzii-na-kontent?ysclid=lsu94z1aw3182147183> (data obrashcheniya: 01.11.2023).
2. “Megafon” oshtrafovali za otsustvie markirovki “18+” na fil'me // RIA Novosti. — URL: <https://ria.ru/20230629/megafon-1881194826.html> (data obrashcheniya: 01.11.2023).

- 17-18 fevralya 2023 g. T. 1. M.: Mosk. gos. yur. un-t imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 2023. S. 51–53. EDN LRZEAU.
13. Kondrashev D.R. Pravovoe regulirovanie otnoshenij po zashchite audiovizual'nyh proizvedenij v seti Internet // Aktual'nye problemy sovremennoj yuridicheskoy nauki i praktiki: sb. nauchnyh statej po materialam vserossijskoj studencheskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, SPb., 20 aprelya 2022 g. SPb.: Sankt-Peterburgskaya yur. akademiya, 2022. S. 142–147. EDN ZTCFLZ.
14. Kuzina A.A., Tsenko S.S. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti audiovizual'nyh servisov i perspektivy ego // Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: Materialy XXI Mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konf. molodyh uchenykh: v 3 tomah, M., 15-16 aprelya 2022 g. T. 1. — M.: Izdatel'skij centr Un-ta imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 2022. S. 34-35. EDN IOXHYR.
15. Mediaholdingi i internet-kompanii podpisali antipiratskij memorandum // Sostav.ru. — URL: <https://www.sostav.ru/publication/mediakholdingi-i-internet-kompanii-podpisali-antipiratskij-memorandum-34206.html?ysclid=lsu8vd88fx452181686>
16. Murzina O.V., Grabel'nikov A.A., Cicinov A.Yu. Onlajn-kinoteatry kak novye media // Litera. 2023. No 6. S. 61–68. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.6.41013 EDN: CYCIWE. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41013
17. Piraty mnozhat ssylki // Komersant. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5774181?ysclid=lsu90rfdkr568637930> (data obrashcheniya: 01.11.2023).
18. Platformy Megogo, Okko, Ivi i "Kinopoisk" poluchili shtrafy za otsutstvie socreklamy o vrede tabaka // Afisha Daily. — URL: <https://daily.afisha.ru/news/56839-platformy-megogo-okko-ivi-i-kinopoisk-poluchili-shtrafy-za-otsutstvie-socreklamy-o-vrede-tabaka/> (data obrashcheniya: 11.11.2023).
19. Pochti 50 protokolov na 29 mln rublej sostavili na onlajn-servisy iz-za LGBT // NEWS.ru. — URL: <https://news.ru/vlast/pochti-50-protokolov-na-29-mln-rublej-sostavili-na-onlajn-servisy-iz-za-lgbt/> (data obrashcheniya: 30.11.2023).
20. Predstaviteli onlajn-kinoteatrov schitayut prinuditel'noe licencirowanie "gubitel'nyy" // TASS. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16062593> (data obrashcheniya: 16.01.2024).
21. Razmoroziť Gollivud: chem zavershilas' massovaya zabastovka akterov i scenaristov // Forbes.ru. — URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/500323-razmoroziť-gollivud-chem-zaversilas-massovaa-zabastovka-akterov-i-scenaristov?ysclid=lsu995fhm5339060616>
22. Rossijskie onlajn-kinoteatry narastili chislo podpisчиков v tret'em kvartale // Sostav.ru. — URL: <https://www.sostav.ru/publication/onlajn-kinoteatry-64020.html?ysclid=lsu97flah6896163244>
23. Sud oshtrafoval onlajn-kinoteatr "OKKO" za rasprostranenie LGBT-propagandy // RIA Novosti. — URL: <https://ria.ru/20230804/okko-1888164134.html> (data obrashcheniya: 05.11.2023).
24. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i zashchite informacii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii": feder. zakon ot 01.05.2017 No 87-FZ // SPS "Konsul'tantPlyus". — URL: <http://www.consultant.ru>.
25. Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam uporyadocheniya obmena informaciej s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej" ot 05.05.2014 No 97-FZ // SPS "Konsul'tantPlyus". — URL: <http://www.consultant.ru>
26. Chepurnova N.M., Solov'ev M.Yu. Audiovizual'noe proizvedenie kak pravovaya kategoriya: mezhotraslevoj aspekt // Zakon i pravo. 2022. No 6. S. 99–106. — URL: <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2022-6-99-106>
27. Shcherbacheva L.V. Pravoprimenitel'naya praktika v oblasti ohrany avtorskih prav v kiberprostranstve // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2022. No 2. S. 220–223. — URL: <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-220-223>

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА МОЛОДОГО УЧЕНОГО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF THE YOUNG SCIENTIST IN THE RUSSIAN FEDERATION

Али Габибович АСАДОВ

МГУ имени М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Москва, Российская Федерация,
asadov04@gmail.com,
ORCID: 0009-0007-3779-0295

Информация об авторе

А.Г. Асадов — аспирант Высшей школы государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова

Аннотация. Внимание государства к молодым ученым как категории граждан, осуществляющих исследования по ключевым направлениям научно-технологического развития Российской Федерации, характеризуется, с одной стороны, большим количеством инструментов государственной поддержки, а с другой — терминологической неопределенностью в отношении самого понятия.

В отсутствие четкого закрепления в федеральном законодательстве появилось множество подходов в подзаконных актах к определению молодых ученых, которые подчас друг другу противоречат. В условиях подготовки к введению изменений в законодательство о науке в части определения понятия данной категории лиц автор предпринял попытку обобщения имеющегося материала по теме и сформулировал ряд собственных предложений.

Ключевым в подходе автора является рассмотрение особенностей правового статуса молодого ученого в Российской Федерации с точки зрения конституционных прав человека. Дополнительно рассматриваются социологические, исторические и административные аспекты проблематики. Автор в контексте комплексной природы понятия «молодой ученый» учел особенности развития публично-правового регулирования, с одной стороны, молодежной политики, а с другой — научно-образовательной.

- Данная статья может быть использована в качестве справочного и методологического материала для исследователей-правоведов, представителей федеральных органов исполнительной и законодательной власти, занимающихся указанной проблематикой. Она может быть интересна широкому кругу читателей, интересующихся молодежной и научно-образовательной политикой в Российской Федерации.

- **Ключевые слова:** правовой статус молодого ученого, правовой статус личности, научная деятельность, молодежная политика, правовое регулирование

- **Для цитирования:** Асадов А.Г. Особенности правового статуса молодого ученого в Российской Федерации // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 47–61; DOI: 10.17323/tis.2024.21712

• Ali G. ASADOV

Lomonosov Moscow State University, Higher School of State Audit (Faculty), Moscow, Russia,
asadov04@gmail.com,
ORCID: 0009-0007-3779-0295

• Information about the author

A.G. Asadov — Postgraduate student of the Higher School of State Audit (Faculty) of Moscow State University, Moscow, Russia

- **Abstract.** The attention of the state to young scientists as a category of citizens carrying out research in key areas of scientific and technological development of the Russian Federation is characterized, on the one hand, by a large number of state support instruments, and, on the other hand, by terminological uncertainty regarding the concept itself.

In the absence of a clear enshrinement in federal legislation, many approaches to the definition of young scientists have appeared in by-laws, which sometimes contradict each other. In preparation for the introduction of changes in the legislation on science in terms of defining the concept of this category of persons, the author makes an attempt to generalize the available material on the topic and formulates a number of his own proposals. The key in the author's approach is to consider the features of the legal status of a young scientist in the Russian Federation from the point of view of constitutional human rights. Sociological, historical and administrative aspects of the development of problems are additionally considered. The author, in the context of the complex nature of the concept of a young scientist, takes into account the development of public law regulation of youth policy on the one hand and scientific and educational policy on the other.

This article can be used as a reference and methodological material for legal researchers, representatives of federal executive and legislative authorities dealing with this issue, as well as a wide range of readers interested in youth and scientific and educational policy in the Russian Federation.

Keywords: legal status of the young scientist, legal status of an individual, scientific activity, youth policy, legal regulation

For citation: Asadov A.G. Features of the Legal Status of the Young Scientist in the Russian Federation // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 47–61; DOI: 10.17323/tis.2024.21712

- Интерес к унификации подходов к терминологическому вопросу юности в науке сформировался в 2021 г., который в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 812 был объявлен Годом науки и технологий. Так, в феврале 2021 г. состоялась встреча Президента Российской Федерации В.В. Путина с министром науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фальковым, на которой министр выступил с инициативой закрепления правового статуса молодого ученого в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [1], «как совокупность прав, обязанностей и гарантий его деятельности» (В.Н. Фальков, письмо от 20 февраля 2021 г. № МН-15/ВФ-374).
- Президент Российской Федерации предложение поддержал резолюцией «Согласен», которая в соответствии с п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 28 марта 2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» была зарегистрирована Администрацией Президента Российской Федерации в качестве указания Президента Российской Федерации от 23 февраля 2021 г. № Пр-299. Первоначальный срок представления доклада — до 23 мая 2021 г., к настоящему моменту он продлевался несколько раз.
- Таким образом, с момента, когда Президент Российской Федерации дал указание, прошло более двух лет, Год науки и технологий постепенно перетек в Десятилетие науки и технологий, но исполнение по нему все еще продолжается. Пытливый читатель, вероятно, задастся вопросом: в чем сложность исполнения поручения, ведь в административно-политическом плане «зеленый свет» горит на самом высоком уровне? Разберем вопрос поэтапно.
- С точки зрения социологии как науки молодежь представляет собой «социально-демографическую группу, выделяемую на основе обусловленных возрастом особенностей социального положения молодых людей, их места и функций в социальной структуре общества, специфических интересов и ценностей» [2]. При этом социологический подход к определению возрастных рамок понятия, как правило, устанавливает верхний предел 30 лет [3, 4, 5].

Однако и сами социологи соглашались с тем, что возрастной критерий не является универсальной основой для выделения молодежи как особой социальной группы и имеет достаточно условный характер: «так, сельская молодежь, по оценкам специалистов, имеет возрастные границы от 12–14 до 24–26 лет» [6].

В этой связи справедливо поставить вопрос, а с какой особенностью статуса молодого исследователя связаны особый режим правового регулирования, отдельные меры поддержки для данной категории и на какую цель направлены все эти действия со стороны государства?

Общепризнанный критерий возрастных границ в отношении понятия «молодой ученый» требует глубокого осмысления. Какими доводами руководствуются авторы подзаконных актов, в которых устанавливают ту или иную возрастную планку в 35, 39 или 40 лет?

Существует заслуживающая внимания гипотеза, что установление общей рамки в 35 лет и дополнительной рамки в 40 лет для докторов наук связано с «периодом профессиональной ротации в... социальной группе» [4, с. 9]. Другими словами, в связи с тем, что период получения докторской степени связан с необходимостью прохождения всех этапов академического пути, «молодость» в среде докторов наук обоснованно определить периодом с 35 до 40 лет. Но тогда можно продолжить мысль дальше и предложить ввести категорию «молодых академиков» в возрасте до 70 лет и «молодых членов-корреспондентов» в возрасте до 60 лет, благо постепенно средний возраст в Российской академии наук постепенно «молодеет» [7]. Но очевидно, что данный подход, кроме декларирования отношения разницы одной возрастной группы к другой внутри той или иной категории лиц, иного функционального смысла не несет.

Уделим некоторое внимание экскурсу в историю теоретических и правовых основ государственной молодежной политики в целом. Здесь трудно не упомянуть работу, проведенную И.М. Ильинским, одним из ведущих отечественных исследователей публично-правовых аспектов молодежной проблематики советского периода. Совместно с коллективом правоведов, социологов, философов и других специалистов в период 1986–1991 гг. И.М. Ильинский разработал теоретические и правовые основы концепции государственной молодежной политики СССР, которые легли в основу Закона СССР «Об общих началах государственной молодежной политики СССР» от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 [8]. Несмотря на то что указанный акт утратил силу вместе с распадом СССР в декабре 1991 г., его влияние на окончательное

оформление государственной молодежной политики в самостоятельную отрасль публично-правового регулирования в России и странах СНГ трудно переоценить.

В современной России, несмотря на тщательную теоретическую и правовую проработку вопроса, нормативный правовой акт по теме государственной молодежной политики практически три десятилетия ждал своего часа, не находя поддержки в лице глав государства. Так, в 1999 г. Б.Н. Ельцин наложил вето на законопроект «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». Через 10 лет, в 2009 г., не усмотрев целесообразности в подобном законе и Д.А. Медведев: «Набор принципов, которыми будет руководствоваться государство в этой сфере, нам не нужен на законодательном уровне — у нас есть стратегия. Это другой документ» [9].

В итоге спустя еще одно десятилетие, в декабре 2020 г., был принят Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 № 489-ФЗ, занявший место своего советского предшественника, которым было установлено, что «молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации». При этом в ч. 3 ст. 6 упоминается, что при определении мер поддержки отдельным категориям молодых граждан может быть установлен иной максимальный возраст, но не менее 35 лет.

Стоит упомянуть, что период публично-правовых дискуссий на тему государственной молодежной политики в три десятка лет между двумя «молодежными» законами на региональном уровне ознаменовался довольно активным законотворчеством [10, 11, 12, 13]. Как справедливо отметил В.В. Егоров: «Сложилась своеобразная, нелогичная правовая ситуация, когда субъекты федерации опередили в законодательстве федеральный центр» [14].

В части второго составного элемента рассматриваемого понятия любопытно отметить, что «лексема “ученый” может выступать как существительным, так и прилагательным» [15]. В Российской империи понятие «ученый» появилось во второй половине XIX в. [16]. В 1862 г. в соответствии с высочайше утвержденным мнением Государственного совета к ученым возможно было отнести: лицо, обладающее ученой степенью доктора, магистра или кандидата, либо действительного студента университета Российской империи; лицо, окончившее курс в педагогическом институте; лицо, приобретшее известность своими трудами [17]. Н.Н. Зипунникова справедливо отметила, что правовой статус ученых в Российской империи наряду с исследовательской (преподава-

тельской) компонентой складывался и из отношения к государевой службе (включение в систему классов чинов) [17, с. 36]. Отдельного упоминания именно «молодых ученых» в этот период найти не удалось.

В СССР первые доступные в правовых системах упоминания «молодых ученых» датируются 1929 г. в Постановлении Совета народных комиссаров (СНК СССР) от 31 декабря 1929 г. «О стипендиях при Комитете по химизации народного хозяйства Союза ССР для молодых ученых-химиков», в котором, как следует из наименования, им устанавливалась отдельная стипендия [18]. Также словосочетание «молодые ученые» встречается в Уставе Академии наук СССР: «Академия наук ведет систематическую работу по повышению квалификации научных кадров Союза ССР путем организации соответствующих циклов лекций и докладов и предоставления молодым ученым мест в своих учреждениях для практических занятий и усовершенствования знаний» [19].

Вместе с тем уже в 1962 году в Постановлении ЦК КПСС встречается понятие «молодые научные работники»: «...признать необходимым сосредоточить основное внимание *молодых научных работников* и аспирантов на выполнении научных исследований» [20], а также в иных актах того периода [21].

В дальнейшем в Постановлении Совета Министров СССР от 4 мая 1971 г. № 257 «Об учреждении медалей с премиями для студентов высших учебных заведений и молодых ученых за лучшие научные работы» снова вернулись к предыдущему понятию. Первым абзацем II раздела Положения о советах молодых ученых (специалистов) научно-исследовательских, конструкторских, проектно-конструкторских и технологических организаций, научных подразделений вузов, утвержденного Постановлением Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ СССР), Минвуза СССР, ЦК ВЛКСМ от 16.04.1973 № 118-323а-66/2, было установлено, что работа советов молодых ученых ведется среди ученых или дипломированных специалистов в возрасте до 33 лет [22]. Вместе с тем спустя некоторое время в п. 1 Положения о советах молодых ученых и специалистов, утвержденного Постановлением Секретариата ЦК ВЛКСМ, ГКНТ СССР, Президиума АН СССР, Гособразования СССР от 21 июня 1988 г. № 45/13а-195-114-158, было указано, что советы молодых ученых и специалистов организуют содержательную работу, координируют деятельность с молодыми учеными и специалистами, имеющими высшее и среднее специальное образование, в возрасте до 35 лет [23].

По своему конституционно-правовому смыслу правовой статус молодого исследователя является частным проявлением прав человека. В соответствии

со ст. 44 Конституции Российской Федерации «каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания». Таким образом, научная деятельность является частной разновидностью творчества. Также в соответствии со ст. 71 Основного закона установление основ федеральной политики и федеральных программ в области государственного научно-технологического развития Российской Федерации находится в исключительном ведении Российской Федерации. Полномочия по обеспечению проведения в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области науки в соответствии с подп. «в», «в.1» п. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации закреплены за Правительством Российской Федерации, в том числе обеспечение государственной поддержки научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала. Полномочия в установленной сфере деятельности в структуре Правительства Российской Федерации осуществляет Минобрнауки России [24].

Остановимся подробнее на понятии правового статуса молодого ученого. Под правовым статусом в целом С.С. Алексеев понимает «фактическое состояние во взаимоотношениях с обществом и государством» [25]. При этом при рассмотрении понятия правового статуса молодого ученого необходимо оговориться, что он является частью более общего понятия — правового статуса ученого, а тот, в свою очередь, еще более общего понятия — правового статуса личности.

Говоря о последнем, отмечу, что в настоящее время в науке сложилось несколько подходов к определению правового статуса личности. Первый из них — узкий подход — рассматривает правовой статус личности как совокупность прав и обязанностей, установленных законодательством [26]. Данный подход нашел свое отражение в Федеральном законе от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» в части правового статуса научного работника [27]. Второй подход — более расширительный — к упомянутым элементам прикладывает дополнительные элементы правового статуса: правоспособность, гарантии, законные интересы и прочее [28]. Данный подход нашел свое отражение в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ в части правового статуса педагогических работников [29]. Некоторые авторы расширительное толкование правового статуса отождествляют с понятием правового положения [30].

По мнению автора этой статьи, для определения правового статуса молодого ученого необходимо ис-

пользовать именно расширительный подход в связи с тем, что в многочисленных подзаконных актах по теме можно выделить закономерности, позволяющие определить элементы правового статуса помимо прав и обязанностей, пролить свет на структуру и состояние правового регулирования. Кроме того, в упомянутом выше письме министра науки и высшего образования Российской Федерации В.Н. Фалькова от 20 февраля 2021 г. № МН-15/ВФ-374, которое поддержал президент Российской Федерации, предлагается закрепить понятие правового статуса молодого ученого именно «как совокупность прав, обязанностей и гарантий его деятельности», что свидетельствует о том, что руководитель профильного федерального органа исполнительной власти также разделяет расширительный подход.

Сам правовой статус в теории права подразделяется на общий, специальный и индивидуальный [31]. Согласимся с точкой зрения, согласно которой с понятием «ученый» ввиду наличия кроме базовых прав и обязанностей дополнительных элементов (например, привилегий в виде грантов) ассоциируется специальный правовой статус, компонентами которого являются права, обязанности, законные интересы, ограничения, запреты, ответственность и правовые преимущества [15, с. 25]. Другим примером специального правового статуса (без проведения иных параллелей) могут служить женщины-осужденные [32]. Государство обеспечивает специальный правовой статус молодых ученых путем предоставления им социальных и правовых преимуществ, создания режима благоприятствования при занятии исследовательской деятельностью.

Говоря о правах и обязанностях молодых ученых, наверное, справедливо будет признать, что между правовым статусом личности в целом и правовым статусом ученых (то есть научных работников в понимании Закона о науке) необходимо выделить дополнительное звено — назовем его условно «исследователи». Это лица, которые, реализуя свои конституционно-правовые гарантии на свободу творчества, занимаются наукой, но не обязательно являются при этом научными работниками. Это более общая категория, внутри которой можно выделить научных работников, права и обязанности которых закреплены Законом о науке.

Таким образом, так называемая матрешка понятий от общего к специальному будет выглядеть следующим образом: *правовой статус личности — правовой статус исследователя — правовой статус ученого — правовой статус молодого ученого*. При этом режим благоприятствования со стороны государства увеличивается с нарастанием специализации в указанных категориях, что вполне объяснимо.

Среди общей массы граждан исследователи являются группой лиц, занимающихся социально полезным трудом, потенциально представляющим интерес со стороны государства. При этом, несмотря на конституционно-правовые гарантии, исследователи без «прописки» в научных или образовательных организациях незаслуженно обделены вниманием в части мер поддержки и иных гарантий. Хотя примеры исследователей-любителей, которые сделали вклад в науку, не будучи профессиональными учеными, известны и не единичны: русский и советский виолончелист, а по совместительству астроном-любитель Андрей Борисяк, в 1901 г. открывший в созвездии Персея первую Новую звезду XX в. [33]; Марджори Райс, домохозяйка из американского штата Флорида, известная своими открытиями четырех ранее неизвестных классов пятиугольных мозаик в 1976-1977 гг. [34]; Леонид Сикорук, советский и российский режиссер, в 1973 г. организовавший Клуб любителей телескопостроения имени Д.Д. Максудова и ставший инициатором начала промышленного производства телескопов ТАЛ на Новосибирском приборостроительном заводе [35] и многие другие.

Отдельное внимание со стороны руководства страны в отношении граждан, не являющихся профессиональными исследователями, но увлеченных наукой, можно зафиксировать в развитии «научного волонтерства» (явления, известного также как «гражданская наука», или «citizen science»). Так, в 2022 г. Президент Российской Федерации поручил Правительству Российской Федерации совместно с Координационным советом по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, Ассоциацией волонтерских центров и Общероссийской общественно-государственной просветительской организацией «Российское общество “Знание”» утвердить и реализовать комплекс мер, направленных на содействие развитию научного волонтерства, в том числе на привлечение детей и молодежи к участию в сборе и анализе научных данных [36]. Также научное волонтерство стало одной из инициатив Плана проведения в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 июля 2022 г. № 2036-р. В соответствии с п. 3 этого плана к 2025 г. в Российской Федерации количество научно-исследовательских проектов, реализуемых с привлечением волонтеров, увеличится до 120, а общее количество научных волонтеров достигнет отметки 120 тыс. человек [37].

Вместе с тем указанные примеры внимания к молодым ученым-волонтерам вряд ли можно считать

достаточными. Сам по себе феномен научного волюнтерства, по мнению автора, направлен, с одной стороны, на раннюю профориентацию молодежи и вовлечение в науку, а с другой — на осуществление помощи профессиональным ученым в проведении исследований. А категория ученых-любителей, осуществляющих свои проекты в рамках данной инициативы, субъектности не приобретает.

Как указывают А.А. Васильев и Ю.В. Печатнова, понятие «ученый» носит доктринальный характер. Они ссылаются в обоснование своих доводов на модельный закон СНГ «О статусе ученого и научного работника» [38]. Оговорюсь, что автор данной статьи с учетом предложенной ранее методологии рассматривает понятия «ученый» и «научный работник» как тождественные. Правовой статус, а равно с ним права и обязанности ученых (научных работников) закрепляет прежде всего Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». В нем законодательно выделяется общее понятие субъектов научной и (или) научно-технической деятельности, и сфера регулирования указанного закона связывается с отношениями между указанными субъектами, органами государственной власти, потребителями научной и (или) научно-технической продукции (работ и услуг), в том числе по предоставлению государственной поддержки инновационной деятельности.

Глава II Закона именуется «Субъекты научной и (или) научно-технической деятельности». В соответствии с ч. 1 ст. 3 указанная деятельность осуществляется физическими и юридическими лицами, если подобное предусмотрено учредительными документами. В ч. 2 указанной статьи закреплены гарантии, права и свободы субъектов научной и (или) научно-технической деятельности: свобода творчества, включая право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных разработок; защита от недобросовестной конкуренции; право на обоснованный риск в научной и (или) научно-технической деятельности; свобода доступа к научной и научно-технической информации (за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации в отношении государственной, служебной или коммерческой тайны); гарантия подготовки кадров для научных организаций и финансирования проектов, выполняемых по государственным заказам (последнее больше относится к юридическим лицам). Обоснованно предположить, что, за исключением последних двух пунктов, остальные являются элементами правового статуса физического лица как субъекта научной и (или) научно-технической деятельности.

Далее законодатель конкретизирует понятие упомянутого физического лица как субъекта научной и (или) научно-технической деятельности. В соответствии со ст. 4 «научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью». Отмечу, что в контексте рассматриваемой работы (ввиду предложенной выше методологии) отождествление научных работников и исследователей в Законе автор считает методически не вполне целесообразным.

В соответствии с указанной статьей Закона о науке ученые имеют право: на научную номенклатуру (2-й абз. п. 1 ст. 4); на соискание ученой степени и публичную защиту (п. 2 ст. 4); на присвоение ученых званий (там же); на подтверждающий документ (диплом, аттестат), а также на его перевод на иностранный язык (там же). Также выделяются категории «специалист научной организации (инженерно-технический работник)» и «работник сферы научного обслуживания», которые законодатель, очевидно, относит к физическим лицам — субъектам научной и (или) научно-технической деятельности. Все они также по смыслу их описания связаны трудовыми отношениями с научной или приравненной к ней организацией. Кроме того, в ст. 6 перечислены иные права научных работников: право на признание автором научных результатов и подачу заявок на результат интеллектуальной деятельности (РИД); право на получение доходов от реализации указанных результатов; право на объективную оценку деятельности и получение соответствующих вознаграждений; право на осуществление предпринимательской деятельности в области науки и техники; право на подачу заявок на участие в научных мероприятиях; право на участие в конкурсах на финансирование научных исследований; право на подачу заявок на участие в международном научном и научно-техническом сотрудничестве; право на доступ к информации о научных и научно-технических результатах (за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации в отношении государственной, служебной или коммерческой тайны); право на публикацию в открытой печати научных и (или) научно-технических результатов; право на мотивированный отказ от участия в научных исследованиях, оказывающих негативное воздействие на человека, общество и окружающую среду; право на дополнительное профессиональное образование. Также в п. 8 ст. 4 закреплено право научных работников на заключение договоров о совместной научной и (или) научно-технической деятельности, а в п. 9 ст. 4 — право научных работ-

ников на создание на добровольной основе общественных объединений (в том числе научных, научно-технических и научно-просветительских обществ, общественных академий наук).

Вместе с тем ряд исследователей отмечают, что не все права ученых закреплены в указанном законе. В частности, отсутствуют нормы, закрепляющие право на материальное вознаграждение за создание научного продукта в рамках грантового проекта [39].

Дополнительные права для ученых можно найти в Трудовом кодексе Российской Федерации. В частности, ст. 173.1 ТК РФ предусматривает право на предоставление дополнительного отпуска по месту работы продолжительностью три и шесть месяцев с сохранением среднего заработка для работников, допущенных к соисканию ученой степени кандидата наук или доктора наук соответственно. Вместе с тем стоит отметить, что порядок получения указанного отпуска, предусмотренный Правилами предоставления отпуска лицам, допущенным к соисканию ученой степени кандидата наук или доктора наук, делает его крайне труднореализуемым в связи с необходимостью уведомления о намерении реализовать свое право на предоставление отпуска в письменной форме *не позднее чем за один год* до предполагаемой даты начала отпуска [40].

По мнению автора, перечисленные выше права могут быть сгруппированы следующим образом:

- а) дискреционные — свобода творчества, включая право выбора направлений и методов проведения научных исследований и экспериментальных работ, право на обоснованный риск в научной и (или) научно-технической деятельности;
- б) кооперативные — право на подачу заявок на участие в международном научном и научно-техническом сотрудничестве, право на создание на добровольной основе общественных объединений (в том числе научных, научно-технических и научно-просветительских обществ, общественных академий наук), право на заключение договоров о совместной научной и (или) научно-технической деятельности;
- в) информационные — свобода доступа к научной и научно-технической информации, право на доступ к информации о научных и научно-технических результатах, право на публикацию в открытой печати научных и (или) научно-технических результатов;
- г) профессиональные — право на подачу заявок на участие в научных мероприятиях, право на дополнительное профессиональное образование, право на защиту от недобросовестной конкуренции, право на научную номенклатуру, на соис-

ание ученой степени и публичную защиту, на присвоение ученых званий; право на подтверждающий документ (диплом, аттестат), а также на его перевод на иностранный язык;

- д) этические — право на мотивированный отказ от участия в научных исследованиях, оказывающих негативное воздействие на человека, общество и окружающую среду;
- е) авторские неимущественные — право на признание автором научных результатов и подачу заявок на РИД;
- ж) материальные — право на получение доходов от реализации РИД, на объективную оценку деятельности и получение соответствующих вознаграждений, на осуществление предпринимательской деятельности в области науки и техники, на участие в конкурсах на финансирование научных исследований;
- з) социальные — право на получение дополнительного отпуска.

Обязанности научных работников закреплены в п.7 ст. 4 и представляют собой: соблюдение прав и свобод человека при осуществлении научной, научно-технической деятельности и (или) экспериментальных разработок; объективное осуществление экспертизы представленных им научных и научно-технических программ и проектов, научных и (или) научно-технических результатов и экспериментальных разработок.

Дополнительно следует выделить категорию научно-педагогических работников, трудоустроенных в образовательных организациях высшего образования и организациях, реализующих дополнительные профессиональные программы. В соответствии со ст. 50 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» научно-педагогические работники являются специальным видом научных работников, на которых помимо прав и обязанностей, установленных перечисленными выше нормами Закона о науке, распространяются дополнительные права и обязанности, связанные в основном с особенностями взаимодействия с образовательной организацией [29, ст. 50].

Состояние правового регулирования именно для молодых ученых характеризуется тем, что фактически осуществляется на уровне подзаконных актов. В самих подзаконных актах права молодых ученых могут быть поделены на две категории — отдельно поименованные элементы правового статуса и те, которые выводятся из толкования текста положений подзаконных актов.

Начнем с государственных жилищных сертификатов (ГЖС). Предоставление молодым ученым со-

циальных выплат на приобретение (строительство) жилья является одним из способов эффективного решения задач государственного управления и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в жилищной и жилищно-коммунальной сфере [41]. Приложением № 2 к особенностям реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утвержденным Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2010 г. № 1050 (далее — Приложение № 2), устанавливается порядок предоставления ГЖС молодым ученым.

В п. 1(1) Приложения № 2 дан вариант понятия «молодой ученый», используемый для целей рассматриваемого документа. Им может быть гражданин Российской Федерации, имеющий ученую степень и в совокупности не менее пяти лет работающий: 1) в должности научного работника в научной организации (учредитель которой — Правительство РФ или федеральный орган исполнительной власти); 2) в должности научно-педагогического работника в образовательной организации высшего образования (учредитель которой — Правительство РФ или федеральный орган исполнительной власти). При этом устанавливается предельный возраст 35 лет для кандидатов наук и 40 лет для докторов наук.

Дополнительно п. 7 Приложения № 2 устанавливает ряд критериев отнесения к категории молодого ученого, претендующего на получение ГЖС: а) признание организацией-работодателем лица нуждающимся в получении социальной выплаты; б) однократность реализации права на улучшение жилищных условий с использованием социальной выплаты.

Таким образом, в рамках данной меры поддержки в качестве обязательного критерия отнесения к категории молодого ученого выделяется наличие ученой степени.

Одновременно с этим обратимся к распоряжению Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В нем к понятию «молодой ученый» помимо названных выше категорий отнесены аспиранты в возрасте до 30 лет. Следовательно судьба аспирантов в части отнесения к понятию «молодой ученый» трактуется в различных подзаконных актах по-разному.

Следующим элементом правового статуса молодых ученых следует выделить создание условий для преодоления так называемых административных барьеров. В этом ключе стоит рассматривать прово-

димую с 2019 г. Минобрнауки России программу по созданию «молодежных лабораторий» в рамках национального проекта «Наука и университеты». С 2019 г. было создано более 700 молодежных лабораторий в научных организациях и вузах. К 2024 г. их планируют создать 900 [42]. Основное условие — руководитель лаборатории и две трети ее состава должны быть не старше 39 лет.

Внимательный читатель может задаться вопросом: «А почему 39 лет? Чаще всего фигурирует 35 лет, а отдельных случаях 40 лет...». Причины, по которым выбран указанный возрастной предел, в данном случае кажутся вполне объяснимыми. Дело в том, что в паспорте национального проекта «Наука и университеты» одним из показателей эффективности самого национального проекта является показатель «Доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности российских исследователей». В этой связи и мера поддержки, реализуемая в рамках нацпроекта, логично направлена на улучшение данного показателя.

А вот почему в паспорте национального проекта сформулирован именно такой показатель — вопрос более интересный. Вероятнее всего, причина банальная. Основными требованиями к показателям эффективности национальных проектов являются их безусловная счетность, регулярная обновляемость и понятность источника информации. А по счастливому стечению обстоятельств Росстат считает с 2010 г. «численность исследователей по возрастным группам по Российской Федерации» в диапазонах: до 29 лет (включительно), с 30 до 39 лет, с 40 до 49 лет и так далее [43]. В этой связи впору выделять в качестве одной из причин терминологического плюрализма в подходах к понятию «молодой ученый» в России особенности методологического осуществления сбора статистических данных в Российской Федерации.

Некоторые исследователи отдельно в качестве характеристики статуса выделяют такой критерий, как отношение к военной службе [44]. Прежде всего речь идет об отсрочке от призыва на срочную военную службу, предусмотренной положениями п. 2 ст. 24 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

Вместе с тем в условиях ведения специальной военной операции и объявленной 21 сентября 2022 г. частичной мобилизации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 закономерно поставить вопрос о правовом статусе молодых ученых применительно к призыву на военную службу по мобилизации.

Основания для отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации установлены Федеральным

законом от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации». Вместе с тем есть и иные источники. Так, в тексте самого Указа Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 г. № 647 подобный правовой иммунитет был предоставлен гражданам Российской Федерации, работающим в организациях оборонно-промышленного комплекса, на период работы в этих организациях (п. 9) [45]. Через несколько дней вышел Указ Президента Российской Федерации, посвященный вопросам предоставления отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации [46]. В нем постановляется, что отсрочка предоставляется гражданам, получающим образование соответствующего уровня впервые, обучающимся по очной и очно-заочной формам обучения в образовательных и научных организациях по программам среднего профессионального, высшего образования, программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Дополнительно были упомянуты организации, расположенные на территориях инновационных научно-технологических центров, создаваемых в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Также на официальном сайте Минобороны России была опубликована информация о том, что принято решение о непривлечении на военную службу в рамках частичной мобилизации граждан с высшим образованием по соответствующим специальностям и направлениям подготовки, работающих в сферах ИТ-технологий, организации связи, средств массовой информации и финансов [47]. Отличительной особенностью данного решения является то, что никаким актом Минобороны России оно не закреплено и нигде, кроме новости на официальном сайте ведомства, не зафиксировано. Вместе с тем на основании данного заявления начинают появляться акты иных ведомств, позволяющие конкретизировать те или иные положения данного заявления [48].

Таким образом, «молодые ученые» как категория в итоге не фигурировали ни в одном из вышеупомянутых сюжетов, несмотря на активность законодателей в данном направлении [49, 50]. Все потому, что указанная активность не была вознаграждена результатом. Позиция профильного комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по обороне по всем законопроектам по теме заключалась в том, что «наличие у гражданина ученой степени не тождественно его непосредственному участию в научных исследованиях, техническом

проектировании, в развитии науки, техники, в организации и обеспечении образовательного процесса».

Сложившаяся ситуация с отсутствием у молодых ученых отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации, по мнению автора, требует повторного рассмотрения со стороны государства по следующим причинам:

- молодые ученые — наиболее мобильная категория граждан, для которых в подавляющем количестве стран действуют упрощенные правила въезда, получения вида на жительство и грантового финансирования;
- молодые ученые, как правило, не имеют боевого опыта и должной подготовки;
- для того чтобы Российская Федерация воспитала кандидата наук, требуется минимум 9-10 лет, при этом порог входа в категорию «ИТ-специалисты», на которых распространяется отсрочка от призыва в рамках частичной мобилизации, составляет всего 1-2 года).

Также представляется обоснованным довод, указанный в пояснительной записке к законопроекту № 259823-8, о том, что лиц мужского пола в возрасте до 60 лет, обладающих учеными степенями, в России около 135 тыс. человек, что при мобилизационном резерве в 30 млн не оказывает существенного влияния на обороноспособность страны.

Вместе с тем в отрицательных заключениях комитетов на эти законопроекты, как упоминалось выше, используется довод, что отсрочка предоставляется среди прочих оснований лицам, занимающимся определенным видом деятельности. А среди лиц, имеющих ученую степень доктора или кандидата наук, большое количество тех, кто не занимается профессионально научной или педагогической деятельностью.

Если не уходить в рассуждения о том, что обладатель ученой степени уже сам по себе является ценным для страны кадром вне зависимости от того, занимается ли он в настоящий момент наукой или нет, то можно просто выделить из общего количества обладателей ученых степеней тех, кто подходил бы под вышеуказанные критерии.

В тексте приведенной выше пояснительной записки нет ссылки на источник информации, но методом подбора, основанным на данных Росстата, находящихся в открытом доступе, можно сделать вывод, что авторы законопроекта используют информацию Всероссийской переписи населения 2020 г. [51]. Потому что при сложении данных из табл. 2 тома 3 — «Население, имеющее ученые степени, по возрастным группам и полу» (столбцы D, E; строки 19–22) по возрастным группам 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет получается 115 158 человек (4486 +

37 314 + 44 121 + 29 237 человек соответственно) и 19 690 человек (804 + 4270 + 6879 + 7737 человек соответственно), что в сумме образует 134 848 человек (в пояснительной записке к законопроекту № 259823-8 говорится о значении «порядка 135 тыс. человек»). При этом отметим, что соотношение женщин к мужчинам в этом же диапазоне практически соизмеримо: кандидатов и докторов наук среди женщин в возрасте до 60 лет — 139 702, а «остепененных» мужчин — 134 848 (соотношение 51% к 49%). Нам это понадобится ниже по тексту.

Вместе с тем Всероссийская перепись населения — это не единственный источник информации о научных кадрах в арсенале Федеральной государственной службы статистики. Если обратиться к разделу «Официальная статистика» в категории «Наука, инновации и технологии», то мы найдем множество различной информации по теме [43].

При этом, перед тем как обратиться к статистическим данным, необходимо предварительно ознакомиться с документом «Понятия и определения (Наука)». Из него мы выясняем, что Росстат оперирует термином «исследователи», понимая под ним «работников, профессионально занимающихся исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющих создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности. Исследователи обычно имеют законченное высшее образование». Тут стоит оговориться, что в рамках данной статьи происходит терминологическое совпадение понятий «исследователь»: первое, которое предложено автором статьи, и второе, которое используется Росстатом. В этой связи для избежания путаницы у читателя исследователи в понимании Росстата в тексте выделены курсивом.

Также необходимо оговориться, что Росстат не приводит данные по субъектам малого предпринимательства, а затрагивает только юридические лица, имеющие ОКВЭД2 Ок 029-2014 (КДЕС Ред. 2) научные исследования и разработки (код 72) (основной или дополнительный); образование высшее (код 85.22); подготовка кадров высшей квалификации (код 85.23), что дает некоторую погрешность к нашим итоговым выводам, но ввиду того, что даже указанным методом затрагивается подавляющее большинство исследователей, автор считает что погрешность находится в допустимых пределах.

Итак, открываем форму «Численность исследователей (по областям науки; по возрастным группам; по ученым степеням; по субъектам Российской Федерации) (с 2010 г.)» и находим раздел «Численность исследователей по возрастным группам по Россий-

ской Федерации». Берем значения за 2021 г., складываем необходимые графы (столбцы X, Y, строки 9–12) и получаем 6976 докторов наук в возрасте до 60 лет (14 + 516 + 2474 + 3972 человек соответственно) и 50 787 кандидатов наук в возрасте до 60 лет (1462 + 19683 + 18113 + 11 529 человек соответственно), что в сумме образует 57 763 человека. Вместе с тем в данной форме отсутствует деление по полу, поэтому достоверно из нее понять, сколько из 57 763 исследователей, обладающих ученой степенью в возрасте до 60 лет, — мужчины, не представляется возможным. Однако выше из данных Всероссийской переписи населения за 2020 г. мы установили, что в этом возрастном диапазоне соотношение женщин и мужчин 51% к 49% соответственно. Поэтому считаем обоснованным экстраполировать это соотношение на данную выборку, поскольку все признаки сходны, кроме занятости в сфере исследований и разработок к моменту проведения исследования. Итого получим 28 304 мужчин — кандидатов и докторов наук в возрасте до 60 лет, занятых в сфере исследований и разработок.

Данная методика исчисления вполне соотносится с позицией, используемой профильным комитетом Госдумы Российской Федерации по обороне, о том, что помимо ученой степени необходим элемент связи лиц с определенным видом деятельности, из чего можно сделать вывод, что указанная категория лиц вполне может быть освобождена от призыва на военную службу по частичной мобилизации путем внесения изменений в Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

В этой связи в целях полноценного оформления правового статуса молодого ученого как совокупности прав, обязанностей и гарантий его деятельности автор статьи считает целесообразным внести изменения в Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» в части освобождения от призыва на военную службу по частичной мобилизации исследователей мужского пола, обладающих ученой степенью, в возрасте до 60 лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Встреча с министром науки и высшего образования Валерием Фальковым // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65110> (дата обращения: 25.07.2023).
2. Чупров В.И. Молодежь // Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев, уч.

- секр. О.Е. Чернощек. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2010.
3. Филиппов Ф.Р. Молодежь // Российская социологическая энциклопедия. М., 1998.
 4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь в России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
 5. Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодежь в системе социально-гуманитарных наук. М.: Перспектива, 2022.
 6. Плугарь О.А., Плугарь О.А., Кононова Т.М., Горева О.М. Молодежь как социальная группа: определение, социально-демографические характеристики и перспективные направления исследования // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22074> (дата обращения: 01.07.2023).
 7. Объявлены результаты выборов новых членов РАН. Академия должна немного помолодеть // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2022/06/02/obiavleny-rezultaty-vyborov-ran.html> (дата обращения: 02.07.2023).
 8. Ильинский И.М. Еще раз об истории разработки теоретических и правовых основ государственной молодежной политики в СССР, подготовке и принятии Закона о молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/esche-raz-ob-istorii-razrabotki-teoreticheskikh-i-pravovykh-osnov-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-v-sssr-podgotovke-i-prinyatii-zakona> (дата обращения: 12.07.2023).
 9. Заключительное слово на заседании Государственного совета о молодежной политике в Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/4833> (дата обращения: 13.07.2023).
 10. Закон о молодежи Республики Коми: принят ГС РК 27 февраля 1997 г. // Республика. 1997. № 66 (8 апреля).
 11. Закон о молодежи Рязанской области: принят Рязанской областной думой 27 мая 1998 г. // Рязанские ведомости. 1998. № 138 (2 июля).
 12. Закон о молодежи Челябинской области: принят Постановлением Законодательного собрания Челябинской области от 24 августа 2006 г. № 234 // Южноуральская панорама. 2006. № 185 (19 сентября).
 13. Закон о молодежи г. Москвы: принят 30 сентября 2009 г. № 39 // Ведомости Московской городской думы. 2009. № 11 (29 декабря);
 14. Егоров В.В. Эволюция отечественного законодательства о молодежи // Вестник РЮК (Российского университета кооперации). 2021. № 2 (44). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-otchestvennogo-zakonodatelstva-o-molodezhi> (дата обращения: 13.07.2023).
 15. Баранова М.В., Рельев А. Г., Рельева А.М. Правовой статус ученого в Российской Федерации: юридико-лингвистический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 4 (60). С. 22–27.
 16. Соболева Е.В. Организация науки в пореформенной России. Л.: Наука, ленинградское отделение, 1983.
 17. Зипунникова Н.Н. Правовой статус ученого в Российской империи (особенности формирования ключевых компонентов) // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского госуда. ун-та. 2010. № 2 (14). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-uchenogo-v-rossiyskoy-imperii-osobennosti-formirovaniya-klyuchevykh-komponentov> (дата обращения: 03.07.2023).
 18. Постановление СНК СССР от 31.12.1929 «О стипендиях при Комитете по химизации народного хозяйства Союза ССР для молодых ученых-химиков» // СПС «Консультант Плюс».
 19. Постановление СНК СССР от 23.11.1935 «Устав Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик», п. 7 // СПС «Консультант Плюс».
 20. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.05.1962 № 441 (ред. от 10.08.1990) «О мерах по дальнейшему улучшению подбора и подготовки научных кадров», п. 7 // СПС «Консультант Плюс».
 21. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 26.07.1963 № 840 «О мерах по улучшению деятельности Министерства сельского хозяйства СССР и Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина», п. 12 // СПС «Консультант Плюс».
 22. Постановление ГКНТ СССР, Минвуза СССР, ЦК ВЛКСМ от 16.04.1973 № 118-323а-66/2 «Об утверждении положений о советах молодых специалистов» // СПС «Консультант Плюс».
 23. Постановление Секретариата ЦК ВЛКСМ, ГКНТ СССР, Президиума АН СССР, Гособразования СССР от 21.06.1988 № 45/13а-195-114-158 «Об утверждении Положения о советах молодых ученых и специалистов».
 24. Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 26.01.2023) «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».
 25. Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1998.

26. Права человека: уч. / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 2009.
27. Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».
28. Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: НОРМА — ИНФРА-М, 1996.
29. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
30. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
31. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987.
32. Рельев А.Г., Рельева А.М. Правовые преимущества как элемент специального правового статуса женщины-осужденной // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4. С. 24–29.
33. Андрей Алексеевич Борисяк // Википедия. Свободная энциклопедия. — Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Борисяк,_Андрей_Алексеевич (дата обращения: 03.07.2023).
34. Марджори Райс // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Райс,_Марджори (дата обращения: 03.07.2023).
35. Леонид Леонидович Сикорук // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сикорук,_Леонид_Леонидович (дата обращения: 03.07.2023).
36. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам совместного заседания Госсовета и Совета по науке и образованию № Пр-290 от 10 февраля 2022 г. // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752> (дата обращения: 03.07.2023).
37. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 июля 2022 г. № 2036-р об утверждении Плана проведения в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий.
38. Васильев А.А., Печатнова Ю.В. Правовое положение ученого в России и за рубежом // Управление наукой и наукометрия. 2021. № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-uchenogo-v-rossii-i-za-rubezhom> (дата обращения: 25.07.2023).
39. Пучкова М.В. // Статус ученых как субъектов грантовых правоотношений в Российской Федерации. Понятие, структура, проблемы правового регулирования // Закон и право. 2019. № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-uchenyh-kak-subektov-grantovyh-pravoотношений-v-rossiyskoy-federatsii-ponyatie-struktura-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 25.07.2023).
40. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2014 г. № 409 «Об утверждении Правил предоставления отпуска лицам, допущенным к соисканию ученой степени кандидата наук или доктора наук».
41. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2017 № 1710.
42. Национальные проекты России. — URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/zanyatsya-issledovaniyami-v-molodezhnoy-laboratorii> (дата обращения: 25.07.2023).
43. Наука, инновации и технологии // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 25.07.2023).
44. Гутников О.В. // Правовой статус молодых ученых и научных работников, вышедших на пенсию // Журнал российского права. 2007. № 7 (127). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-molodyh-uchenyh-i-nauchnyh-rabotnikov-vyshedshih-na-pensiyu> (дата обращения: 06.07.2023).
45. Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» от 21 сентября 2022 г. № 647.
46. Указ Президента Российской Федерации «О предоставлении отсрочки от призыва на военную службу по мобилизации» от 24 сентября 2022 г. № 664.
47. Для обеспечения работы отдельных высокотехнологических отраслей, а также финансовой системы Российской Федерации принято решение о непривлечении на военную службу в рамках частичной мобилизации граждан с высшим образованием по соответствующим специальностям и направлениям подготовки // Официальный сайт Минобороны России. — URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12439143@egNews (дата обращения: 25.07.2023).
48. Приказ Минцифры России от 26 сентября 2022 г. «О рекомендованном перечне приоритетных специальностей и направлений подготовки высшего образования для обеспечения основных потребностей аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и операторов связи в квалифицированных кадрах».
49. Законопроект № 259823-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» в части освобождения граждан от призыва на военную службу по частичной мобилизации и предоставлении отсрочек от призыва на военную службу». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/259823-8> (дата обращения: 25.07.2023).

50. Законопроект № 220935-8 «О внесении изменения в статью 17 Федерального закона “О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации” (в части освобождения от мобилизации граждан, имеющих ученую степень доктора наук или кандидата наук)». — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/220935-8> (дата обращения: 25.07.2023).
51. Всероссийская перепись населения 2020 г. Т. 3 «Образование», табл. 2. Население, имеющее ученые степени, по возрастным группам и полу // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 25.07.2023).

REFERENCES

1. Vstrecha s Ministrom nauki i vysshego obrazovaniya Valeriem Fal'kovym // Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65110> (data obrashheniya: 25.07.2023).
2. Chuprov V.I. Molodyozh' // Sociologicheskij slovar' / Otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev, uch. sekr. Chernoshchek O.E. M.: Norma; Infra-M, 2010.
3. Filippov F.R. Molodezh' // Rossijskaya sociologicheskaya enciklopediya. M., 1998.
4. Gorshkov M.K., SHeregi F.E. Molodyozh' v Rossii v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij. M.: FNISC RAN, 2020.
5. Osipova N.G., Elishev S.O. Molodyozh' v sisteme social'no-gumanitarnyh nauk. M.: Perspektiva, 2022.
6. Plugar' O.A., Plugar' O.A., Kononova T.M., Goreva O.M. Molodezh' kak social'naya gruppа: opredelenie, social'no-demograficheskie harakteristiki i perspektivnye napravleniya issledovaniya // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2015. № 2-2. — URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22074> (data obrashheniya: 01.07.2023).
7. “Ob”yavleny rezul'taty vyborov novyh chlenov RAN. Akademiya dolzhna nemnogo pomolodet'” // Rossijskaya Gazeta. — URL: <https://rg.ru/2022/06/02/obiavleny-rezultaty-vyborov-ran.html> (data obrashheniya: 02.07.2023).
8. Il'inskij I.M. Eshche raz ob istorii razrabotki teoreticheskikh i pravovyh osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v SSSR, podgotovke i prinyatii Zakona o molodezhi // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2016. No 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eshe-raz-ob-istorii-razrabotki-teoreticheskikh-i-pravovyh-osnov-gosudarstvennoj-molodezhnoj-politiki-v-sssr-podgotovke-i-prinyatii-zakona> (data obrashheniya: 12.07.2023).
9. Zaklyuchitel'noe slovo na zasedanii Gosudarstvennogo soveta o molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii // Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/4833> (data obrashheniya: 13.07.2023).
10. Zakon o molodezhi Respubliki Komi: prinyat GS RK 27 fevralya 1997 g. // Respublika. 1997. № 66 (8 aprelya).
11. Zakon o molodezhi Ryazanskoj oblasti: prinyat Ryazanskoj oblastnoj dumoj 27 maya 1998 g. // Ryazanskije vedomosti. 1998. No 138 (2 iyulya).
12. Zakon o molodezhi CHelyabinskoy oblasti: prinyat Postanovleniem Zakonodatel'nogo sobraniya Chelyabinskoy oblasti ot 24 avgusta 2006 g. No 234 // Yuzhnoural'skaya panorama. 2006. No 185 (19 sentyabrya).
13. Zakon o molodezhi g. Moskvy: prinyat 30 sentyabrya 2009 g. No 39 // Vedomosti Moskovskoj gorodskoj dumy. 2009. No 11 (29 dekabrya).
14. Egorov V.V. Evolyuciya otechestvennogo zakonodatel'stva o molodezhi // Vestnik RUK. 2021. No 2 (44). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-otechestvennogo-zakonodatelstva-o-molodezhi> (data obrashheniya: 13.07.2023).
15. Baranova M.V., Rep'ev A.G., Rep'eva A.M. Pravovoj status uchenogo v Rossijskoj Federacii: yuridiko-lingvisticheskij aspekt // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. No 4 (60). S. 22–27.
16. Soboleva E.V. Organizaciya nauki v poreformennoj Rossii. M., 1983.
17. Zipunnikova N.N. Pravovoj status uchenogo v Rossijskoj imperii (osobennosti formirovaniya klyuchevyh komponentov) // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. No 2 (14). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-uchenogo-v-rossijskoj-imperii-osobennosti-formirovaniya-klyuchevyh-komponentov> (data obrashheniya: 03.07.2023).
18. Postanovlenie SNK SSSR ot 31.12.1929 “O stipendiyah pri Komitete po himizacii narodnogo hozyajstva Soyuzа SSR dlya molodyh uchenyh-himikov” // SPS “Konsul'tant Plyus”.
19. Postanovlenie SNK SSSR ot 23.11.1935 “Ustav Akademii Nauk Soyuzа Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik”, p. 7 // SPS “Konsul'tant Plyus”.
20. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 12.05.1962 No 441 (red. ot 10.08.1990) “O merah po dal'nejsheму uluchsheniyu podbora i podgotovki nauchnyh kadrov”, p. 7 // SPS “Konsul'tant Plyus”.
21. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 26.07.1963 No 840 “O merah po uluchsheniyu deyatel'nosti Ministerstva sel'skogo hozyajstva SSSR i Vsesoyuznoj akademii sel'skohozyajstvennyh nauk imeni V.I. Lenina”, p. 12 // SPS “Konsul'tant Plyus”.

22. Postanovlenie GKNT SSSR, Minvuz SSSR, CK VLKSM ot 16.04.1973 No 118-323a-66/2 "Ob utverzhdenii polozhenij o sovetah molodyh specialistov" // SPS "Konsul'tant Plyus".
23. Postanovleniem Sekretariata CK VLKSM, GKNT SSSR, Prezidiuma AN SSSR, Gosobrazovaniya SSSR ot 21.06.1988 No 45/13a-195-114-158 "Ob utverzhdenii Polozheniya o sovetah molodyh uchenykh i specialistov".
24. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.06.2018 No 682 (red. ot 26.01.2023) "Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii".
25. Alekseev S.S. Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1998.
26. Prava cheloveka: Uch. / otv. red. E.A. Lukasheva. M.: Norma, 2009.
27. Federal'nyj zakon ot 23 avgusta 1996 g. No 127-FZ "O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike".
28. Obshchaya teoriya prav cheloveka / otv. red. E.A. Lukasheva. M.: Norma, 1996.
29. Federal'nyj zakon "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii" ot 29 dekabrya 2012 g. No 273-FZ.
30. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. M.: Norma, 2008.
31. Matuzov N.I. Pravovaya sistema i lichnost'. Saratov, 1987.
32. Rep'ev A.G., Rep'eva A.M. Pravovye preimushchestva kak element special'nogo pravovogo statusa zhenschiny-osuzhdennoj // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. No 4. S. 24–29.
33. Andrej Alekseevich Borisjak // Vikipediya. Svobodnaya enciklopediya. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Борисьяк,_Андрей_Алексеевич (data obrashheniya: 03.07.2023).
34. Mardzhori Rajs // Vikipediya. Svobodnaya enciklopediya. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Райс,_Марджори (data obrashheniya: 03.07.2023).
35. Leonid Leonidovich Sikoruk // Vikipediya. Svobodnaya enciklopediya. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сикорук,_Леонид_Леонидович (data obrashheniya: 03.07.2023).
36. Perechen' poruchenij Prezidenta Rossijskoj Federacii po itogam sovmestnogo zasedaniya Gossoвета i Soveta po nauke i obrazovaniyu No Pr-290 ot 10 fevralya 2022 g. // Oficial'nyj sajт Prezidenta Rossii. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/67752> (data obrashheniya: 03.07.2023).
37. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 25 iyulya 2022 g. No 2036-r ob utverzhdenii Plana provedeniya v Rossijskoj Federacii Desyatiletiya nauki i tekhnologii.
38. Vasil'ev A.A., Pechatnova Yu.V. Pravovoe polozhenie uchenogo v Rossii i za rubezhom // Upravlenie naukoj i naukometriya. 2021. No 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-polozhenie-uchenogo-v-rossii-i-za-rubezhom> (data obrashheniya: 25.07.2023).
39. Puchkova M.V. Status uchenykh kak sub'ektov grantovykh pravootnoshenij v Rossijskoj Federacii. Ponyatie, struktura, problemy pravovogo regulirovaniya // Zakon i pravo. 2019. No 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/status-uchenykh-kak-subektov-grantovykh-pravootnosheniy-v-rossijskoj-federatsii-ponyatie-struktura-problemy-pravovogo-regulirovaniya> (data obrashheniya: 25.07.2023).
40. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 5 maya 2014 g. No 409 "Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya otpuska licam, dopushchennym k soiskaniyu uchenoj stepeni kandidata nauk ili doktora nauk".
41. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii "Obespechenie dostupnym i komfortnym zhil'em i kommunal'nymi uslugami grazhdan Rossijskoj Federacii", utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30.12.2017 No 1710.
42. Nacional'nye proekty Rossii. — URL: <https://национальныепроекты.рф/opportunities/zanyatsya-issledovaniyami-v-molodezhnoy-laboratorii> (data obrashheniya: 25.07.2023).
43. Nauka, innovacii i tekhnologii Oficial'nyj sajт Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (data obrashheniya: 25.07.2023).
44. Gutnikov O.V. Pravovoj status molodyh uchenykh i nauchnykh rabotnikov, vyshedshih na pensiyu // Zhurnal rossijskogo prava. 2007. No 7 (127). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-molodyh-uchenykh-i-nauchnykh-rabotnikov-vyshedshih-na-pensiyu> (data obrashheniya: 06.07.2023).
45. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "Ob ob'yavlenii chastichnoj mobilizacii v Rossijskoj Federacii" ot 21 sentyabrya 2022 g. No 647.
46. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "O predostavlenii otsrochki ot prizyva na voennuyu sluzhbu po mobilizacii" ot 24 sentyabrya 2022 g. No 664.
47. Dlya obespecheniya raboty otdel'nykh vysokotekhnologicheskikh otraslej, a takzhe finansovoj sistemy Rossijskoj Federacii prinyato reshenie o neprivlechenii na voennuyu sluzhbu v ramkah chastichnoj mobilizacii grazhdan s vysshim obrazovaniem po sootvetstvuyushchim special'nostyam i napravleniyam podgotovki // Oficial'nyj sajт Minoborony Rossii/. — URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12439143@egNews (data obrashheniya: 25.07.2023).

48. Prikaz Mincifry Rossii ot 26 sentyabrya 2022 g.
 "O rekomendovannom perechne prioritetnyh
 special'nostej i napravlenij podgotovki vysshego
 obrazovaniya dlya obespecheniya osnovnyh
 potrebnostej akkreditovannyh organizacij,
 osushchestvlyayushchih deyatel'nost' v oblasti
 informacionnyh tekhnologij, i operatorov svyazi v
 kvalifitsirovannyh kadrah".
49. Zakonoproekt No 259823-8 "O vnesenii izmenenij
 v Federal'nyj zakon "O mobilizacionnoj podgotovke
 i mobilizacii v Rossijskoj Federacii" v chasti
 osvobozhdeniya grazhdan ot prizyva na voennuyu
 sluzhbu po chastichnoj mobilizacii i predostavlenii
 otsrochek ot prizyva na voennuyu sluzhbu". — URL:
<https://sozd.duma.gov.ru/bill/259823-8> (data
 obrashheniya: 25.07.2023).
50. Zakonoproekt No 220935-8 "O vnesenii izmeneniya
 v stat'yu 17 Federal'nogo zakona "O mobilizacionnoj
 podgotovke i mobilizacii v Rossijskoj Federacii" (v chasti
 osvobozhdeniya ot mobilizacii grazhdan, imeyushchih
 uchenuyu stepen' doktora nauk ili kandidata nauk)". —
 URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/220935-8> (data
 obrashheniya: 25.07.2023).
51. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2020 g. T. 3
 "Obrazovanie", Tabl. 2. Naselenie, imeyushchee
 uchenye stepeni, po vozrastnym gruppam i polu //
 Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj
 statistiki. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (data
 obrashheniya: 25.07.2023).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: УКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

LEGAL REGULATION OF INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS: STRENGTHENING TRADITIONAL VALUES

Наталья Борисовна ЦВЕТКОВА

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия,
tsvetoknb@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-6584-2397

Информация об авторе

Н.Б. Цветкова — магистр политологии, соискатель Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Аннотация. В статье проанализированы новые для теории и практики изменения в области правового регулирования взаимодействия государства и институтов гражданского общества, которые связаны с развитием цифровых технологий и применением искусственного интеллекта в области государственного управления. Исследуется феномен цифровизации в контексте развития правового регулирования. Описаны основные аспекты правового регулирования сферы цифровых технологий и применения искусственного интеллекта (ИИ) в сфере государственного управления и сфере развития гражданского общества в России и других странах. Рассмотрены существующие вызовы и риски применения цифровых технологий в сфере государственного управления.

Ключевые слова: правовое регулирование, социальная консолидация, национальные интересы, цифровые платформы, социальная сфера, гражданское общество, искусственный интеллект, традиционные ценности

Для цитирования: Цветкова Н.Б. Правовое регулирование взаимодействия государства и институтов

- гражданского общества: Укрепление традиционных ценностей. // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024 Т. 49, № 2. С. 62–68; DOI: 10.17323/tis.2024.21713

Natalia B. TSVETKOVA

- Russian Academy of Sciences, Institute of Social and Political Research of the Federal Research Sociological Center, Moscow, Russian Federation,
tsvetoknb@gmail.com,
ORCID: 0000-0001-6584-2397

Information about the author

- N.B. Tsvetkova — postgraduate student at the Institute of Social and Political Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- Abstract.** The article analyzes changes new to theory and practice in the field of legal regulation of interaction between the state and civil society institutions, which are associated with the development of digital technologies and the use of artificial intelligence in the field of public administration. The phenomenon of digitalization is investigated in the context of the development of legal regulation. The main aspects of the digital technologies legal regulation and the using of artificial intelligence (AI) in the field of public administration and the development of civil society in Russia and other countries are described. The existing challenges and risks of using digital technologies in the field of public administration are considered.

- Keywords:** Legal regulation, social consolidation, national interests, digital platform, social sphere, civil society, artificial intelligence, traditional values

For citation: Tsvetkova N.B. Legal Regulation of Interaction between the State and Civil Society Institutions: Strengthening Traditional Values // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 62–68; DOI: 10.17323/tis.2024.21713

ВВЕДЕНИЕ

Россия последовательно входит в новый цивилизационный уклад. Сегодня информационные технологии и научные разработки, созданные научным сообществом страны, могут способствовать консолидации российского общества.

Одна из основных задач государства — это укрепление общественного суверенитета, обеспечение прав и свобод граждан страны [1]. Консолидация российского общества — одна из важнейших стратегических задач в новых геополитических условиях. Современные эволюционные процессы накладывают отпечаток на изменение курса внешне- и внутриполитической деятельности России в условиях санкций со стороны западных стран. Актуальной проблемой сегодня является достижение технологического суверенитета России.

В результате процессов глобальной турбулентности, выраженных в радикальных конфликтных событиях политического, экономического и культурного плана, возникла необходимость в усилении роли правовых институтов при формировании новых механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.

Цифровая трансформация — это процесс, требующий разностороннего изучения, включая изучение законодательной и нормативно-правовой базы. К числу новых исследовательских проблем можно отнести формирование новой отрасли права — цифрового права. Формируются исследовательские подходы, основанные на правовых отношениях, которые возникают в процессе использования цифровой виртуальной коммуникации субъектов права.

Гражданское общество — это сложная система взаимоотношений, исследованием которой в современной науке занимаются представители различных областей общественнознания: права, социологии, политологии и др.

Осмысление структурных изменений в обществе стало одним из главных предметов философии права. В этом процессе особое место занимает философское учение Гегеля, в котором право выступает как закон и находит свое применение в системе отношений гражданского общества, при этом гражданское обще-

ство «встроено» в органический процесс общественной жизни. Гегель рассматривал общество как «связующее звено между семьей и государством» [2].

Изменение правового регулирования необходимо для организации эффективного государственного управления в условиях развития глобальных производственных и финансовых рынков. В современных условиях общественный контроль становится действенным элементом функционирования гражданского общества. Как показывают результаты последних исследований, существует необходимость в дальнейшем совершенствовании нормативно-правовой базы, которая еще в полной мере не освоена субъектами общественного контроля. Обязательным условием эффективного функционирования общественного контроля является согласование интересов (приоритетов) государства и гражданского общества.

В процессе цифровой трансформации важно сохранить традиционные ценности, так как они являются основой общества. Данным вопросам правового регулирования было уделено особое внимание на XXXII Международной научно-практической конференции «Медиаправо — 2023», которая состоялась в НИУ «Высшая школа экономики» 7 декабря 2023 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

К национальным интересам России относятся разностороннее укрепление российской государственности и повышение благосостояния граждан. В процессе консолидации общества интересы различных социальных слоев, групп могут расходиться с общенациональными интересами государства, может наблюдаться их несбалансированность между собой. В связи с этим в новую редакцию Конституции РФ были внесены необходимые изменения [3]. Так, в п. «е.1», «е.2» ст. 114 говорится, что Правительство Российской Федерации осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций (НКО), обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики, взаимодействует с общественными объединениями и религиозными организациями, осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности [4].

В соответствии со ст. 15 Федерального закона № 394-ФЗ от 8 декабря 2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации» для выполнения своих задач Государственный Совет РФ взаимодействует с Правительством РФ, с федеральными органами

государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, иными государственными органами, органами местного самоуправления, консультативными и совещательными органами при Президенте Российской Федерации, организациями и институтами гражданского общества [5].

9 ноября 2022 г. был подписан Указ Президента РФ № 809 «О сохранении и укреплении традиционных духовно-нравственных ценностей» [6], где дано точное определение этого понятия. Данный Указ является документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности РФ, закрепляет основы, систему целей, задач и инструментов реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти». Нормативно-правовую базу настоящих Основ составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Настоящие Основы конкретизируют отдельные положения следующих документов:

- 1) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации;
- 2) Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [7];
- 3) Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.;
- 4) Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.;
- 5) Основы государственной культурной политики;
- 6) Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. [8];
- 7) Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.» [9].

При внедрении современных технологий особое место занимает проблема обеспечения безопасности граждан РФ и институтов гражданского общества. К вызовам и угрозам, существующим в цифровой среде на данном этапе, относятся: посягательства на кибербезопасность, нарушение защиты персональных данных, кибератаки на промышленные объекты, киберпреступность, кибернасилие, создание дипфейк-видео в интернете и социальных сетях, подмена ТВ- и радиоконтента, размещение дезинформации в социальных сетях, на цифровых платформах, взлом информационных баз данных граждан РФ и промышленных объектов. Кроме того, необходимо контроли-

ровать соблюдение этических принципов применения искусственного интеллекта (ИИ) [10].

При изучении основных изменений в области государственного регулирования институтов гражданского общества в цифровой среде стоит обратить внимание на следующие направления: 1) правовое регулирование деятельности цифровых платформ; 2) цифровые платформы как работодатели, соблюдение трудового законодательства цифровыми платформами и их сотрудниками; 3) правовое регулирование социальных сетей и мобильных приложений; 4) правовой статус государственных медиа и частных СМИ; 5) регулирование рекламного рынка и интернет-контента; 6) место и роль медиа в избирательной системе; 7) регулирование цифровых платформ как инструмента для онлайн-голосования; 8) правовое регулирование использования акустической (речевой) информации; 9) регулирование авторизации и аутентификации цифровых устройств на информационных ресурсах; 10) правовое регулирование использования персональных данных; 11) искусственный интеллект и авторское право; 12) права на аккаунт (учетную запись) на цифровых платформах и др.

Таким образом, современное российское общество способно участвовать в управлении делами государства, формируя государственные органы, выступая с инициативами и изложением общественного мнения, участвуя в голосованиях, проведении общественной экспертизы законов и т.д.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК МИРОВОЙ ТРЕНД

Новая реальность в условиях экономических санкций диктует новые условия. Стали более востребованы удаленные сервисы, в повседневную жизнь внедряются технологии искусственного интеллекта, которые ускоряют процесс получения обратной связи при решении актуальных социальных проблем. В России в настоящее время ведется обсуждение проекта Информационного, или Цифрового, кодекса для регулирования ИТ-сферы, облачных сервисов, технологий ИИ, в том числе синтетического контента, создаваемого при помощи ИИ.

Наметились следующие основные тренды в сфере государственного регулирования ИИ и цифровых технологий в России и мире: 1) аутентификация контента и отслеживание его происхождения; 2) маркировка синтетического контента, созданного искусственным интеллектом; 3) обнаружение синтетического контента; 4) предотвращение создания генеративным ИИ материалов с пропагандой наси-

лия или создания интимных изображений реальных людей без их согласия; 5) применение программного обеспечения для тестирования, используемого для указанных выше целей; 6) аудит и поддержание синтетического контента; 7) аудит цифровых платформ; 8) аудит баз персональных данных и предоставление результатов проверки в государственные органы; 9) борьба с дезинформацией на цифровых платформах и в социальных сетях.

В России в области права активно обсуждаются следующие проблемы, связанные с применением цифровых технологий [11]:

- 1) авторские права на творческие продукты, созданные с применением генеративных нейросетей и иных технологий ИИ;
- 2) защита человека от опасностей роботизации;
- 3) право на использование информационных технологий и отказ от них;
- 4) право на коммуникацию человека с человеком без использования ИИ;
- 5) нравственные и правовые принципы создания программного кода для управления социальными сетями и другими информационными ресурсами;
- 6) ИИ как исполнитель функций надзора, контроля, «правосудия»;
- 7) право человека не подвергаться суду или принуждению со стороны ИИ.

Рассматривая основные изменения государственного регулирования институтов гражданского общества на Евразийском континенте, стоит отметить, что азиатские страны, демонстрируя впечатляющие примеры прогресса, сохраняют свою самобытность, берегут традиции. В докладе Всемирной ассоциации журналистов за 2022 г. «Развитие средств массовой информации Китая» отмечено, что новые технологии способствовали преобразованию и инновационному развитию страны. Намечались следующие тенденции: развитие новых инновационных технологий, использование медиаплатформ, цифровая передача данных, видеотехнологии высокой четкости, 5G и ИИ. Главные тенденции в индустрии новостных СМИ Китая — омнимедиа и коммуникация на основе платформ [12].

Стоит упомянуть важную правовую норму, принятую в Китае в 2017 г., — первый общегосударственный закон о кибербезопасности, регулирующий отношения, связанные с персональными данными. Согласно этому закону, для информационных систем вводится пятиуровневая градация по степени влияния на безопасность государства. Такая градация позволяет более полно контролировать функционирование информационного пространства. Подобный подход дает возможность регулировать информационные си-

стемы, проводить аудит цифровых ресурсов, которые хранят и обрабатывают важную для государства информацию. Другой важной нормой является регулирование трансграничной передачи информации. По этой причине многие транснациональные компании были вынуждены перенести хранение информации о китайских пользователях своих услуг в дата-центры, расположенные на территории Китая. Правительство Китая пошло по пути централизации регулирования отношений, связанных со сбором и обработкой персональных данных своих граждан.

В 2021 г. Ассоциация служб сетевого вещания Китая опубликовала список тем, по которым пользователям нельзя публиковать материалы в интернете, что является изменениями государственного регулирования в цифровой среде. Под запретом оказались информационные материалы, наносящие ущерб имиджу страны: оскорбление флага, герба и гимна. В социальных сетях нельзя публиковать видеоролики и материалы, высмеивающие правительство страны и оскорбляющие национальную культуру, язык и религию.

Если говорить о мировой практике, то стоит упомянуть, что 25 августа 2023 г. официально вступил в силу европейский Закон о цифровых услугах (Digital Services Act — DSA) [13]. Он обязывает технологических гигантов Google, Facebook, Amazon и другие компании соблюдать строгие нормы, налагая на них ответственность за размещаемый пользователями контент. Данный закон преследует три конкретные цели: 1) более эффективно защищать потребителей и их основные права в интернете; 2) создать мощную систему прозрачности и подотчетности для онлайн-платформ; 3) способствовать инновациям, росту и конкурентоспособности на мировом рынке. Кроме того, в ЕС действует Кодекс практики в отношении дезинформации [14]. Он содержит 44 обязательства и 128 конкретных мер в следующих областях: 1) расширение прав и возможностей пользователей; 2) расширение прав сообщества, проверяющего факты в цифровой среде; 3) сокращение манипулятивного контента и маркировка рекламы; 4) проверка информации о месте размещения рекламы; 5) создание цифрового центра прозрачности, доступного для всех граждан.

ВЫВОД

Цифровые технологии способны влиять на процесс социальной консолидации общества, позволяют создавать новые способы взаимодействия государства и институтов гражданского общества, стимулировать участие институтов гражданского общества в общественных процессах, создавать новые формы общественного контроля.

В связи с нарастающими процессами интеграции целесообразно способствовать созданию новых механизмов правового регулирования взаимодействия властных структур и институтов гражданского общества, которые позволят координировать действия различных органов. Необходимо развивать и трансформировать цифровые платформы в целях поиска и предоставления необходимых возможностей для повышения качества жизни граждан. С помощью цифровых технологий государство может создать систему защиты граждан от опасных товаров и незаконного интернет-контента, обеспечив возможность сообщать о незаконном контенте, собирать информацию о некачественных товарах, контрафактной продукции, путем введения обязательных, удобных для пользователя систем маркировки. Цифровые технологии предоставляют возможность отслеживать и блокировать экстремистские высказывания, разжигающие межнациональную ненависть, создавать новые формы общественного контроля, привлекая для этого некоммерческие и неправительственные организации, религиозные объединения и необходимых экспертов.

Система права как эффективный общественный регулятор, способна выделить новую категорию правоотношений, которые имеют цифровую природу, что свидетельствует о высоком уровне прогресса цивилизации. Существует необходимость модернизации правовых подходов к регулированию общественных отношений, которые составляют фундамент для дальнейшего общественного развития.

В цифровой среде граждане могут выбирать разные способы получения информации. Различные источники цифровой информации можно увязывать по времени, территории и способу передачи данных, соотносить с существующими социальными потребностями.

Традиционные способы взаимодействия институтов гражданского общества и государства можно модернизировать при помощи цифровых технологий. Стратегия омниканальности предполагает постоянное отслеживание предпочтений и потребностей граждан. Особую важность приобретают систематизация информации и защита персональных данных, например информация о IP-адресах, стране, регионе, городе проживания. Для этого государству необходимо разрабатывать специальные средства защиты данных, технические средства и алгоритмы распознавания опасного манипулятивного контента, политической рекламы и дезинформации [15]. Стоит уделить внимание регулированию деятельности в цифровой среде с использованием механизмов рыночного регулирования, функционированию конкурентных рынков. Важно устранить разрыв между принятыми

правовыми нормами и сложившейся социальной практикой. Необходимо выработать единые правовые подходы для использования различных интернет-ресурсов и цифровых платформ в условиях цифрового и технологического суверенитета России [16].

На основе изучения и обобщения общемировой практики модернизации и функционирования системы государственного регулирования институтов гражданского общества можно сделать вывод, что система государственного управления усложняется, повышается роль общественного контроля, к которому предъявляются новые требования.

Общество призвано взаимодействовать с государством через общественные институты, а разработанный конституционно-правовой и организационный механизм такого взаимодействия должен обеспечивать стабильность политического режима [17]. Целесообразно способствовать совершенствованию российского законодательства для создания и использования цифровых технологий, позволяющих эффективно осуществлять общественный контроль и участие институтов гражданского общества в общественных процессах. Это позволит эффективно применять социальные инновации, поддерживать гражданские инициативы и развитие гражданского общества в РФ. Государственными и общественными институтами должны быть совместно предприняты усилия для поиска конструктивных путей разрешения конфликтов, неизбежно возникающих в обществе, где люди имеют разнонаправленные интересы [18].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выступление Президента России В.В. Путина на большой пресс-конференции 14.12.2023 // Официальный интернет-портал Президента России — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 02.02.2024).
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 02.02.2024).
4. О Правительстве Российской Федерации: ФКЗ № 4-ФКЗ от 06.11.2020 // Российская газета, федеральный выпуск № 251 (8305) от 09.11.2020.
5. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон № 394-ФЗ от 8 декабря 2020 г // Российская газета, федеральный выпуск № 280 (8334) от 11.12.2020.
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 02.02.2024).
7. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 02.02.2024).
8. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 -2030» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (дата обращения: 02.02.2024).
9. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. // Официальный интернет-портал Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 02.02.2024).
10. Кодекс этики в сфере ИИ от 26. 10. 2021 // Российская газета, федеральный выпуск, 26.10.2021. — URL: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 02.02.2024).
11. Федотов М.А. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: социально-правовые проблемы творчества // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 47, № 4. С. 68–83.
12. Батулин Ю.М. Феномен омнимедиа (на примере китайской газеты People's Daily) // Труды по интеллектуальной собственности. 2022. Т. 43, № 4. С. 8–14.
13. Закон о цифровых услугах: ЕС запускает базу данных прозрачности. — URL: <https://eureporter.co/politics/european-commission/2023/09/28/digital-services-act-commission-launches-transparency-database/> (дата обращения: 02.02.2024).
14. Кодекс по дезинформации ЕС. — URL: <https://disinfocode.eu/introduction-to-the-code/> (дата обращения: 16.01.2024).
15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал Президента России. Электронный ресурс: <http://kremlin.ru/acts/bank/24157> (дата обращения: 16.01.2024).
16. Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет» на тер-

ритории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал Президента России. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/46991> (дата обращения: 16.01.2024).

17. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество (теоретико-правовое исследование). М.: Проф-Пресс, 2022.

18. Авакьян С.А. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. М.: Юстицинформ, 2015.

REFERENCES

1. Vystuplenie Prezidenta Rossii V.V. Putina na bolshoy press-konferentsii, 14.12.2023 // Ofitsalnyi internet-portal Prezidenta Rossii. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72994> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
2. Gegel G.F. *Filosofiya prava*. M., 1990.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyta vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obscherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) // Ofitsalnyi internet-portal pravovoy informatsii. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
4. O Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: FKZ No 4-FKZ ot 06.11.2020 // Rossiyskaya Gazeta, federalny vypusk, № 251(8305) ot 09.11.2020.
5. O Gosudarstvennom Sovete Rossiyskoy Federatsii: Federl'nyi zakon No 394-FZ ot 8.12.2020 // Rossiyskaya Gazeta, federalny vypusk, No 280 (8334) ot 11.12.2020.
6. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 No 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh duhovno-nravstvennykh tsennostey" // Ofitsalnyi internet-portal Prezidenta Rossii. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (data obrashcheniya: 02.02.2024).
7. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 No 646 "Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoi Federatsii" // Ofitsalnyi internet-portal Prezidenta Rossii, 05.12.2023. — URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41460> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
8. Ukaz Prezidenta RF ot 09.05.2017 No 203 "O Strategii razvitiya informatsionnogo obschestva v Rossiyskoi Federatsii na 2017–2030" // Ofitsalnyi internet-portal pravovoy informatsii. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
9. Ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 No 474 "O natsionalnykh tselyakh razvitiya Rossiyskoi Federatsii na period do 2030 goda" // Ofitsalnyi internet-portal Prezidenta Rossii. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
10. Kodeks etiki v sfere II ot 26.10.2021 // Rossiyskaya gazeta, federalny vypusk, 26.10.2021. — URL: <https://rg.ru/2021/10/26/v-rossii-podpisan-kodeks-etiki-iskusstvennogo-intellekta.html> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
11. Fedotov M.A. Rol' iskusstvennogo intellekta v sfere intellektual'noy sobstvennosti: sotsial'no-pravovye problem tvorchestva // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti. 2023. T. 47, No 4. S. 68–83.
12. Baturin Y.M. Fenomen omnimedia (na primere kitayskoy gazety People's Daily) // Trudy po intellektual'noy sobstvennosti. 2022. T. 43, No 4. S. 8–14.
13. Zakon o tsifrovyykh uslugah: EC zapuskayet bazy dannykh prozrachnosti. — URL: <https://www.eureporter.co/politics/european-commission/2023/09/28/digital-services-act-commission-launches-transparency-database/> (data obrashcheniya: 02.02.2024).
14. Kodex po dezinformatsii EC. — URL: <https://disinfocode.eu/introduction-to-the-code/> (data obrashcheniya: 16.01.2024).
15. Federl'nyi zakon ot 27.07.2006 No 149-FZ "Ob informatsii, informatsionnykh tsehnologiyah i o zashchite informatsii" // Ofitsalnyi internet-portal Prezidenta Rossii. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157> (data obrashcheniya: 16.01.2024).
16. Federl'nyi zakon ot 01.07.2021 No 236- FZ "O deyatel'nosti inostrannykh lits v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti Internet na territorii Rossiyskoi Federatsii" // Ofitsalnyi internet-portal Prezidenta Rossii. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46991> (data obrashcheniya: 16.01.2024).
17. Marchenko M.N. *Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obschestvo*. M., 2022.
18. Avak'yan S.A. *Grazhdanskoe obschestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeystviya ekstremizmu: kluchevye konstitutsionno-pravovye problemy*. M.: Ustitsinform, 2015.

Научная статья

УДК 347.77

DOI: 10.17323/tis.2024.21714

Original article

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА АВТОРСТВА В ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF AUTHORSHIP IN INDUSTRIAL PROPERTY

Григорий Петрович ИВЛИЕВ

Евразийская патентная организация, Москва, Россия,
ivliev@eapo.org,
AuthorID: 330238

Информация об авторе

Г.П. Ивлиев — президент Евразийского патентного ведомства, научный руководитель Федерального института промышленной собственности, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье проанализированы исторически сложившиеся и теоретически обусловленные подходы к институту авторства в праве промышленной собственности; проведен сравнительно-правовой анализ правового статуса автора изобретений и промышленных образцов в отдельных государствах — членах Евразийской патентной организации (в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Российской Федерации). Особое внимание уделено анализу соответствующих норм евразийского патентного права.

В результате проведенного исследования автор статьи сформулировал предложения по совершенствованию отдельных аспектов института авторства.

Ключевые слова: автор, авторство, изобретение, патентное право, промышленный образец, промышленная собственность

- **Для цитирования:** Ивлиев Г.П. Развитие института авторства в промышленной собственности // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 69–73; DOI: 10.17323/tis.2024.21714

Grigory P. IVLIEV

- Eurasian Patent Organization, Moscow, Russia,
ivliev@eapo.org,
• AuthorID: 330238

Information about the author

- G.P. Ivliev — President of the Eurasian Patent Office,
• Scientific Secretary of the Federal Institute of Industrial Property, Candidate of the Legal Sciences

- **Abstract.** The author analyzes historical and theoretically determined approaches to authorship in industrial property law. The article provides a comparative legal analysis of the legal status of the author of inventions and industrial designs in certain member states of the Eurasian Patent Organization (the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, and the Russian Federation). Special attention is given to the analysis of the relevant provisions of the Eurasian patent law. As a result of the research, the author of the article proposes to improve specific aspects of authorship in the field of industrial property.

Keywords: author, authorship, invention, patent law, industrial design, industrial property

For citation: Ivliev G.P. Development of the Institute of Authorship in Industrial Property // Trudi po Intellektual'noy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 69–73; DOI: 10.17323/tis.2024.21714

.....

- The author is the one who determines the development of mankind. Intellectual property guarantees the protection of rights and the ability to create new ideas and their embodiments necessary for society. That is why the opinion that the basic principles underlying the protection
- of the rights of authors and other right holders must be abandoned proves to be untenable despite its popularity in recent decades.

- But the scientists' and legislators' task is not only to protect the rights of authors. It is much more comprehensive. It is necessary to ensure the author's status in all aspects, from the legislative enshrinement of his rights, including the right to decent remuneration for the use of the results of his creative activity, and ensuring their implementation, to the acknowledgment of the author's merits by society and the individual, in particular from the perspective of authorship.

The institute of authorship is traditionally the primary focus when studying the challenges of copyright. Industrial property law in general and patent law in particular are neglected.

In addition, the necessity to protect the results of creative activity, for which authorship is decisive, led to the development of patent and copyright law as legal mechanisms for the protection of intangible objects.

It seems interesting that the first laws, which replaced the privilege with the obligatory principle of obtaining a patent, did not provide the inventor with personal non-property rights and, above all, the right of authorship, despite acknowledging the role of the inventor in the development of a new technical solution.

Patent law developed gradually throughout the nineteenth century. The role of the author in initiating patent procedures diminished. The Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1883 [1] reflected the applicant's increasing significance.

However, the legislative acts stipulated not only the patent owner's exclusive right to use the invention but also the personal non-property rights of the author of the invention. The importance of authorship in inventorship and patent law was a subject of discussion.

The London Act of 1934 introduced Article 4ter [Patents: Mention of the Inventor in the Patent] to the Paris Convention for the Protection of Industrial Prop-

erty of 1883, stipulating the right of the inventor to be mentioned as such in the patent [1, Article 4ter].

The theoretical prerequisites that caused the renewed interest in authorship issues and prompted legislators to reflect it in the patent laws can be found in the doctrine of patent law, in the theories developed by scholars in the XVIII century and comprehended by their followers in the XIX century [2, p. 80–186].

It should be noted that even the proprietary theory, which was later recognized as untenable by the developers of the concept of intellectual rights, emphasizes the importance of authorship through the following thesis: *“the idea is the property of the author, although it is property sui generis”* [2, p. 101].

According to the theory of personal law (personal theory), which is often attributed to Immanuel Kant and developed by an outstanding Russian legal scholar of the late XIX century Alexander Pilenko, the law (patent or copyright law) is based on the invention (work), which *“becomes a part of the author’s personality by virtue of the efforts expended on it”* [2, p. 110–111]. This conditions the author’s ownership of both original property rights and non-property rights, including the right of authorship.

In the Soviet period of Russian state development, the approach to legal protection of inventions and other objects of patent law was significantly transformed to meet the needs of the state-controlled economy and the prevailing regime. Despite the fact that the state typically owned the property rights to the results of creative activity, the authors still retained personal non-property rights.

Currently, nobody doubts the necessity of authorship protection with respect to patent law objects and its importance for the creation of new protectable products.

Creativity and, accordingly, authorship cannot be associated or equated with entrepreneurship, despite the expansion of creative activity, the emergence of industries focused exclusively on intellectual (creative) work, and the qualitative transformation of intellectual activity into paid professional activity.

Engaging in creativity on a regular basis, the author does not become less vulnerable or economically more protected compared to the customers of his work results. There is always a risk of creative failure. This is acknowledged by the legislator, who generally limits the author’s liability in such cases and sometimes provides for more favorable consequences, such as remuneration of the cost of work performed by the author prior to the impossibility of obtaining the results provided for in the contract. For example, according to paragraph 3 of Article 769 of the Civil Code of the Russian Federation [3], the customer bears the risk of accidental failure to fulfill the contract and perform research and scientific work.

This is a crucial rule that protects the author and confirms the legal opinion that society has towards him today.

The products of the author’s creative activity, even if produced regularly, cannot be equated with goods manufactured by entrepreneurs. We should not forget about their significance for the development of science, technology and culture, i.e., their general value (these are goods for the whole society and not for an individual consumer).

Intellectual law, aimed at stimulating creative activity and, consequently, authorship by establishing a system of not only property rights but also personal non-property rights, exists precisely owing to this value.

Authorship and the rights associated with it regarding the results of creative activity, including patent rights, are currently recognized worldwide. In particular, as mentioned earlier, they are provided for in international treaties establishing fundamental standards for the protection of certain results of intellectual activity.

The significance of the author is also provided for in the international treaties establishing regional systems for the legal protection of industrial property.

The Protocol to the Eurasian Patent Convention on the Protection of Industrial Designs (hereinafter referred to as Protocol) was adopted on September 9, 2019 [4]. Article 4 (1) of this Protocol defines the author of an industrial design and also grants him the right to obtain a Eurasian patent for the said object of patent law.

In addition, Article 6 (1) of the Protocol summarizes that a Eurasian patent certifies, inter alia, authorship in respect of an industrial design, while Article 9 (1) of that international treaty establishes that the author of an industrial design has the right of authorship, i.e. the right to be recognized as its author.

The classical understanding of the author and his or her rights is also embedded nowadays in the legislative acts of the States party to the Eurasian Patent Convention, including the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation.

According to Article 18 (1) of the Law of the Republic of Armenia “On Patents” of March 30, 2021 [5], and Article 18 (2) of the Law of the Republic of Armenia “On Industrial Design” of March 30, 2021 [6], the author (also known as inventor in respect of inventions) is a natural person with the creative work whereof the invention or industrial design has been created.

A similar definition of the author in respect of inventions and industrial designs is found in Article 5 (1) of the Law of the Republic of Belarus “On Patents for Inventions, Utility Models and Industrial Designs” of December 16, 2002 [7]. The definition of the author, formulated in Article 9 (1) of the Patent Law of the Re-

public of Kazakhstan of July 16, 1999 [8], as well as in Article 1347 of the Civil Code of the Russian Federation [3], does not differ from the mentioned definitions.

The provisions of these legislative acts also regulate co-authorship. However, the persons who provided non-creative assistance in the creation of an object of patent law, such as technical, organizational, material support, assistance in registration of rights, etc., are not recognized as co-authors [see, for example, 5, Article 18 (2)]. According to the Law of the Republic of Belarus "On Patents for Inventions, Utility Models and Industrial Designs" of December 16, 2002 [7], and the Patent Law of the Republic of Kazakhstan of July 16, 1999 [8], those who did not personally contribute to the creation of the patent law object in a creative way are not recognized as co-authors.

According to the above-mentioned national legislation, authors of inventions and industrial designs have an inalienable right of authorship, which shall be protected for an indefinite period of time [see, for example, 5, Article 18 (3)].

The author shall have the right to be mentioned in the application for invention or industrial design or the patent as such [see, for example, 5, Article 18 (6)].

The importance attributed to authorship in the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation is evident when analyzing the provisions of the legislative acts of these States covering the right to obtain a patent. This right is initially assigned to the authors of solutions patented as inventions or, respectively, industrial designs [see, for example, 7, Article 6 (2); 3, Article 1357 (1) of the Civil Code of the Russian Federation].

Other persons acquire the mentioned right by contract, by succession or by certain statutory provisions. The latter applies to so-called service industrial property subject matters that belong to the employer, unless otherwise provided for in the contract between him and the employee [see, for example, 8, Article 10 (2)].

It is important to highlight that, although the wording is dispositive, it does not in fact ensure the interests of the authors of inventions and industrial designs created as part of employment relations. The authors' rights are almost always limited in this case.

The opposite situation arises if the employer fails to dispose of his or her rights over the service industrial property subject matter within the period prescribed by law. Then the right to obtain a patent for such subject matter will be returned by virtue of the law to the employee.

It would be desirable for such a term to be reasonable but not excessive in order to ensure the rights of authors. However, the tendency is quite contrary in the Russian Federation.

The original wording of paragraph 2 of Article 1370 (4) of the Civil Code of the Russian Federation [3] provided for a four-month period for the employer to dispose of the service industrial property subject matter. As of January 1, 2022, this term was increased to six months [9, Article 2].

For comparison, this term is limited to 3 months in the Republic of Armenia and the Republic of Belarus [see, 5, Article 19 (6); 7, Article 6 (3)]. This term is 4 months in the Republic of Kazakhstan [8, Article 10 (7)].

But even in the case when a patent for a service invention or, respectively, a service industrial design is obtained by the employer, the author acquires the right to receive remuneration [see, for example, 5, Article 19 (7); 3, Article 1370 (4)]. This right is of a compensatory nature and is intended to encourage the creative activity of authors of technical, artistic and design solutions, which is the main function of patent law.

The fair remuneration of authors for the use of the results of their creativity is becoming more and more urgent since their creative activity is becoming more organized and is often carried out during the course of employment by entire teams. Guarantees of such remuneration, established by legislative acts in the form of minimum rates applicable regardless of whether the author and his employer have concluded an agreement on the amount of remuneration paid to the author, are more important than ever.

In conclusion, I would like to draw attention to the close connection between certain number of industrial property objects and scientific projects. Inventions, utility models, selection achievements, topologies of integrated circuits, industrial designs, being the results of scientific, scientific-technical, artistic or design creativity, are often disclosed in scientific papers, such as dissertations, monographs, articles, etc. The authorship that led to the creation of some protected objects also leads to the creation of others. However, the latter are protected by copyright rather than industrial property law. This does not diminish the importance of scientific works and requires the formation of a regulatory framework aimed at protecting the interests of their authors, employers, and often the state, when such works are used for defense and other strategically important purposes.

REFERENCES

1. Paris Convention for the Protection of Industrial Property of 1883 // SPS "ConsultantPlus".
2. Pilenko A.A. Right of the inventor. M.: Statute, 2001. 688 p.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Four No 230-FZ of December 18, 2006) with the Amendments and Additions of January 30, 2024 // SPS "ConsultantPlus".

4. Protocol to the Eurasian Patent Convention on the Protection of Industrial Designs of September 9, 2019 // SPS "ConsultantPlus".
5. Law of the Republic of Armenia "On Patents" of March 30, 2021.
6. Law of the Republic of Armenia "On Industrial Design" of March 30, 2021.
7. Law of the Republic of Belarus "On Patents for Inventions, Utility Models and Industrial Designs" of December 16, 2002.
8. Patent Law of the Republic of Kazakhstan of July 16, 1999.
9. Federal Law No 456-FZ "On Amendments to Parts Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Laws (Some Provisions of Certain Laws) of the Russian Federation" of December 22, 2020 // SPS "ConsultantPlus".

О СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ЕГО РАЗВИТИЯ

ON THE STATE OF RUSSIAN INTELLECTUAL PROPERTY LEGISLATION AND POSSIBLE WAYS OF ITS DEVELOPMENT

Александр Петрович СЕРГЕЕВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия,
apsergeev2004@mail.ru,
ORCID: 009-005-0435-7351

Информация об авторе

А.П. Сергеев — доктор юридических наук, ординарный профессор кафедры гражданского права НИУ «Высшая школа экономики» (СПб-филиал), советник юридической фирмы «Денуо»

Аннотация. Автор статьи делится своими соображениями о состоянии отечественного законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его дальнейшего развития. Вначале кратко описан процесс разработки и принятия части четвертой ГК РФ и дана оценка этому событию; затем перечислены концептуальные недостатки современного состояния права интеллектуальной собственности и изложены некоторые идеи относительно перспектив развития законодательства по интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: проект части четвертой ГК РФ, исключительное право, Кодекс интеллектуальной собственности, система судов по интеллектуальным правам

Для цитирования: Сергеев А.П. О состоянии российского законодательства по интеллектуальной собственности и возможных путях его развития // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 74–81; DOI: 10.17323/tis.2024.21715

Alexander P. SERGEEV

- National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg branch), St. Petersburg, Russian Federation,
- apsergeev2004@mail.ru,
- ORCID: 009-005-0435-7351

Information about the author

- A.P. Sergeev — Doctor of Legal Sciences, Ordinary Professor of the Department of Civil Law at the Higher School of Economics (St. Petersburg branch), Adviser to the law firm Denuo

- **Abstract.** The author of the article shares his thoughts on the state of domestic legislation on intellectual property and possible ways of its further development. First, the process of developing and adopting Part four of the Civil Code of the Russian Federation is briefly described and an assessment of this event is given; then the conceptual shortcomings of the current state of intellectual property law are listed; and, finally, some ideas are presented regarding the prospects for the development of intellectual property legislation.

- **Keywords:** draft Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation; exclusive right; intellectual property code; system of intellectual property courts

- **For citation:** Sergeev A.P. On the State of Russian Intellectual Property Legislation and Possible Ways of Its Development // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 74–81; DOI: 10.17323/tis.2024.21715

|

В декабре 2006 г. была принята часть четвертая Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), вступившая в силу с 1 января 2008 г. Процесс разработки проекта и принятия части четвертой ГК РФ окружен различными мифами, часть из которых сознательно создана для введения общественности в заблуждение, а часть появилась на основе слухов из-за отсутствия у публики объективной информации.

Я не буду останавливаться на том, кем и как в период с 1994 по 2006 г. велась работа над несколькими проектами тех норм об интеллектуальной собственности, которые предлагалось включить в ГК РФ. Отмечу лишь, что проектов было несколько и они концептуально отличались друг от друга. Те, кто хочет более детально ознакомиться с ними, может найти их в Сборнике документов, посвященном истории кодификации российского законодательства об интеллектуальной собственности [1] (см. также [10]). Там же имеется много других любопытных материалов, связанных обсуждениями проекта части четвертой ГК РФ, отзывами на проект, экспертными заключениями и т.п.

Хочу развеять один из мифов относительно разработки и принятия части четвертой ГК РФ, который до сих пор тиражируется и которому многие верят. Таким мифом является официальная версия о том, что проект части четвертой ГК РФ стал результатом упорной работы большого научного коллектива, которая велась на протяжении последних 10–15 лет. Между тем это не соответствует действительности, поскольку часть четвертая ГК РФ имеет мало общего с теми проектами кодифицированного законодательства об интеллектуальной собственности, которые были подготовлены в предшествующие годы, а ее разработчиками являются в основном не те лица, которые работали над проектами ранее.

Для того чтобы убедиться в истинности первого из озвученных тезисов, достаточно просто сравнить ранее подготовленные проекты с тем, что стало в итоге частью четвертой ГК РФ. Поскольку их сравнение заняло бы много места, отмечу лишь один принципиальный момент: все предыдущие проекты исходили из того, что наряду с закреплением положений об ин-

- телектуальной собственности в ГК РФ должны быть
- сохранены специальные законы — авторский, патентный, о товарных знаках и т.д.

Утверждение о том, что работа над проектом велась на протяжении 10–15 лет, тоже не соответствует действительности. Напротив, проект части четвертой ГК РФ был подготовлен в рекордно короткое время. Не могу назвать точно этот временной период, но предположительно он составляет вряд ли более года. Делая данный вывод, я исхожу из того, что вплоть до сентября 2005 г. Минпечати РФ¹, а затем Минобразования РФ предпринимали попытки провести через Госдуму РФ проект о закреплении в ГК РФ лишь общих положений об интеллектуальной собственности. Напомню, что данный проект был одобрен Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте РФ в декабре 2003 г., а уже в феврале 2006-го был впервые обнародован проект части четвертой ГК РФ, который содержал развернутые положения об интеллектуальной собственности, заменяющие собой все специальные законы.

При этом, если прежние проекты доводились до сведения специалистов и правообладателей, а в 90-е годы даже публиковались в печати [10], то проект части четвертой ГК РФ готовился в обстановке строжайшей секретности достаточно узкой группой разработчиков. Во всяком случае, до февраля 2006 г., когда проект части четвертой ГК РФ был направлен на согласование в министерства и ведомства, о том, что ведется интенсивная работа над новым проектом части четвертой ГК РФ, никто из специалистов даже не догадывался.

Проект части четвертой ГК РФ был подготовлен не только ударными темпами, но и в соответствии с известным принципом «Не боги горшки обжигают». В состав рабочей группы входили лишь трое ученых, имеющих научные заслуги в сфере интеллектуальной собственности — Л.А. Трахтенгерц, Е.А. Павлова и В.О. Калятин². Остальные члены рабочей группы, насколько мне известно, научными изысканиями в данной области никогда не занимались³. Отлучение специалистов от работы над проектом части четвертой ГК РФ было вполне сознательным шагом, поскольку, надо полагать, разработчики с самого

¹ Автор имеет в виду Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. — Примеч. ред.

² Формально данную группу возглавлял В.Ф. Яковлев, а фактически всей работой руководил А.Л. Маковский.

³ Профессор В.А. Дозорцев, под руководством которого было подготовлено несколько предыдущих проектов, скончался в начале 2003 г.

начала знали, что идея полной кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в составе ГК РФ и конструкция единого исключительного права не получают поддержки профессионалов.

И в этом разработчики не ошиблись. Как только проект части четвертой ГК РФ стал достоянием общественности, практически все, кто так или иначе имел дело с интеллектуальной собственностью (ученые, практикующие юристы, представители правообладателей, творческих союзов, предпринимателей), не только выступили с его критикой, но и высказались против его принятия и предлагали ограничиться закреплением в ГК РФ только общих положений об интеллектуальной собственности. Наиболее неожиданной была реакция на проект министерств и ведомств, которым проект был направлен на рассмотрение. Хотя тогдашний председатель правительства РФ Д.А. Медведев, представивший проект, прямо заявил, что проект, по его мнению, прекрасный и что он будет во что бы то ни стало принят в ближайшее время, практически все министерства и ведомства дали на проект отрицательные заключения (они, кстати, есть в приведенном выше Сборнике [1]).

Возникает закономерный вопрос: почему же в условиях, когда проект части четвертой ГК РФ воспринимался, мягко говоря, критически подавляющим большинством заинтересованных лиц, он все-таки стал законом? Ответ на этот вопрос прост и банален: в нашей стране власть предрежащие могут протолкнуть через послушных законодателей любые, даже самые одиозные законы, не считаясь с мнением специалистов и общественности. В данном случае «толкачом» стал Д.А. Медведев, которого разработчики проекта части четвертой ГК РФ сумели, как я могу предположить, путем лести и апеллирования к нему как к известному юристу, рекрутировать в свою команду и сделать своим главным лоббистом. Таким образом, Д.А. Медведев отметился в истории нашей страны не только теми неадекватными действиями и высказываниями, которые у всех на слуху, но и тем, что именно благодаря его поддержке была принята часть четвертая ГК РФ.

Что же касается разработчиков проекта части четвертой ГК РФ, то они, на мой взгляд, руководствовались в большей степени не интересами дела, в котором они не слишком разбирались, а прежде всего своими личными амбициями, в частности желанием довести до логического конца работу по полной кодификации гражданского законодательства.

При этом я допускаю, что некоторые члены рабочей группы искренне верили и продолжают верить в правильность тех концептуальных идей, которые были положены в основу проекта части четвертой

ГК РФ. Об этом, в частности, свидетельствует их убежденность в истинности концепции единого исключительного права, носящего сугубо имущественный характер. При этом, как писал А.А. Маковский, они опирались на труды Г.Ф. Шершеневича и А.А. Пиленко, которые якобы разработали *«теорию исключительных прав как строго научное объяснение юридической природы субъективных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации субъектов и объектов торгового оборота»* [2, с. 452]. Однако это является явной натяжкой, поскольку в сочинениях Г.Ф. Шершеневича [3, с. 61–69; 4, с. 366–370] и А.А. Пиленко [5] содержалась только критика понятия «интеллектуальная собственность» как особого вида собственности и предлагалось заменить его понятием «исключительные права». Никаких теоретических положений, которые бы обосновывали существование единого исключительного права, ими вообще выработано не было. Напротив, они всегда писали об исключительных правах во множественном числе. Кроме того, ни в коей мере не умаляя научных заслуг этих выдающихся ученых, не могу не указать на серьезную ошибку этих классиков отечественной цивилистики, состоящую в том, что исключительными и нуждающимися в правовой защите они считали только имущественные права. Особенно наглядно это просматривается в трудах Г.Ф. Шершеневича, который считал авторское право сугубо имущественным институтом и сводил его к праву распространения материальных носителей литературных произведений [3, с. 62]. Что же касается личных прав автора, то они, по мнению Г.Ф. Шершеневича, *«не подлежат охране со стороны авторского права»*, *«охраняются не авторским правом, а личным правом свободы и печати»* [3, с. 64]. Между тем совершенно очевидно и признано большинством специалистов, что личные права автора обладают свойством исключительности в значительно большей степени, чем права имущественные.

Зацикленность составителей проекта части четвертой ГК РФ на том, что в правовой охране нуждаются лишь имущественные права, послужила одной из причин того, что в круг охраняемых частью четвертой ГК РФ объектов интеллектуальной собственности не попали такие традиционные для отечественного права результаты интеллектуальной деятельности, как научные открытия и рационализаторские предложения. Мнение специалистов, предлагавших сохранить их правовую охрану, было отвергнуто, в частности, на том основании, что в отношении этих объектов невозможно обеспечить монополию на использование и сделать их предметом гражданского оборота. А то, что творческая деятельность ученых и лиц, занятых

на производстве, нуждается не только в материальном поощрении, но и в признании их заслуг и личных неимущественных прав, составителей проекта части четвертой ГК РФ вообще не интересовало, поскольку правовая охрана этих объектов не вписывалась в придуманную ими коммерческую схему⁴.

Повествование о перипетиях, связанных с разработкой и принятием проекта части четвертой ГК РФ, можно было бы продолжить, наполнив его рядом деталей⁵, но, не желая злоупотреблять вниманием читателей, перехожу к краткой оценке нынешнего состояния российского законодательства об интеллектуальной собственности.

II

Оценивая современное состояние российского законодательства в области интеллектуальной собственности, можно констатировать, что в целом оно соответствует мировым стандартам, заданным, в частности, Соглашением ТРИПС, т.е. Договором о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности. Российская Федерация участвует во всех основных международных конвенциях в рассматриваемой сфере, что подтверждает данный вывод. Вековая отсталость (это не художественное преувеличение, а констатация факта) российского законодательства в области интеллектуальной собственности от западноевропейского была преодолена еще в первой половине 90-х годов в результате принятия специальных законов по основным институтам права интеллектуальной собственности.

Замена этих законов частью четвертой ГК РФ не оказала особого влияния на уровень охраны интеллектуальных прав в нашей стране. В первоначальной редакции, хотя и частично улучшенной под влиянием критики в процессе обсуждения проекта, часть четвертая ГК РФ содержала множество пробелов и достаточно явных недостатков. Это с очевидностью следует из того, что за 15 лет, с 2008 по 2023 г., в часть четвертую ГК РФ уже более 40 раз вносились изменения и дополнения, причем несколько раз весьма существенные.

⁴ О том, что личные неимущественные права авторов оказались на «заднем плане», писали сами разработчики проекта части четвертой ГК РФ (см., например, [2, с. 590]).

⁵ Дополнительная информация об этом содержится в статье: Сергеев А.П. К истории новейшей кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в Российской Федерации (1996–2006 годы) в [1]. Дискуссии, которые велись вокруг проекта части четвертой ГК РФ, порой «зашкаливали», наглядным доказательством чего является статья А.Л. Маковского «Американская история» (Вестник гражданского права. 2007. № 1 С. 165–196), написанная в духе 1937 г.

Сейчас часть четвертая ГК РФ выглядит уже значительно лучше, хотя есть еще над чем работать. Дело, однако, не в частных пробелах и недостатках, которые есть в любом законе, а в тех ошибочных концептуальных положениях, которые положены в основу части четвертой ГК РФ. Перечислим основные из них.

Один из главных недостатков части четвертой ГК РФ — конструкция единого исключительного права, которое охватывает большую часть имущественных правомочий, является неделимым и может отчуждаться лишь целиком. Подобная конструкция, вопреки утверждениям разработчиков, не способствует, а напротив, препятствует обороту прав на объекты интеллектуальной собственности, а также сужает свободу действий правообладателей. Очевидно, если любое из имущественных прав признается самостоятельным субъективным правом, как это принято во всем мире, это значительно удобнее для оборота, а теоретически более оправданно. Иначе говоря, придуманная в свое время профессором В.А. Дозорцевым [6] и подхваченная разработчиками проекта части четвертой ГК РФ конструкция единого исключительного права является искусственной и вредной для оборота.

Принципиально неверным является признание интеллектуальной собственностью самих результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (п. 1 ст. 1225 ГК РФ). Это не только противоречит п. VIII ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), от 14 июля 1967 г., в котором указано, что интеллектуальная собственность включает в себя права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, изобретениям, товарным знакам и иным объектам, но и теоретически несостоятельно. Ведь это равнозначно признанию собственностью самих вещей, а не права на них.

О дефектности подразделения интеллектуальных прав на три вида, т.е. на исключительное право, личные неимущественные права и иные права, не писал разве что ленивый. Отсутствие единого критерия деления, а также невозможность разграничения правомочий, входящих в состав исключительного права, от иных имущественных прав правообладателя делают деление интеллектуальных прав искусственным и теоретически несостоятельным. Да и само понятие «интеллектуальные права» представляется надуманным, поскольку оказывается невостребованным в части четвертой ГК РФ, в каждой из глав которой оно заменяется более привычными понятиями авторских, смежных, патентных и других прав.

Серьезным недостатком является также закрепление частью четвертой ГК РФ исчерпывающего перечня результатов интеллектуальной деятельности и средств, которым предоставляется правовая охрана. Данное решение привело к тому, что многие результаты творческой деятельности и средства индивидуализации оказались в подвешенном состоянии: с одной стороны, они существуют, и в отношении некоторых из них законами прямо установлено исключительное право [11, п. 1.1 ст. 4]; а с другой стороны, исключительное право на них нельзя защищать с помощью средств, предусмотренных частью четвертой ГК РФ.

В этих условиях было бы разумным распространить правила части четвертой ГК РФ по аналогии закона на охрану хотя бы тех результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые, в сущности, мало чем отличаются от объектов интеллектуальной собственности, предусмотренных частью четвертой ГК РФ. Наглядным примером служит наименование некоммерческой организации, к которому вполне применим режим фирменных наименований. Однако Верховный Суд РФ, постановления которого являются составной частью российского права, не решился на этот шаг, предпочтя заявить, что частью четвертой ГК РФ охраняются лишь те результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, которые ею предусмотрены; что же касается всех остальных объектов интеллектуальной собственности, то они должны охраняться на основе общих положений гражданского права и законодательства о защите конкуренции [12, п. 33].

Далее, в своей борьбе с принятым во всем мире понятием «интеллектуальная собственность» составители проекта части четвертой ГК РФ дошли до того, что в 2014 г. добились закрепления в ст. 1227 ГК РФ специального указания на то, что положения разд. II, посвященного праву собственности и иным вещным правам, неприменимы к отношениям интеллектуальной собственности. На мой взгляд, это тоже серьезная ошибка, поскольку никаких объективных причин для закрепления в законе подобного запрета не существует. В российском законодательстве всегда достаточно четко разграничивались право на результат творческой деятельности как благо нематериальное и право собственности на тот материальный носитель, в котором воплощен этот результат. Поэтому не было никакой опасности того, что правила разд. II ГК РФ будут применяться к регулированию отношений, связанных с интеллектуальной собственностью.

Однако возводить «китайскую стену» между разд. II и разд. VII ГК РФ в виде специального запрета на применение норм о праве собственности к интеллектуальным правам было принципиально неправиль-

ным. Право собственности как подотрасль гражданского права располагает проверенным временем арсеналом правовых средств защиты субъективного права собственности. Напротив, право интеллектуальной собственности — самая молодая подотрасль гражданского права, которая к тому же большую часть своей истории развивалась в качестве особой разновидности права собственности. Данные подотрасли связаны друг с другом не только генетически, но и содержательно, поскольку в обоих случаях центральное место в них занимает субъективное право, носящее абсолютный и исключительный характер.

Запрет, предусмотренный ст. 1227 ГК РФ, который, по мнению некоторых специалистов [7, 8] и согласно практике Суда по интеллектуальным правам [13, 14], распространяется на применение правил разд. II к отношениям интеллектуальной собственности даже по аналогии закона, не соответствует общему подходу к правовому регулированию отношений, относящихся к предмету гражданского права и частного права в целом. Ведь этим отношениям не может быть отказано в правовом регулировании на том основании, что отсутствует норма права, прямо на них рассчитанная, поскольку в этом случае к ним по аналогии закона применяется норма, регулирующая сходные отношения (п. 1 ст. 6 ГК РФ).

Суды нередко сталкиваются с ситуациями, при которых обнаруживается, что в части четвертой ГК РФ нет норм, позволяющих разрешить спор, но он может быть урегулирован посредством применения соответствующих норм, содержащихся в разд. II ГК РФ. Примером могут служить споры между соправообладателями, которые весьма сходны со спорами сособственников. На мой взгляд, в этом и подобных ему случаях вполне допустимо и даже необходимо применение аналогии закона (см. [9]).

Краткий обзор серьезных недостатков части четвертой ГК РФ можно продолжать⁶. Однако последнее, о чем просто необходимо сказать, — это ошибка, состоящая во включении в Гражданский кодекс всего законодательства об интеллектуальной собственности с одновременным отказом от специальных законов. К каким отрицательным последствиям это привело? Вот лишь краткий их перечень.

⁶ К ним, в частности, можно отнести практически полное игнорирование интересов государства в отношении объектов интеллектуальной собственности, созданных за счет общенародных средств; пренебрежение личными неимущественными правами авторов и изобретателей; лишение патентного ведомства всяких нормотворческих полномочий; невозможность взыскания компенсации при нарушении прав на некоторые из объектов интеллектуальной собственности и др.

Во-первых, включение всех норм об интеллектуальной собственности в состав ГК РФ поставило Россию в особое положение, поскольку во всем мире законодательство об интеллектуальной собственности представлено специальными законами или кодексами интеллектуальной собственности. Конечно, любая страна свободна в выборе форм и путей развития своего законодательства, но экспериментировать в сфере, которая всегда была ахиллесовой пятой России, вряд ли оправдано. Кроме того, это обстоятельство препятствует унификации законодательства об интеллектуальной собственности стран, входящих в ЕАЭС, поскольку во всех этих странах сохранены специальные законы, и никем не воспринят кодификационный опыт Российской Федерации.

Во-вторых, включение в ГК РФ большого числа норм административного характера в значительной степени подрывает его значение как основополагающего акта гражданско-правового характера. Строго говоря, такое решение прямо противоречит п. 1 ст. 2 ГК РФ, согласно которому «гражданское законодательство регулирует имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». Присутствие административных норм естественно в комплексных нормативных актах, каковыми являются специальные законы, но вряд ли уместно в ГК РФ.

В-третьих, данное решение подрывает доверие к ГК РФ как к закону, который по определению должен обладать большей стабильностью по сравнению с обычными законами. В настоящее время часть четвертая ГК РФ по объему более чем в три раза превышает раздел, посвященный праву собственности и иным вещным правам. Это произошло за счет того, что в нее включили множество малозначительных, подчас сугубо технических норм, которые уместны в специальном законе, но которых не должно быть в Гражданском кодексе. Поэтому неслучайно за 15 лет в часть четвертую ГК РФ изменения и дополнения вносились уже более 40 раз.

На этом позволю себе завершить вторую часть статьи и перейти к заключительной ее части, в которой хочу поделиться некоторыми соображениями относительно возможных путей совершенствования российского законодательства об интеллектуальной собственности.

III

Вначале сделаю одну оговорку. Перспективы правового регулирования интеллектуальной собственности не только в нашей стране, но и во всем мире

весьма туманны. Интернет, искусственный интеллект, тотальная цифровизация, технология блокчейн и прочие подобные явления создают такие проблемы в рассматриваемой сфере, с которыми традиционное право интеллектуальной собственности явно не справляется. Поэтому можно ожидать, что в будущем появятся принципиально другие механизмы правового регулирования в рассматриваемой сфере. Право интеллектуальной собственности в его сегодняшнем понимании тоже сохранится, но сфера регулируемых им отношений существенно сократится. Данный вопрос нуждается в самостоятельном исследовании и не является предметом настоящей статьи. В ней пойдет речь о том, как можно улучшить российское законодательство, избавив его от тех недостатков, о которых сказано выше.

Можно наметить три возможных пути. Первый путь — это дальнейшее совершенствование части четвертой ГК РФ, исправление частных ошибок, устранение пробелов, отмена некоторых одиозных статей, то есть внесение точечных изменений по всему тексту части четвертой ГК РФ. Это путь менее затратный, чем второй и третий, но он не избавляет часть четвертую ГК РФ от ее главных недостатков, поскольку устранение последних разрушит всю конструкцию части четвертой ГК РФ.

Второй возможный вариант заключается в отмене части четвертой ГК РФ с заменой ее общими положениями о праве интеллектуальной собственности, в которых должны быть исправлены концептуальные ошибки, допущенные при кодификации. С опорой на общие положения должны быть вновь приняты отдельные законы, посвященные соответственно авторскому праву, патентному праву, охране товарных знаков и т.д.

Наконец, третий вариант состоит в отмене части четвертой ГК РФ с одновременным дополнением ГК РФ рядом норм, связующих общие положения ГК РФ с новым комплексным нормативным актом, который предстоит принять, а именно с Кодексом интеллектуальной собственности. Данный кодекс мог бы включать в себя не только общие положения (общую часть), но и главы, посвященные отдельным институтам (авторскому праву, патентному праву и т.д.), которые заменили бы собой специальные законы в рассматриваемой сфере. В Кодексе интеллектуальной собственности могли бы быть исправлены не только концептуальные, но и многие частные ошибки, до сих пор присутствующие в части четвертой ГК РФ, а также могла бы быть реализована хотя бы часть решений тех новых проблем, которые ставят перед обществом новые технологии. При создании Кодекса интеллектуальной собственности за основу можно

было бы взять модельный Кодекс интеллектуальной собственности, принятый Межпарламентской ассамблеей стран СНГ в 2010 г. [15].

Последний путь представляется наиболее предпочтительным и перспективным, поскольку соответствует мировой тенденции кодификации законодательства об интеллектуальной собственности.

Представляется, что в реформировании нуждается не только законодательство об интеллектуальной собственности, но и судебная система, поскольку в настоящее время качество правосудия по спорам, связанным с интеллектуальными правами, является невысоким. Десять лет назад, в 2013 г., был создан Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП), что стало неожиданным, но очень положительным событием. Как известно, СИП был создан в качестве специализированного арбитражного суда и продолжает оставаться в этом качестве в настоящее время. Деятельность данного суда большинством специалистов оценивается положительно, в чем немалая заслуга его председателя — профессора Л.А. Новоселовой.

СИП рассматривает восемь категорий дел в качестве суда первой инстанции, а также выступает кассационной инстанцией по делам, рассмотренным им самим по первой инстанции, и делам о защите интеллектуальных прав, рассмотренным арбитражными судами субъектов РФ по первой инстанции и арбитражными апелляционными судами.

На мой взгляд, назрела необходимость построения в нашей стране самостоятельной системы судов по интеллектуальным правам. Очевидно, что решение о создании СИП в системе арбитражных судов было половинчатым, компромиссным решением. Да, к компетенции СИП как суда первой инстанции были отнесены самые сложные дела, прежде всего по оспариванию решений патентного ведомства, Роспатента. Но этот положительный момент имеет и обратную сторону, которая состоит в большой перегрузке этого суда. Кроме того, поскольку СИП входит в систему арбитражных судов, он может рассматривать только споры между субъектами предпринимательской деятельности. Это означает, что авторы, изобретатели и другие физические лица могут обращаться за защитой своих нарушенных прав лишь в суды общей юрисдикции, которые, следует прямо признать, не готовы к осуществлению качественного правосудия по спорам, связанным с интеллектуальными правами.

Далее, в настоящее время в СИП нет апелляционной инстанции, что тоже представляется результатом компромисса, достигнутого на этапе создания данного суда. Между тем она была бы в данном случае нелишней. Наконец, едва ли правильно иметь единственный специализированный суд по интеллек-

туальным правам, расположенный в Москве, в такой большой по территории стране, как Россия. Подобные суды целесообразно создать во всех федеральных округах: в Санкт-Петербурге — для Северо-Запада, в Хабаровске — для Восточной Сибири и Дальнего Востока, в Ростове-на-Дону — для южных регионов России и т.д.

Вопрос о том, какими полномочиями должны быть наделены эти суды, требует дополнительной проработки со стороны процессуалистов. Однако цели их создания очевидны: первая — обеспечить доступ к качественному правосудию для всех категорий правообладателей; вторая — облегчить фактическую возможность обращения за защитой нарушенных интеллектуальных прав, поскольку рассмотрение споров в Москве оборачивается для заявителей из регионов большими временными и финансовыми затратами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белая книга. История и проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности: Сб. документов, материалов и научных статей / под ред. В.Н. Лопатина. М.: Издание Совета Федерации, 2007.
2. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010.
3. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань. 1891 // Избранное: в 6 томах. Т. 3. М., 2017.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911 // Избранное: в 6 томах. Т. 5. М., 2017.
5. Пилленко А.А. Право изобретателя (по изд. 1902–1903 гг.). М.: Статут, 2001.
6. Дозорцев В.А. Понятие исключительного права // Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2003.
7. Комментарий к части четвертой ГК РФ (постатейный) / отв. ред. Е.А. Павлова. М., 2018 (автор комментария к ст. 1227 — О.М. Козырь).
8. Васильева Е.Н. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5.
9. Лукашевич Т.А. Допустимость аналогии вещного законодательства к отношениям в связи с интеллектуальной собственностью // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. Вып. 3 (41). С. 159–168.
10. Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России. Материалы международной научно-теоретической конференции (М., Ин-т

- международ. права и экономики, 26 марта 1999 г.) // Труды по интеллектуальной собственности. Т. 1. 1999.
11. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».
 12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
 13. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 апреля 2019 г. по делу № А51-25127/2016.
 14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 9 апреля 2021 г. по делу № А40-315975/2019.
 15. Модельный кодекс интеллектуальной собственности для государств — участников СНГ (принят в Санкт-Петербурге 07.04.2010 Постановлением № 34-6 на 34-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2010. № 47. С. 133–183.
 10. Problemy intellektual'noj sobstvennosti v Grazhdanskom kodekse Rossii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii (M., IMPE, 26 marta 1999 g.) // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. T. 1. M., 1999.
 11. Federal'nyj zakon ot 12 yanvarya 1996 g. No 7-FZ "O nekommercheskih organizacijah".
 12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23 aprelya 2019 g. № 10 "O primenении chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii".
 13. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 16 aprelya 2019 g. po delu No A51-25127/2016.
 14. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam i ot 9 aprelya 2021 g. po delu No A40-315975/2019.
 15. Model'nyj kodeks intellektual'noj sobstvennosti dlya gosudarstv-uchastnikov SNG (prinyat v Sankt-Peterburge 07.04.2010 Postanovleniem 34-6 na 34-m plenarnom zasedanii Mezhparyamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SN) // Informacionnyj byulleten'. Mezhparyamentskaya Assambleya gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv. 2010. No 47. S. 133–183.

REFERENCES

1. Belaya kniga. Istoriya i problemy kodifikacii zakonodatel'stva ob intellektual'noj sobstvennosti: Sb. dokumentov, materialov i nauchnyh statej / pod red. V.N. Lopatina. M., 2007.
2. Makovskij A.I. O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006). M., 2010.
3. Shershenevich G.F. Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya. Kazan'. 1891 // Izbrannoe: v 6 tomah. T. 3. M., 2017.
4. Shershenevich G.F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. M., 1911 // Izbrannoe: v 6 tomah. T. 5. M., 2017.
5. Pilenko A.A. Pravo izobretatelya. (po izd. 1902–1903 gg.). M., 2001.
6. Dozorcev V.A. Ponyatie isključitel'nogo prava // Intellektual'nye prava: Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: sbornik statej. M., 2003.
7. Kommentarij k chasti chetvertoj GK RF (postatejnyj) / otv. red. E.A. Pavlova. M., 2018 (avtor kommentariya k st. 1227 — O.M. Kozyr').
8. Vasil'eva E.N. Pravovaya ohrana rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannyh za schet sredstv federal'nogo byudzheta // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2019. No 5.
9. Lukashevich T.A. Dopustimost' analogii veshchnogo zakonodatel'stva k otnosheniyam v svyazi s intellektual'noj sobstvennost'yu // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. Sentyabr' 2023. Vyp. 3 (41). S. 159–168.

АВТОРСКИЕ ПРАВА И ИНДЕКСЫ ЦИТИРОВАНИЯ НА НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ COPYRIGHTS AND CITATION INDICES FOR SCIENTIFIC PUBLICATIONS OF SCIENTISTS AND SPECIALISTS

Роман Оморович ОМОРОВ

Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Институт машиноведения, автоматизации и геомеханики
(ИМАГ НАН КР), Бишкек, Кыргызская Республика,
romano_ip@list.ru,
ORCID: 0000-0003-3555-1323

<https://orcid.org/000-0002-5211-0055>

Информация об авторе

Р.О. Оморов — член-корреспондент Национальной академии наук Кыргызской республики, заведующий лабораторией, доктор технических наук, профессор, академик Международной инженерной академии, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики

Аннотация. Научные публикации как произведения науки являются одними из значимых объектов авторского права. Как известно, для оценки научной продуктивности ученых и специалистов в наукометрии применяют различные показатели, наиболее распространенным из которых является индекс Хирша, или h -индекс. Индекс Хирша вычисляется по количеству цитирований трудов исследователя, включенных в определенную базу данных. Для стран СНГ важной базой научных и учебных публикаций является база данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). В Международном плане широкое распространение получили базы данных Scopus, Web of Sciences. Одна из проблем использования индекса Хирша это соответствие оценок нормам авторского права. Индекс Хирша показывает сравнительную эффективность труда ученого или коллектива ученых. Но, как нетрудно видеть, по показателям подсчета индекса Хирша по базам данных РИНЦ для отдельных ученых не учитываются их вклад и участие в коллективных публикациях и их цитированиях. В случае когда публикации осуществляют груп-

- пы, коллективы ученых, все участвующие в издании
- совместного научного труда ученые и исследователи
- обладают статусами соавторов этой публикации.
- Отношения между соавторами определяются на основе
- соглашения, при отсутствии которого авторское право на публикацию осуществляется всеми соавторами совместно, а вознаграждение распределяется между
- ними поровну. Предложено для оценки индивидуально-
- го показателя цитирования публикаций ученых ввести
- модифицированный индекс Хирша, называемый индекс Хирша «плюс», или h^+ , который вычисляется на основе
- деления обычного числа цитирований конкретной публикации на число соавторов цитируемой публикации,
- что не вызовет трудностей при вычислениях индексов h^+ с использованием алгоритма определения собственно
- индекса Хирша. Такой показатель учитывает интересы соавторов с точки зрения авторских прав и более точно оценивает эффективность труда конкретного ученого
- при сравнительных оценках их труда. Также для сравнительной оценки индивидуальных индексов цитирования
- ученых и специалистов предлагается ввести авторский коэффициент усреднения индексов k_c , равный кубическому корню от общего количества соавторов, на который делится соответствующий индекс Хирша или иной индекс цитирования конкретного автора.

- **Ключевые слова:** наукометрия, авторские права, индекс Хирша, индекс Эгга, модификации наукометрических индексов, индекс Хирша «плюс», базы данных РИНЦ, Scopus и Web of Sciences, соавторы научных публикаций, авторский коэффициент усреднения индексов

Для цитирования: Оморов Р.О. Авторские права

- и индексы цитирования на научные публикации ученых и специалистов // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 82–88; DOI: 10.17323/tis.2024.21716

Roman O. OMOROV

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,
Institute of Mechanical Science, Automation and
Geomechanics (IMAG NAS KR), Bishkek, Kyrgyz Republic,
romano_ip@list.ru,
ORCID: 0000-0003-3555-1323

Information about the author

R.O. Omorov — Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, head of laboratory, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the International Academy of Engineering, Honored Scientist of the Kyrgyz Republic

Abstract. Scientific publications as works of science are one of the significant objects of copyright. As is known, various indicators are used to assess the scientific productivity of scientists and specialists in scientometrics, the most common of which is the Hirsch index or *h*-index. The Hirsch index is calculated by the number of citations of a researcher's works included in a particular database. For the CIS countries, an important database of scientific and educational publications is the Russian Science Citation Index (RSCI) database. Internationally, Scopus and Web of Sciences databases have become widespread. One of the problems with using the *h*-index is whether the ratings comply with copyright regulations. The Hirsch index shows the comparative efficiency of the work of a scientist or a team of scientists. But as it is easy to see, according to the calculation of the *h*-index according to the RSCI databases, for individual scientists their contribution and participation in collective publications and their citations are not taken into account. In the case when publications are carried out by groups or teams of scientists, all scientists and researchers participating in the publication of a joint scientific work have the status of co-authors of this publication. Relations between co-authors are determined on the basis of an agreement, in the absence of which the copyright for publication is exercised by all co-authors jointly, and the remuneration is distributed equally between them. It is proposed that in order to assess the individual citation index of scientists' publications, introduce a modified Hirsch index, called the *Hirsch index "plus"* or *h+*, which is calculated based on dividing the usual number of citations of a particular publication by the number of co-authors of the cited publication, which will not cause difficulties in calculating *h+* indices, using algorithm for determining the Hirsch index itself. This indicator takes into account the interests of co-authors from the point of view of copyright and more accurately assesses the effectiveness of the work of a particular scientist in comparative assessments of their work. Also, for a comparative assessment of individual citation indices of scientists and specialists, it is proposed

- to introduce an *author's index averaging coefficient* — k_c ,
- equal to the cube root of the total number of co-authors,
- by which the corresponding Hirsch index or other citation index of a particular author is divided.
- **Keywords:** scientometrics, copyrights, Hirsch index, Egg index, modifications of scientometric indices, Hirsch index
- "plus", RSCI databases, Scopus and Web of Sciences, co-authors of scientific publications, author's index averaging
- coefficient

For citation: Omorov R.O. Copyrights and Citation Indices for Scientific Publications of Scientists and Specialists // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2) P. 82–88; DOI: 10.17323/tis.2024.21716

ВВЕДЕНИЕ

Для оценки научной активности ученых применяются различные наукометрические показатели [1, 2], наиболее распространенным из которых является так называемый *индекс Хирша*, или *h-индекс*. Как известно [3], этот показатель был предложен в 2005 г. американским физиком Хорхе Хиршем, профессором Калифорнийского университета из Сан-Диего. Индекс Хирша вычисляется по количеству цитирований трудов исследователя, включенных в определенную базу данных. Для стран СНГ важной базой научных и учебных публикаций является база данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Кроме РИНЦ в СНГ используются и другие базы данных, такие как Scopus и Web of Science. Как отмечают исследователи в наукометрии, у индекса Хирша при достаточной простоте его вычислений имеются и определенные недостатки, связанные с временными рамками публикаций и неравномерностью показателей для различных отраслей науки [4, 5]. Иначе говоря, есть проблема соизмеримости сравнительных показателей индекса. Еще одна проблема, возникающая в связи с использованием индекса Хирша, это соответствие оценок нормам авторского права [6]. В работе [7] вопрос об авторских правах на научные публикации рассмотрен на основе законодательства Кыргызской Республики по авторским правам и смежным правам, где предложено ввести для оценки индивидуальных показателей публикационной активности ученых другой показатель — индекс Хирша «плюс». В данной работе рассмотрены вопросы и о иных наукометрических показателях и модификациях, учитывающих авторские права на публикации.

ИНДЕКС ХИРША И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНДЕКСЫ ЦИТИРОВАНИЯ

Индекс Хирша, или *h-индекс* (*h*), — наукометрический показатель цитируемости, который был предложен Х. Хиршем для оценки эффективности научной деятельности (первоначально — ученых физиков+). В дальнейшем этот показатель был распространен на все области науки, но сравнительные показатели *h-индекса* для различных областей науки весьма различают-

ся. Наиболее критичное отношение к данному показателю проявляют исследователи гуманитарных наук.

Рассматриваемый индекс более объективно оценивает эффективность труда ученого, нежели общее число публикаций или общее число цитирований. Конечно, как отмечено выше, индекс объективно характеризует цитируемость при сравнении труда ученых в одной области исследований ввиду различий традиций публикаций и цитирований в разных областях науки и специфики представления информации в публикациях.

Индекс Хирша вычисляется по определенным базам данных публикаций — как общедоступным наукометрическим в интернете (Google Scholar, Elibrary.ru и др.), так и платным (Scopus, Web of Science). Как нетрудно заметить, значения индекса Хирша для одного и того же ученого в зависимости от используемой базы данных могут существенно различаться, поскольку число публикаций ученого, размещенных в этих базах данных, может быть разным.

Но, конечно, индекс Хирша не свободен от определенных недостатков. Так, многие математики и гуманитарии отрицательно относятся к нему. В гуманитарных областях науки, в особенности в филологии, цитируемость существенно ниже, чем в естественнонаучных областях.

Но несмотря на некоторые недостатки, индекс Хирша в целом является достаточно объективным показателем эффективности труда ученых и научных коллективов разных масштабов, поэтому в настоящее время этот индекс получил широкое распространение в наукометрии.

Как выше сказано, показатели индекса Хирша зависят от конкретных баз данных, с помощью которых они вычисляются. Например, не во всех странах существуют общедоступные национальные базы данных для оценки индексов Хирша ученых и научных коллективов. Так, автору неизвестно о существовании таких баз данных в какой-либо центральноазиатской стране. В то же время для русскоязычных публикаций достаточно надежной базой данных обладает РИНЦ.

Для баз данных РИНЦ имеется аналитический аппарат, называемый *Science Index*, который позволяет проводить наукометрические исследования и вычислять индекс Хирша. Данная база данных со своим аппаратом исследований разрабатывается Российской компанией «Научная электронная библиотека» (ELIBRARY.ru) с 2005 г.

В настоящее время в интернет-пространстве существуют и другие базы данных, например Scopus и Web of Science, которые позволяют вести наукометрические исследования и вычислять индексы цитирования, в частности индексы Хирша.

В ряде неанглоязычных стран также ведутся работы по созданию своих систем и индексов научного цитирования. В КНР в 80-х и 90-х годах XX в. разработаны и развиваются свои индексы научного цитирования, которых к настоящему времени три — Chinese Science Citation Index, China Scientific и Technical Papers and Citations, а по общественным наукам Chinese Social Sciences Citation Index. В Японии есть свой национальный индекс научного цитирования — Citation Database for Japanese Papers. Ведутся работы по разработке индексов цитирования в ряде европейских стран, например в Испании, Польше и др.

Для ученых других стран СНГ, кроме России, база данных РИНЦ очевидным образом является неполной, поскольку в базе РИНЦ ограничено количество публикаций на национальных языках этих стран. Второе обстоятельство, ограничивающее полноту базы РИНЦ, это то, что не все значимые журналы и издания других стран СНГ зарегистрированы и включены в базу РИНЦ. Но несмотря на эти недостатки баз данных РИНЦ, возможности последнего позволяют во многих случаях получить достаточно объективные сравнительные данные индексов цитирования нероссийских ученых, хотя естественным образом показатели индекса Хирша ученых других стран СНГ будут гораздо ниже показателей российских ученых в силу указанных ограничений РИНЦ.

МОДИФИКАЦИИ ИНДЕКСА ХИРША

При всей простоте, удобстве вычислений и распространенности в наукометрии индекс Хирша (h -индекс) имеет недостатки, о которых сказано выше. Поэтому многие ученые и исследователи разрабатывают новые, усовершенствованные наукометрические показатели для оценки эффективности научно-публикационной деятельности.

Так, прежде всего был предложен так называемый g -индекс, или индекс Эгга [8, 9], который определяется аналогично индексу Хирша h , но количество цитирований должно быть гораздо больше, а именно в квадрате (n^2) от количества цитирований n в случае вычисления h . Индекс g , как и индекс h — целочисленная величина и по существу определяет максимальные количества цитирований.

Учеными предложены и другие показатели цитируемости публикаций исследователей.

Так, в работе [4] предложена новый индекс j , который характеризуется тем, что базовым соотношением является $n^{3/2}$ цитирований, т.е. этот индекс определяет промежуточный показатель между h и g .

В работе [5] предложены новые модифицированные показатели, учитывающие количества цити-

рований, как в «квадрате Хирша», так и во вне этого квадрата, которые названы индексами gh , hp и ghp ; последний из них учитывает всю совокупность цитирований публикаций в определенной базе данных.

В работе [10] предложен новый показатель, который назван показатель РПД — результативность публикационной деятельности. Он вычисляется по специальной формуле с учетом ненулевых публикаций, «привязанных» к ним цитирований этих публикаций и индекса Хирша по ним.

Что касается так называемых показателей долевых цитирований, которые учитывают индивидуальные показатели соавторов публикаций, то и в этом направлении наукометрии опубликован ряд работ [11–17].

Прежде всего в работе [11] сам Хирш предложил модифицировать индекс h введением параметра $\tilde{h}$, учитывающего число соавторов. Показатель ученого будет $\tilde{h}$, если у него будет на публикации $\tilde{h}$ ссылок, в то же время у каждого из соавторов его публикаций будет показатель $\tilde{h}$, т.е. вычисляется $\tilde{h}$ по минимуму соавторов, что, конечно, существенно меньше значения h .

Зарубежные авторы предложили и иные модификации индекса Хирша h [12, 13], учитывающие временной период публикаций, наличие соавторов и их «старшинство» по величине h , но не их число. Эти модификации, включая модификацию самого Хирша, на практике не получили широкого распространения из-за сложности и неудобства вычислений.

В работах [14, 15] предложены модификации индекса Хирша h , учитывающие *долевую цитируемость* соавторов публикаций, т.е. общее количество ссылок на публикации делится на число соавторов. Такой подход подсчета индекса цитируемости по существу аналогичен предложению автора этой статьи, основанному на нормах авторского права (при этом следует отметить, что на время предложения автор не был знаком с [14, 15] и другими работами в этом направлении наукометрии). В работе [15] принцип *долевой цитируемости* предложен не только для индекса Хирша h , но и для индекса Эгга g . Эти новые модификации индексов Хирша и Эгга обозначены соответственно h^* и g^* . При этом в данной работе утверждается, что в базе данных Web of Science «с недавнего времени уже введено в действие определение данного показателя» [15, с. 51]. Но известно, что в базе РИНЦ нет показателя, учитывающего количество соавторов. Также следует отметить, что индексы h^* и g^* , предложенные в [15], — целочисленные величины, т.е. округленные до целого числа показатели.

В работах [16, 17] предложены модификации индекса Хирша h , которые характеризуют среднюю цитируемость работ по определенной тематике

и учитывают количество соавторов публикаций, т.е. основаны на принципе *долевой цитируемости*. Эти модификации вычисляются по специальным формулам с применением программы Excel и обозначены h_{mod} и h_{norm} , они являются соответственно некой дробной модификацией индекса Хирша h^* и номированной модификацией индекса h^* , учитывающей *долевую цитируемость*. Показатели h_{mod} и h_{norm} могут быть дробными величинами.

АВТОРСКОЕ ПРАВО И ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА ХИРША

Индекс Хирша, как сказано выше, показывает сравнительную эффективность труда ученого или коллектива ученых. Но как уже отмечалось, по показателям подсчета индекса Хирша на основе баз данных РИНЦ не учитываются вклад отдельных ученых и их участие в коллективных публикациях при цитировании. Здесь очевидным образом возникает вопрос об авторском праве на публикацию.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики, как и законодательствами многих других стран [6], авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатами творческой деятельности, т.е. публикации ученых относятся к объектам авторского права. Поэтому действия по публикации трудов ученых, цитированию этих публикаций и т.д. подпадают под действия норм авторского права.

Сказанное выше и более обстоятельно приведенные в [7] причины позволили автору этой статьи предложить новый индекс цитирования, названный *индекс Хирша «плюс»*, или индекс $h+$, который учитывает индивидуальный вклад соавторов в публикацию при стандартной равномерной охране авторских прав на публикации и их цитирования.

При оценке цитируемости публикаций ученых показатели $h+$ будут не больше, а зачастую в несколько раз меньше соответствующих показателей h . В отличие от других долевых показателей, предложенных в работах [11–15], индекс $h+$ является дробным числом и вычисляется на основе индекса Хирша h . Алгоритм вычисления $h+$ аналогичен алгоритму вычисления h , но в данном случае «квадрат Хирша «плюс»», как правило, будет внутри «квадрата Хирша».

Применение индекса Хирша «плюс» ($h+$) было апробировано для оценки показателей цитируемости трудов членов Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР) по данным РИНЦ. Результаты показывают релевантность этих оценок в определении индивидуальных показателей публикационной активности ученых НАН КР [7].

Индекс $h+$ также не в полной мере учитывает влияние числа соавторов на индивидуальные показатели цитируемости научных публикаций авторов, необходимых при сравнительных оценках индексов цитирования отдельных авторов. Поэтому для сравнительной оценки индивидуальных индексов цитирования ученых и специалистов предлагается ввести *авторский коэффициент усреднения индексов* — k_c , равный кубическому корню из общего количества соавторов, на который делится соответствующий индекс Хирша или иной индекс цитирования конкретного автора; в итоге вычисляются h_{kc} , $h+_{kc}$ и другие сравнительные индексы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная наукометрия является необходимым инструментом для исследования и прогнозирования развития науки, управления ее развитием [1, 2]. Одними из показателей наукометрии, характеризующими эффективность деятельности ученых и исследователей, являются индексы цитирования, в частности наиболее распространенный на практике показатель — индекс Хирша, а также различные модификации индексов цитирования, в том числе индекс Хирша «плюс» для учета индивидуального вклада ученых и специалистов [4, 5, 8–18].

Для сравнительной оценки индивидуальных индексов цитирования ученых и специалистов предлагается ввести *авторский коэффициент усреднения индексов* k_c , равный кубическому корню из общего числа соавторов, на него делится соответствующий индекс Хирша или иной индекс цитирования конкретного автора, в итоге вычисляются h_{kc} , $h+_{kc}$ и другие сравнительные индексы.

Каждая из модификаций наукометрических индексов, рассмотренные выше, может быть использована для исследований публикационной активности ученых и специалистов в зависимости от специфики поставленных задач, сложности и удобства вычислений конкретных индексов публикационной активности.

При этом индексы цитирования, в частности наиболее востребованный индекс Хирша, вычисляются по конкретным базам данных. Для стран СНГ базовой является российская база данных РИНЦ, использование которой нероссийскими учеными имеет определенные ограничения, отмеченные выше. Тем не менее в настоящее время возможности РИНЦ широко используются учеными и научными учреждениями стран СНГ.

Конечно, каждая страна будет по возможности стремиться к созданию своей национальной базы данных для наукометрических исследований, в частности

для оценки цитирований публикаций своих ученых и научных коллективов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия: Изучение развития науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969. 192 с.
2. Грановский Ю.В., Дрогалина Ж.А., Маркова Е.В. В.В. Налимов и Российская наукометрия // Научно-ведческие исследования. 2014. № 2014. С. 80–91.
3. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output // PNAS. 2005. Vol. 102 (46). P. 16569–16572.
4. Михайлов О.В. Новая версия индекса Хирша — j-индекс // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84, № 6. С. 532–535.
5. Герасименко П.В. Модификации индекса Хирша для дифференцированной оценки результатов творческой деятельности ученых // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15, № 1. С. 55–71.
6. Оморев Р.О., Роман А. Введение в интеллектуальную собственность в Кыргызской Республике. Изд. 2-е. Бишкек: Илим, 2016. 388 с.
7. Оморев Р.О. Индекс Хирша в наукометрии и показатели цитируемости трудов членов НАН КР по базам данных РИНЦ // Известия НАН КР. 2017. № 1. С. 5–9.
8. Egghe L. Theory and practice of the g-index // Scientometrics. 2006. Vol. 69, No 1. P. 131–152.
9. Egghe L. Mathematical theory of the h- and g-index in case of fractional counting of authorship // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59, No 6. P. 1608–1616.
10. Петров А.Н. Новый показатель оценки научно-публикационной эффективности на основе наукометрических параметров базы РИНЦ // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10, № 4. С. 176–192.
11. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output that takes into account the effect of multiple coauthorship // Scientometrics. 2010. Vol. 85, No 3. P. 741–754.
12. Batista P.D., Campiteli M.G., Kinouchi O., Martine A.S. Is it possible to compare researchers with different scientific interests? // Scientometrics. 2006. Vol. 68, No 1. P. 179–189.
13. Shtovba S., Shtovba E. Simple Rational Extension of Hirsch h-index for disclosing latent facts in citation networks // Sociology of science and Technology. 2013. Vol. 4, No 4. P. 99–103.
14. Михайлов О.В. Нужна модификация самого популярного индекса цитируемости // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83, № 10. С. 943–944.
15. Михайлов О.В. О возможной модификации индексов Хирша и Эгга с учетом соавторства // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 3. С. 48–56.
16. Марвин С.В. Нормированная доленая цитируемость как универсальная характеристика научной публикации // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 1. С. 95–108.
17. Марвин С.В. Нормированный показатель публикацииционной активности, учитывающий количество соавторов научных публикаций // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7, № 4. С. 116–133.
18. Оморев Р.О. Правовые аспекты применения индексов и электронного управления при оценке публикацииционной активности ученых // E-Management. 2020. № 3. С. 13–19.

REFERENCES

1. Nalimov V.V., Mulchenko Z.M. Naukometrija: Izuchenie razvitiia nauki kak informacionnogo processa. M.: Nauka, 1969. 192 s.
2. Granovskij Yu.V., Drogalina Zh.A., Markova E.V. V.V. Nalimov i Rossijskaja naukometrija // Naukovedcheskie issledovaniia. 2014. No 2014. S. 80–91.
3. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output. PNAS. 2005. Vol. 102 (46). P. 16569–16572.
4. Mixajlov O.V. Novaja versija indeksa Hirsha — j-indeks // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2014. T. 84, No 6. S. 532–535.
5. Gerasimenko P.V. Modifikacii indeksa Hirsha dlja differencirovannoj ocenki rezul'tatov tvorcheskoj dejatel'nosti uchenyh // Upravlenie naukoi i naukometrija. 2020. T. 15, No 1. S. 55–71.
6. Omorov R.O., Roman A. Vvedenie v intellektual'nuju sobstvennost' v Kyrgyzskoj Respublike. Izd. 2-e. Bishkek: Ilim, 2016. 388 s.
7. Omorov R.O. Indeks Hirsha v naukometrii i pokazateli citiruемости трудов членов НАН КР по базам данных RINC // Izvestija NAN KR. 2017. No 1. S. 5–9.
8. Egghe L. Theory and practice of the g-index // Scientometrics. 2006. Vol. 69, no 1. P. 131–152.
9. Egghe L. Mathematical theory of the h- and g-index in case of fractional counting of authorship // Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59, No 6. P. 1608–1616.
10. Petrov A.N. Novyj pokazatel' ocenki nauchno-publikacionnoj jeffektivnosti na osnove naukometricheskikh parametrov bazy RINC // Sociologija nauki i tehnologii. 2019. T. 10, No 4. S. 176–192.
11. Hirsch J.E. An index to quantify an individual's scientific research output that takes into account the effect of

- multiple coauthorship // *Scientometrics*. 2010. Vol. 85, No 3. P. 741–754.
12. Batista P.D., Campiteli M.G., Kinouchi O., Martine A.S. Is it possible to compare researchers with different scientific interests? // *Scientometrics*. 2006. Vol. 68, No 1. P. 179–189.
13. Shtovba S., Shtovba E. Simple Rational Extension of Hirsch *h*-index for disclosing latent facts in citation networks // *Sociology of science and Technology*. 2013. Vol. 4, No 4. P. 99–103.
14. Mixajlov O.V. Nuzhna modifikacija samogo populjarnogo indeksa citiruемости // *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2013. T. 83, No 10. S. 943-944.
15. Mixajlov O.V. O vozmozhnoj modifikacii indeksov Hirsha i Jegga s uchetom soavtorstva // *Sociologija nauki i tehnologij*. 2014. T. 5, No 3. S. 48–56.
16. Marvin S.V. Normirovannaja dolevaja citiruемость kak universal'naja harakteristika nauchnoj publikacii // *Sociologija nauki i tehnologij*. 2016. T. 7, No 1. S. 95–100.
17. Marvin S.V. Normirovannyj pokazatel' publikacionnoj aktivnosti, uchityvajushhij kolichestvo soavtorov nauchnyh publikacij // *Sociologija nauki i tehnologij*. 2016. T. 7, № 4. S. 116-133.
18. Omorov R.O. Pravovye aspekty primenenija indeksov i jelektronnogo upravlenija pri ocenke publikacionnoj aktivnosti uchenyh // *E-Management*. 2020. No 3. S. 13–19.

АННОТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ВОЗМОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВА ИХ СВОБОДНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

THE LEGAL NATURE OF SCIENTIFIC ARTICLE ABSTRACTS

Вячеслав Станиславович ВИТКО

Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация,
vitko_v_s@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0001-9354-4207

Информация об авторе

В.С. Витко — кандидат юридических наук, доцент кафедры интеллектуальной собственности Московского университета имени А.С. Грибоедова

Аннотация. В статье рассмотрены подходы судебной практики и доктрины к условиям цитирования аннотаций к произведениям. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что для аннотаций целесообразно установить режим свободного использования.

Ключевые слова: заглавие, аннотация, часть произведения, самостоятельное произведение, производное произведение, цитирование, свободное использование

Для цитирования: Витко В.С. Аннотации произведений: правовая природа и возможности установления права их свободного использования // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 89–95; DOI: 10.17323/tis.2024.21717

Viacheslav S. VITKO

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation,
vitko_v_s@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0001-9354-4207

Information about the author

V.S. Vitko — Associate Professor of the Department of Intellectual Property, Candidate of the Legal Sciences A.S. Griboyedov Moscow University

Abstract. The article examines the approaches of judicial practice and doctrine to the conditions for quoting annotations to works. Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that it is advisable to establish a free use mode for annotations.

Keywords: title, abstract, part of the work, independent work, derivative work, citation, free use

For citation: Vitko V.S. Abstract of the Works: the Legal Nature and Possibilities of Establishing the Right of Their Free Use // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 89–95; DOI: 10.17323/tis.2024.21717

Прежде чем приступить к исследованию вопроса об условиях цитирования аннотаций произведений, необходимо определить, что мы будем понимать под аннотацией в настоящей статье.

Поскольку законодатель в части четвертой ГК РФ не дал ни признаков, ни определения понятия «аннотация», следует исходить из значения этого слова, предлагаемого толковыми словарями русского языка. В словаре С.И. Ожегова аннотация определяется как «краткое изложение содержания книги, статьи и т.п.» [1, с. 32]; содержание — то, что составляет сущность чего-нибудь, тема, основная суть изложения [1, с. 595]. Исходя из этого, под аннотацией следует понимать краткое изложение сущности произведения. Можно сказать, что аннотация — это общее представление произведения: о чем оно, какие темы (проблемы) затрагивает, каковы действующие лица и что с ними происходит. Произведение может и не иметь аннотации. В качестве примеров можно привести «Капитал» К. Маркса [2] и отдельные издания поэмы «Мертвые души» Н.В. Гоголя [3].

Поскольку мы задались вопросом цитирования аннотаций произведений, необходимо выяснить, что представляет собой аннотация с точки зрения авторского права. На взгляд автора этой статьи, аннотация к произведению может быть квалифицирована как 1) часть произведения, 2) производное произведение, 3) неохранный результат интеллектуальной деятельности. Полагаю, что сделанное предположение может быть отнесено к любым аннотациям, например аннотации к законодательному акту государственного органа, которая также может подлежать охране авторским правом [4, с. 28].

К представлению аннотации как *части произведения* устойчиво склоняется судебная практика. В качестве примера можно привести дело № А40-269679/2021, в котором ООО «Медиамузыка» заявила иск к Ассоциации «Национальный координационный центр обработки транзакций с правами и объектами интеллектуальной собственности» о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав на научно-литературные произведения: «Музыкальная история СМИ» (2010), «Джазовый ритм в музыке академической традиции» (2011), «Киномузыка: теория технологий» (2012), «Дра-

матургия песенного видеоклипа» (2012) (автор — А.В. Чернышов) путем воспроизведения и доведения до всеобщего сведения их названий и аннотационных частей.

Суды первой и апелляционной инстанций признали неправомерными действия ответчика по размещению на сайте ipchain.ru названий и аннотаций к произведениям, полагая, что ответчик использовал фрагменты произведений не способом цитирования в целях раскрытия творческого замысла автора, а способом доведения до всеобщего сведения — исключительно с последующей целью незаконного распространения их в интернете путем размещения гиперссылок на нелегальный контент.

Суд по интеллектуальным правам (СИП) не согласился с выводом судов, указав на то, что суд первой инстанции фактически квалифицировал названия и аннотации как части произведений, но при этом не исследовал, распространяются ли авторские права на данные названия и аннотации к произведениям, т.е. являются ли они по своему характеру самостоятельными результатами творческого труда автора [5]. Примечательно, что СИП как суд кассационной инстанции указал на необходимость исследования характера труда по созданию аннотаций в целях возможности их квалификации в качестве частей произведений в понимании п. 7 ст. 1259 ГК РФ, а не сослался на презумпцию творческого труда, в силу которой аннотация признается созданной творческим трудом, пока не доказано обратное [6, с. 33–38].

При новом рассмотрении дела суд первой инстанции заключил, что спорные части произведения (аннотация, название) лишь идентифицируют созданный автором объект авторского права, не являясь самостоятельными результатами, и, следовательно, не соответствуют критериям охраноспособности [7].

Автор согласен с выводом, что спорные аннотации произведений не подлежат охране авторским правом, но думает, что в его обоснование, с учетом неочевидности предположения, что аннотация лишь идентифицирует произведение, можно было бы привести другие доводы. Попробуем их сформировать, понимая под частью произведения фрагмент, созданный творческим трудом автора данного произведения и выражающий законченную мысль, связанную с идеей произведения [8, с. 74–105].

Спорная аннотация к статье А.В. Чернышова «Музыкальная история СМИ» выглядит так: «В данной статье рассматривается развитие музыкальных технологий в электронных средствах массовой информации, на радио и телевидении» [9, с. 70]. Едва ли данную аннотацию можно признать охраноспособной частью произведения. Во-первых, она пред-

ставляет собой сообщение о содержании статьи, а не изложение законченной мысли, поэтому в силу п. 6 ст. 1259 ГК РФ не является объектом авторского права. Во-вторых, не похоже, что она создана творческим трудом. В-третьих, аннотация не удовлетворяет специальному признаку части произведения, выработанному судебной доктриной, — узнаваемости как части конкретного произведения при ее использовании отдельно от произведения в целом (п. 81 Постановления Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

По этим же основаниям не могут быть признаны частями произведения в смысле п. 7 ст. 1259 ГК РФ и другие спорные аннотации. Например, аннотация к произведению «Джазовый ритм в музыке академической традиции»: «Статья посвящена рассмотрению элементов джазового ритма в контексте музыкальных произведений академической традиции европейских и американских композиторов (Равеля, Стравинского, Копланда, Бернштейна, Б. Чайковского, К. Сероцкого, Кейджа)» [10, с. 23].

Таким образом, аннотация к произведению далеко не всегда может быть признана частью произведения в смысле п. 7 ст. 1259 ГК РФ. Кроме создания творческим трудом необходимо, чтобы изложенная в аннотации мысль служила передаче идеи всего произведения.

Достаточно общая идея доктрины — возможность признания аннотации *производным произведением*. Так, по мнению Н.В. Щербак, к производным произведениям относятся «переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и другие результаты переработки произведений науки, литературы и искусства» [11, с. 263]. По всей видимости, позиция основана на норме п. 3 ст. 7 Закона РФ от 9 июля 1993 г. № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах», согласно которой объектами авторского права являются производные произведения, в частности переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и другие переработки произведений науки, литературы и искусства. Замечу, что, согласно § 101 Закона «Об авторском праве» США 1976 г. (Copyrights Law of 1976), аннотации подлежат охране в качестве производных произведений, основанных на одном или нескольких существующих произведениях.

Действующее законодательство, предлагая в подп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ примерный перечень различных видов производных произведений, не включает в него аннотации. Несмотря на это, автор данной

статьи также склоняется к мнению, что аннотация — это чаще всего не часть произведения, а производное произведение. Поскольку аннотации прямо не указаны в законе в качестве производных произведений, попробуем выяснить условия, при которых они могут быть квалифицированы в качестве таковых. При этом наряду с общими признаками произведения [создание творческим трудом (ст. 1257 ГК РФ); выражение в какой-либо объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ)] будем опираться на следующие специальные признаки производного произведения, выработанные в ряде работ:

- 1) изложение идеи (замысла) другого (оригинального) произведения;
- 2) использование другого (оригинального) произведения (или его частей), в том числе результата творческого труда, не охраняемого авторским правом в силу подп. 1–3 п. 6 ст. 1259, п. 2 ст. 1282 ГК РФ, путем воспроизведения или публичного исполнения;
- 3) неизменяемость вида формы изложения идеи (замысла) [12, с. 44–59].

С учетом предложенных признаков можно заключить, что в том случае, когда аннотация основана на самом произведении, т. е. изложена идея произведения с использованием воспроизведения его частей, ее следует квалифицировать как производное произведение.

По этой причине исключение законодателем аннотаций из перечня видов производных произведений следует поддержать, поскольку едва ли каждая аннотация является результатом творческого труда автора по изложению первоначальной идеи произведения. Замечу, что в случае признания аннотации производным произведением в силу закона само произведение и аннотация к нему должны рассматриваться как два независимых произведения, на которые возникают самостоятельные авторские права.

Может быть, предположение автора покажется читателю несколько дерзким, но кажется, как правило, аннотации к произведениям, в том числе, безусловно, талантливых авторов, ученых и писателей с мировыми именами, представляют собой *сообщения о содержании произведений*, поэтому не могут подлежать авторско-правовой охране в силу правила подп. 4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ как сообщения о событиях и фактах, имеющих исключительно информационный характер.

В качестве примера можно привести аннотацию к, несомненно, удачной в научном смысле книге Л. Ландау и Е. Лифшица «Статистическая физика»: «Книга представляет попытку систематического изложения статистической физики вместе с гидродина-

микой, главным образом на основе метода Гиббса — метода, наиболее общего и применимого ко всем вопросам статистической физики. Книга рассчитана на студентов физических отделений университетов и педагогических институтов, а также тех вузов, где проходится теоретическая физика. Для чтения книги необходимо знание дифференциального и интегрального исчисления, основ теоретической механики, а также общего курса физики» [13]. Сомнительно, что эта аннотация является кратким изложением главных мыслей книги, и поэтому вряд ли она может быть признана частью произведения в понимании п. 7 ст. 1259 ГК РФ.

Другой пример — аннотация к книге академика Л.Д. Ландау «Собрание трудов»: «В собрание трудов выдающегося советского физика Л.Д. Ландау вошли почти все его научные статьи, опубликованные в различное время на русском и иностранных языках. Часть работ публикуется на русском языке впервые. Издание представляет значительный интерес для научных работников в области физики, преподавателей вузов, студентов университетов» [14]. Также едва ли можно говорить о том, что аннотация, составленная, по всей видимости, комиссией по изданию трудов ученого, передает или развивает идеи, изложенные в блестящих статьях академика Л.Д. Ландау. Она лишь информирует о содержании издания и очерчивает круг читателей, которым могут быть полезны статьи.

Кроме общей аннотации к «Собранию трудов» вошедшие в него статьи предварялись собственными аннотациями. Так, аннотация к статье «К теории звезд» (1932) («С теоретической точки зрения рассмотрена природа равновесия звезды» [14, с. 86]) является скорее сообщением о предмете исследования, чем изложением идеи, и поэтому не может подлежать охране авторским правом. Напротив, иной характер имеет аннотация к статье, написанной совместно с М.П. Бронштейном, «Второй закон термодинамики и Вселенная» (1933): «Обсуждается необратимость термодинамических явлений. Оказывается, что эта необратимость, равно как и вообще физическое различие между обоими направлениями времени (прошедшим и будущим), может быть объяснена только в том случае, если во Вселенной существуют области, в которых не выполняются теории, ведущие к термодинамике (классическая и волновая механики)» [14, с. 92]. В ней кроме темы исследования объяснена необратимость термодинамических явлений, поэтому аннотацию следует квалифицировать в качестве части научного, по характеру, произведения. Таким образом, аннотация к произведению, когда является сообщением о содержании произведения, в силу подп. 4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ представляет собой неохранные-

мый результат интеллектуальной деятельности и поэтому может использоваться свободно.

В качестве резюме можно заключить, что аннотация к произведению может быть квалифицирована в качестве:

- 1) *части произведения* — когда мысль, творчески изложенная в аннотации, служит передаче идеи всего произведения;
- 2) *производного произведения* — при условии удовлетворении аннотации следующим признакам:
 - а) изложение идеи созданного произведения;
 - б) использование частей созданного произведения путем воспроизведения;
- 3) *неохраняемого результата интеллектуальной деятельности* — когда аннотация является лишь сообщением о содержании произведения.

Теперь рассмотрим правовые подходы судов к возможности цитирования аннотаций произведений. Но прежде необходимо представить взгляд судебной практики на понятие «цитирование». Примечательным видится дело № А40-69432/2015 (ООО «Проспект» против НОУ ВО Московский технологический институт), в котором Суд по интеллектуальным правам, опираясь на правовую позицию Верховного Суда РФ [15], согласно которой 1) цитирование производится для иллюстрации, подтверждения или опровержения высказываний автора; 2) под цитированием понимается включение одного или нескольких отрывков из произведения одного автора в произведение другого автора, сформулировал следующий подход: цитирование возможно только в другом (собственном) произведении. В случае отсутствия собственного результата творческого труда (произведения) воспроизведение спорного произведения (или его частей) является не цитированием, а копированием [16].

Таким образом, позиция Суда по интеллектуальным правам предельно ясна: *цитированием является воспроизведение другого произведения (или его частей) в собственном результате творческого труда (произведении)*.

Аналогичный подход был сформулирован Судом по интеллектуальным правам в деле № А40-267527/2021 (ООО «Медиамузыка» против ФГБУ «Российская академия наук» и ФГБУН Центральный экономико-математический институт Российской академии наук): *использование фрагментов произведения в информационных целях — вне контекста иного произведения — не может трактоваться как цитирование, не может свидетельствовать о раскрытии творческого замысла автора, поскольку раскрытие творческого замысла цитируемого фрагмента проис-*

ходит исключительно через контент, в который этот фрагмент вставлен [17].

При этом выводе суда сложно согласиться с тем, что раскрытие замысла цитаты происходит исключительно через контент, в который цитата вставлена. Получается, что, например, воспроизведение лозунга «Вся власть Учредительному собранию!» А.А. Блоком в собственном результате творческого труда — поэме «Двенадцать» (1918): «От здания к зданию / Протянут канат. / На канате — плакат: “Вся власть Учредительному собранию!” ...» является цитированием, поскольку мысль цитаты якобы раскрывается через фрагмент поэмы («контент»). В случае, когда лозунг воспроизведен сам по себе (например, на плакате), такое использование нельзя признать цитированием.

Думается, что для раскрытия замысла (мысли) автора необходимо и достаточно воспроизвести саму по себе фразу, содержащую его мысль, например воспроизвести на транспаранте: «Вся власть Учредительному собранию!» или «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [18, с. 459]. Другое дело, что в смысле ст. 1274 ГК РФ воспроизведение фразы как таковой, пусть даже объясняющей мысль, не будет признаваться цитированием, которым, в нашем понимании, является представление мысли автора произведения, связанной с суждением цитирующего лица [19, с. 4–11]. Едва ли правильно думать, что цитирование «может пониматься не только как включение фрагмента... в какое-либо другое произведение, но и как отсылка к существующему произведению в принципе» [20, с. 51]. Это мнение, кажется, противоречит ГК РФ: ведь необходимое условие цитирования — воспроизведение другого произведения (или его части) в своем произведении. В противном случае, если допустить цитирование произведения (или его части) без создания собственного произведения, возникает возможность незаконного использования чужих произведений под прикрытием права цитирования.

Подытоживая, замечу, что при поддержке выработанной Судом по интеллектуальным правам позиции в целом (цитирование — это воспроизведение другого произведения в собственном произведении) не правильнее ли считать, что цитирование возможно не только в создаваемом произведении, а в любом результате интеллектуальной деятельности, который не обязательно должен являться произведением (к примеру, в обыкновенном разговоре, причем с соблюдением установленных законом правил). В качестве примера приведу письмо А.С. Пушкина жене от 27 июня 1834 г., начинающееся предложением: «Ваше бла-

городие всегда понапрасну лаяться изволите (*Недоросль*)» [21, с. 494]. Выражение «лаяться изволите» взято из комедии «Недоросль» Д.И. Фонвизина [22, с. 99], о чем поэт посчитал необходимым уведомить.

Если это так, то цитирование можно определить как представление (изложение) мысли автора путем воспроизведения или публичного исполнения произведения (или его части), связанной с суждением цитирующего лица, в собственном результате интеллектуальной деятельности.

Завершая анализ правового подхода Суда по интеллектуальным правам, считаю возможным поддержать сформированное им положение, согласно которому цитированием является включение одного или нескольких отрывков (частей) из произведения одного автора в результат интеллектуального труда другого автора. По этой причине воспроизведение аннотаций произведений без создания собственного произведения является незаконным.

На взгляд автора этой статьи, использование аннотаций произведений должно быть свободным, поскольку аннотации дают потребителям необходимую информацию о произведениях, облегчает доступ к ним и тем самым служит интересам общества, которое объективно заинтересовано в развитии науки, не причиняя при этом имущественного вреда правообладателям. Более того, как справедливо заметил Д.В. Кожемякин, распространение аннотаций произведений служит интересам правообладателя, поскольку стимулирует к использованию полнотекстовой публикации [20, с. 52].

Принимая во внимание, что целью института свободного использования произведений является обеспечение права общества на доступ к информации при условии соблюдения прав авторов и правообладателей, считаю целесообразным установить новый способ свободного использования произведений: свободное использование аннотаций к произведениям науки, литературы и искусства при условии указания автора произведения. Предлагаемое правило согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 24 марта 2023 г. № 10-П, согласно которой «интеллектуальные права подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды, в том числе в целях утверждения в Российской Федерации конституционно значимых ценностей [23].

Кроме того, рассматриваемое ограничение исключительного права соответствует общим правилам установления такого рода ограничений, предусмотренного так называемым трехступенчатым тестом (ст. 9 Бернской конвенции об охране литератур-

ных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г.): исключение устанавливается для особого случая (использования аннотаций произведений), не вступает в противоречие с обычным использованием произведения и необоснованно не ущемляет законные интересы правообладателя, поэтому наша страна как участница Бернского союза может установить такое ограничение.

Реализация предлагаемого правила, как справедливо заметил А.Н. Козырев, послужит восстановлению баланса прав и интересов разных категорий участников экосистемы авторского права: авторов, издателей, электронных библиотек и общества в целом [24, с. 92, 95].

Замечу, что ранее действующим законодательством был установлен такой случай использования произведения без согласия автора и без уплаты авторского вознаграждения, как информация в периодической печати, кино, по радио и телевидению о выпущенных в свет произведениях литературы, науки и искусства, в том числе в виде аннотаций, рефератов, обзоров и в иных документально-информационных формах (п. 3 ст. 492 ГК РСФСР).

В завершение считаю возможным сформулировать вывод о том, что авторско-правовая охрана аннотаций противоречит самому смыслу их существования — доведения до сведения публики содержания произведения в целях привлечения внимания к созданному произведению. По этой причине аннотации к произведениям должны использоваться свободно.

Поскольку этот вопрос требует решения на законодательном уровне, подп. 7 п. 1 ст. 1274 ГК РФ мог бы иметь следующую редакцию:

«7) запись на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, и доведение до всеобщего сведения авторефератов диссертаций, аннотаций произведений».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2018.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат. 1983.
- Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма. М.; Л.: Гос. изд-во детской лит-ры Министерства просвещения РСФСР, 1953.
- Тазетдинова Л.Д. Аннотация к законодательному акту: объект авторского права или нет // Юридическая наука. 2020. № 4.
- Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 ноября 2022 г. № С01-1549/2022 по делу № А40-269679/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
- Витко В. Распространяется ли презумпция творчества на часть произведения? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 4.
- Решение арбитражного суда г. Москвы от 2 февраля 2023 г. по делу № А40-269679/21-12-1851 // СПС «КонсультантПлюс».
- Витко В.С. Попытка толкования вопросов, возникающих при применении п. 7 ст. 1259 ГК РФ // Хозяйство и право. 2022. № 9.
- Чернышов А.В. Музыкальная история СМИ // Вестник Челябинского гос. ин-та культуры и искусств. 2010. № 2 (22).
- Чернышов А.В. Джазовый ритм в музыке академической традиции // Южно-российский музыкальный альманах. 2011. № 2 (9).
- Щербак Н.В. Авторские и смежные права в системе интеллектуальных прав: Дис. ... докт. юр. наук. М., 2022.
- Витко В.С. Комментарий правовых подходов, сформированных Судом по интеллектуальным правам по вопросам производных произведений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. Сентябрь. Вып. 3 (41).
- Ландау Л., Лифшиц Е. Статистическая физика. Изд. 2-е, перераб. М.; Л.: Гос. изд-во технико-теоретической лит-ры, 1940.
- Ландау Л.Д. Собрание трудов / под ред. Е.М. Лифшица. М.: Наука 1969.
- Определение Верховного Суда РФ от 5 декабря 2003 г. по делу № 78-Г03-77 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11 апреля 2016 г. по делу № А40-69432/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
- Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 февраля 2023 г. по делу № А40-267527/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955.
- Витко В.С. К вопросу разграничения понятий «цитирование» и «иллюстрирование» // Юрист. 2021. № 9.
- Кожемякин Д.В. Свободное использование произведений в университетской среде: риски и перспективы // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2023. № 4.
- Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд-е 3-е. Т. 10. Письма. М.: Наука, 1965.
- Фонвизин Д.И. Недоросль. М.: Эксмо, 2021.

23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2023 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности п. 4 ст. 1370 ГК РФ и п. 3 Правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, служебные полезные модели, служебные промышленные образцы в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Гидробур-Сервис» // СПС «КонсультантПлюс».
24. Козырев А.Н. Авторское право становится токсичным. Что делать? // Цифровая экономика. 2022. № 2 (18).

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. prof. L.I. Skvortsova. 27-e izd., ispr. M.: Mir i obrazovanie, 2018.
2. Marks K. Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. I. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala. M.: Politizdat, 1983.
3. Gogol' N.V. Mertvye dushi. Poema. M.; L.: Gos.izd-vo detskoj lit-ry Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1953.
4. Tazetdinova L.D. Annotaciya k zakonodatel'nomu aktu: ob"ekt avtorskogo prava ili net // Yuridicheskaya nauka. 2020. No 4.
5. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 11 noyabrya 2022 g. No S01-1549/2022 po delu No A40-269679/2021 // SPS "Konsul'tantPlyus".
6. Vitko V. Rasprostranyaetsya li prezumpciya tvorchestva na chast' proizvedeniya? // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2022. No 4.
7. Reshenie arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 2fevralya 2023 g. po delu No A40-269679/21-12-1851 // SPS "Konsul'tantPlyus".
8. Vitko V.S. Popytka tolkovaniya voprosov, vznikayushchih pri primenении p. 7 st. 1259 GK RF // Hozyajstvo i pravo. 2022. No 9.
9. Chernyshov A.V. Muzykal'naya istoriya SMI // Vestnik CHGAKI. 2010. No 2 (22).
10. Chernyshov A.V. Dzhazovyj ritm v muzyke akademicheskoy tradicii // Yuzhno-rossijskij muzykal'nyj al'manah. 2011. No 2 (9).
11. Shcherbak N.V. Avtorskie i smezhnye prava v sisteme intellektual'nyh prav: Dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2022.
12. Vitko V.S. Kommentarii pravovyh podhodov, sformirovannyh Sudom po intellektual'nym pravam po voprosam proizvodnyh proizvedenij // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2023. Sentyabr'. Vyp. 3 (41).
13. Landau L., Lifshic E. Statisticheskaya fizika. Izd. vtoroe, pererab. M.; L.: Gos. izd-vo tekhniko-teoreticheskoy lit-ry, 1940.
14. Landau L.D. Sobranie trudov / pod red. E.M. Lifshica. M.: Nauka, 1969.
15. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 5 dekabrya 2003 g. po delu No 78-G03-77 // SPS "Konsul'tantPlyus".
16. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 11 aprelya 2016 g. po delu No A40-69432/2015 // SPS "Konsul'tantPlyus".
17. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 8 fevralya 2023 g. po delu No A40-267527/2021 // SPS "Konsul'tantPlyus".
18. Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 4. Gos. izd-vo polit. lit-ry. M., 1955.
19. Vitko V.S. K voprosu razgranicheniya ponyatij "citirovanie" i "illyustrirovaniye" // Yurist. 2021. No 9.
20. Kozhemyakin D.V. Svobodnoye ispol'zovanie proizvedenij v universitetskoj srede: riski i perspektivy // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. 2023. № 4.
21. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij v 10 tomah. Izd-e 3-e. T. 10. Pis'ma. M.: Nauka, 1965.
22. Fonvizin D.I. Nedorosl'. M.: Eksmo. 2021.
23. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 24 marta 2023 g. No 10-P | "Po delu o provere konstitucionnosti p. 4 st. 1370 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii i p. 3 Pravil vyplaty voznagrazhdeniya za sluzhebnye izobreteniya, sluzhebnye poleznye modeli, sluzhebnye promyshlennye obrazcy v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Gidrobur-Servis" // SPS "Konsul'tantPlyus".
24. Kozыrev A.N. Avtorskoe pravo stanovitsya toksichnym. Chto delat'? // Cifrovaya ekonomika. 2022. № 2 (18).

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА КИТАЯ В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ПЛАТФОРМАХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ С ПРЯМЫМИ ТРАНСЛЯЦИЯМИ¹ STUDY ON CHINA'S EXPERIENCE IN PROTECTING INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS ON LIVE STREAMING E-COMMERCE PLATFORMS²

Анна Владимировна ПОКРОВСКАЯ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Юридический институт, Москва, Россия,
1142220181@pfur.ru,
ORCID 0009-0002-6473-2027

Информация об авторе

А.В. Покровская — аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, эксперт патентной практики ЦИС «Сколково»

Аннотация. В статье исследован опыт Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности (ИС) на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Растущая популярность электронной коммерции и повышение значимости цифрового контента создают новые вызовы в области защиты интеллектуальной собственности. Китай как одна из ведущих экономических держав имеет значительный опыт в этой области. В статье рассмотрены законодательные и нормативные акты, принятые Китаем для обеспечения защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Проанализировано применение таких мер, как обязанности платформы по контролю контента, мониторингу нарушений, удалению нарушающего контента и сотрудничеству с правообладателями. Особое внимание уделено эффективности принятых мер и их влиянию на снижение числа нарушений прав ИС. Изучены судебная практика и решения судов, связанные с нарушением прав ИС на платформах элек-

- тронной коммерции с прямыми трансляциями в Китае.
- Описано дело компании Saishi Trading (Shanghai) Co., Ltd. (Saishi) против Hongyu и Bytedance. Проанализированы законы и нормативные акты об интеллектуальной собственности, относящиеся к прямой трансляции, правовой статус электронной коммерции в прямом эфире, механизмы защиты прав ИС.
- Результаты исследования дают возможность сделать выводы о положительных и отрицательных аспектах опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Это позволяет выявить перспективы и сформулировать рекомендации для других стран, которые сталкиваются с подобными вызовами и стремятся разработать эффективные меры защиты прав ИС в сфере электронной коммерции.

- **Ключевые слова:** электронная коммерция, использование прямых трансляций, операторы платформ электронной коммерции, нарушение прав интеллектуальной собственности

- **Для цитирования:** Покровская А.В. Исследование опыта Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 96–108; DOI: 10.17323/tis.2024.21718

Anna V. POKROVSKAYA

- Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Law Institute, Moscow, Russia,
1142220181@pfur.ru,
• ORCID: 0009-0002-6473-2027

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

² The research was supported by Russian Science Foundation grant No 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

Information about the author

A.V. Pokrovskaya — postgraduate student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law, expert in Patent Practice, Intellectual Property Center “Skolkovo”

Abstract. This article investigates China’s experience in protecting intellectual property rights on live streaming e-commerce platforms. The growing popularity of e-commerce and the increasing importance of digital content create new challenges in the field of intellectual property protection. China, as one of the leading economic powers, has significant experience and features in this area. This article examines the laws and regulations provided by China to ensure the protection of intellectual property rights on live streaming e-commerce platforms. The application of measures such as the platform’s obligations to control content, monitor infringement, remove infringing content and cooperate with rights holders is analysed. Particular attention is paid to the effectiveness of the measures taken and their impact on reducing infringement of intellectual property rights. Examines the jurisprudence and court decisions related to intellectual property infringement on live streaming e-commerce platforms in China. The article Describes the case of Saishi Trading (Shanghai) Co., Ltd. (Saishi) v. Hongyu and Bytedance. The intellectual property laws and regulations relating to live broadcasting, the legal status of live broadcasting e-commerce, and IP protection mechanisms are analysed.

The results of the study allow us to draw conclusions about the positive and negative aspects of China’s experience in protecting intellectual property rights on live streaming e-commerce platforms. This provides perspectives and recommendations for other countries facing similar challenges and seeking to develop effective measures to protect intellectual property rights in e-commerce.

Keywords: e-commerce, use of live streaming, e-commerce platform operators, infringement of intellectual property rights

For citation: Pokrovskaya A.V. Study on China’s Experience in Protecting Intellectual Property Rights on Live Streaming E-commerce Platforms // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 96–108; DOI: 10.17323/tis.2024.21718

ВВЕДЕНИЕ

Электронная коммерция с прямыми трансляциями становится все более популярной и важной в мире бизнеса. Однако вместе с ее ростом возникают и сложности в области защиты прав интеллектуальной собственности (ИС) на таких платформах. Китай в этом контексте представляет особый интерес, так как является одной из ведущих стран в области электронной коммерции и в то же время активно работает над совершенствованием своей системы защиты прав ИС [1].

Исследование опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями имеет большое значение для понимания эффективных механизмов регулирования и решения проблем, связанных с нарушениями прав ИС в данной сфере. Китай является потрясающим примером страны, которая активно принимает меры по защите прав ИС на электронных платформах, включая трансляции в режиме реального времени.

Исследование позволит рассмотреть особенности китайской системы защиты прав ИС, такие как законодательные и нормативные акты, судебная практика, интеллектуальные права в сфере электронной коммерции и меры, принимаемые платформами для борьбы с нарушениями прав ИС. Более того, оно поможет выявить успешные подходы и сделать выводы о том, какие из них могут быть применимы в других странах или регионах для эффективной защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями.

Изучение опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями представляет собой важную область исследования, способную принести практическую пользу и помочь укрепить защиту прав ИС на международном уровне. Исследование опыта Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями также позволит проанализировать основные вызовы, с которыми сталкиваются правообладатели и платформы в данной сфере. В статье будут рассмотрены такие проблемы, как недостаток эффективных механизмов обнаружения и пресечения нарушений прав ИС, возможность оперативного ре-

агирования на жалобы и запросы правообладателей, привлечение нарушителей к ответственности.

Китайский опыт также демонстрирует важность активного сотрудничества между правообладателями и платформами в борьбе с нарушениями прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Взаимодействие между сторонами, основанное на добровольном сотрудничестве и обмене информацией, может существенно повысить эффективность защиты прав ИС и содействовать развитию честной конкуренции на рынке.

Исследование также включает в себя изучение мер, принятых Китаем для повышения осведомленности и образования в области защиты прав ИС. Развитие профессиональных образовательных программ для правообладателей, платформ и пользователей электронной коммерции может значительно улучшить понимание и соблюдение прав интеллектуальной собственности.

Исследование опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями имеет практическую значимость для стран, желающих разработать и улучшить свою систему защиты прав ИС. Приобретение знаний о лучших практиках Китая и их адаптация к собственным условиям и потребностям могут способствовать развитию инноваций, защите правообладателей и созданию конкурентоспособной электронной коммерции с прямыми трансляциями.

Таким образом, исследование опыта Китая в данной области не только поможет разработать рекомендации и практики для других стран, но и будет способствовать обмену знаниями и улучшению международного сотрудничества в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Это важный шаг в обеспечении справедливости, инноваций и устойчивого развития в глобальной сфере электронной коммерции.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Тема исследования имеет большое значение для развития электронной коммерции в мировом масштабе. В данном литературном обзоре рассмотрены основные аспекты исследования, а также представлена методология, применяемая для его проведения.

Электронная коммерция стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Однако проблема защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями — одна из главных преград на пути дальнейшего развития данной отрасли. Опыт Китая в этой области может служить ценным источником знаний для других стран.

Наиболее значимыми источниками информации и мнений по исследуемой теме являются монографии, научные статьи и публикации в специализированных журналах. Авторы, изучившие данную проблему, представили разнообразные точки зрения и подходы к защите прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Были проанализированы исследования, проведенные в Китае и других странах, а также применен комплексный подход для выявления основных трендов и проблем в данной области.

Одной из ключевых проблем, выявленных в ходе литературного обзора, является необходимость разработки эффективных механизмов защиты прав ИС на платформах электронной коммерции. Авторы исследований отмечают, что Китай сделал значительные усилия в этом направлении, принимая законы и внедряя новые технологии. Однако существуют определенные проблемы и несовершенства в правовой системе, которые требуют дальнейшего изучения и усовершенствования.

Важнейшим аспектом понимания эффективности защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями в Китае является изучение действующей законодательной и нормативной базы. Ванг и Чжан (2019) рассматривают развивающуюся правовую систему Китая, в частности законы об интеллектуальной собственности и их влияние на защиту цифрового контента на платформах потоковой электронной коммерции. Они подчеркивают значительные изменения, внесенные в Закон об авторском праве и Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией, которые укрепили правовую базу для защиты прав ИС.

Другим значимым аспектом защиты прав ИС являются эффективные механизмы правоприменения и средства правовой защиты. Ли и Лю (Li and Liu, 2018) исследуют правоприменительные действия, предпринятые китайскими властями против нарушения авторских прав на платформах потокового вещания. Они изучают роль административных правоприменительных органов, таких как Национальное управление по авторским правам и Бюро по авторским правам в интернете, в борьбе с нарушениями интеллектуальной собственности в цифровой сфере, анализируют эффективность этих правоприменительных мер и предлагают пути совершенствования стратегий правоприменения.

Появление новых технологий создало как проблемы, так и возможности для защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Чен и др. (Chen et al., 2020) рассматривают роль искусственного интеллекта (ИИ) и технологии блокчейн в решении проблем нарушения авторских прав. Они предлагают системы распознавания контента на основе ИИ для обнаружения и отметки несанкционированного использования материалов, защи-

ценных авторским правом, во время прямых трансляций. Кроме того, они обсуждают потенциал технологии блокчейн в создании прозрачных и неизменяемых записей о правах собственности и транзакциях, что позволяет усилить защиту ИС.

Повышение осведомленности общественности о важности соблюдения прав интеллектуальной собственности имеет решающее значение для эффективной защиты прав ИС. Сюй и Ванг (Xu and Wang, 2017) исследуют роль общественных образовательных кампаний и кампаний, проводимых отраслевыми ассоциациями, в изменении поведения людей в отношении потребления пиратского контента. Они анализируют влияние этих кампаний на отношение общества к пиратству и модели потребления, проливая свет на важность проактивных образовательных стратегий для предотвращения нарушений ИС.

В современном взаимосвязанном мире международное сотрудничество играет жизненно важную роль в защите прав ИС на платформах электронной коммерции, транслирующих потоковое видео. Чжан и Ву (Zhang and Wu, 2018) исследуют участие Китая в глобальном управлении интеллектуальной собственностью и роль двусторонних и многосторонних соглашений в содействии трансграничному сотрудничеству. Они подчеркивают участие Китая в таких инициативах, как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), в формировании благоприятной глобальной среды для защиты прав ИС.

В литературе показано, что Китай добился значительного прогресса в защите прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Благодаря пересмотру законодательства, правоприменительным мерам, технологическим решениям, кампаниям по информированию общественности и международному сотрудничеству Китай укрепил свою экосистему защиты прав ИС. Тем не менее еще есть возможности для совершенствования, особенно в решении новых проблем, связанных с быстро развивающимися технологиями и трансграничными нарушениями. Для обеспечения эффективной и всеобъемлющей защиты прав ИС в условиях цифровой экономики необходимы дальнейшие исследования и сотрудничество.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методология исследования основана на системном анализе множества литературных источников, включая научные статьи, репортажи, аналитические обзоры и законодательные акты. Данный подход позволяет получить комплексное представление о современном со-

стоянии исследуемой проблемы, а также выделить наиболее значимые аспекты для дальнейшего изучения.

Для исследования опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями была использована сочетанная методология, включающая в себя несколько этапов.

1. Обзор и анализ актуальной научной литературы.

Изучены исследования, опубликованные в научных журналах, материалах конференций, и специализированные публикации. Анализировались работы, посвященные политическим и правовым аспектам защиты прав ИС в Китае.

2. Анализ законодательных и нормативных актов.

Проведен анализ законов и правил, регулирующих защиту прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями в Китае. Это позволило оценить эффективность действующей системы защиты.

3. Изучение практики исследования решений судов.

Проанализирована судебная практика и решения, связанные с нарушениями прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Это позволило оценить действенность правовых мер и их влияние на решение конкретных юридических случаев.

4. Подведение итогов и формирование выводов.

На основе собранных данных и проведенного анализа были сформулированы выводы и рекомендации по совершенствованию системы защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями.

Методология исследования, примененная в данной статье, позволяет достичь объективности и точности полученных результатов, а также предоставить полную картину опыта Китая в области защиты прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями.

Исследование опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями является важным шагом к пониманию и решению проблемы защиты прав в цифровом мире. Результаты этого исследования могут быть использованы для разработки эффективных механизмов защиты прав ИС в других странах, решения существующих проблем и содействия развитию электронной коммерции в целом.

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПРАВОВЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

В Китае защита прав интеллектуальной собственности в электронной коммерции с прямыми трансляциями осуществляется на основе нескольких законо-

дательных актов. Одними из ключевых документов являются Закон об авторских правах Китая [2], принятый в 1990 г., а также последующие изменения и дополнения к нему. Этот закон определяет правовой статус авторов и других правообладателей, а также устанавливает основные принципы защиты авторских прав, включая права на аудиовизуальные произведения, которые могут быть представлены в виде прямых трансляций в электронной коммерции.

Также стоит упомянуть законодательные акты, регулирующие непосредственно электронную коммерцию, такие как Закон об электронной коммерции Китая [3], который вступил в силу в 2004 г., и Закон о защите прав потребителей, принятый в 2013 г. Оба этих закона содержат положения, касающиеся ответственности платформ электронной коммерции и продавцов за нарушение прав ИС.

Законодательство Китая предусматривает ответственность платформ электронной коммерции и продавцов за нарушение прав ИС [4]. Платформы несут ответственность за предоставление условий и средств для нарушения прав ИС, а также за необходимость предпринимать действия для пресечения таких нарушений.

В соответствии с Законом об авторских правах Китая платформы электронной коммерции обязаны устанавливать эффективные меры для предотвращения и пресечения нарушений авторских прав [5]. Если платформа получает уведомление от правообладателя о нарушении его прав, она должна незамедлительно принять меры, включая удаление или блокировку доступа к нарушающим материалам. В случае невыполнения этих обязательств платформа может быть признана совместно ответственной за нарушение авторских прав [6].

Существуют положения, касающиеся ответственности продавцов на платформах электронной коммерции. Закон об электронной коммерции устанавливает требования к продавцам, включая обязанность не нарушать права интеллектуальной собственности других лиц при продаже товаров [4]. Продавцы несут ответственность за нарушение прав ИС в случае установления факта нарушения их правообладателями.

Действенность и эффективность правовых инструментов в Китае в защите прав ИС в электронной коммерции с прямыми трансляциями являются предметом обсуждения [7]. В последние годы Китай предпринимает значительные усилия для улучшения своей системы защиты прав ИС, однако все еще существуют вызовы и проблемы.

Один из главных вызовов заключается в обнаружении и пресечении нарушений прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Интернет-пространство постоянно развивается, и нару-

шители становятся все более изобретательными в своих методах обхода защитных механизмов. Это требует совершенствования технологий и методов обнаружения нарушений и предотвращения их распространения.

Также вызовом является оперативное реагирование на жалобы и запросы правообладателей [8]. Важно, чтобы платформы электронной коммерции с прямыми трансляциями были готовы оперативно рассматривать и решать такие жалобы и обеспечивать эффективную коммуникацию с правообладателями.

Для оценки эффективности правовых инструментов также важно учитывать предупреждение и наказание нарушителей [9]. Несмотря на наличие законов и положений, не всегда удается привлечь нарушителей к ответственности или назначить им соответствующую санкцию, поэтому необходимо улучшать механизмы судебных разбирательств и государственного контроля за соблюдением прав ИС.

В целом, Китай предпринимает значительные усилия для защиты прав ИС в электронной коммерции с прямыми трансляциями. Однако дальнейшее развитие и совершенствование правовых инструментов, а также усиление сотрудничества между правообладателями и платформами требуют повышения эффективности защиты прав ИС в данной сфере.

АНАЛИЗ ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Рассмотрение опыта успешной борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности на китайских платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями

Китайские платформы электронной коммерции с прямыми трансляциями, такие как Alibaba Group и JD.com, столкнулись с серьезными проблемами нарушения прав ИС. Чтобы справиться с этими проблемами, они разработали различные стратегии и меры, которые оказались успешными.

Одной из ключевых стратегий является активное сотрудничество с правообладателями. Платформы электронной коммерции установили тесные рабочие связи с различными компаниями, зарегистрированными товарными знаками и владельцами авторских прав, чтобы эффективно противодействовать нарушениям [7]. Они предоставили правообладателям возможность регистрировать свои товарные знаки и авторские права на платформах, что позволило им легко отслеживать и пресекать нарушения. Кроме того, они создали механизмы быстрого реагирования на жалобы правообладателей и незамедлительного удаления нарушающего контента.

Еще одной важной стратегией стало повышение осведомленности пользователей о вреде наруше-

ния прав ИС. Платформы электронной коммерции проводили информационные кампании, чтобы обучать пользователей уважать права других участников и предупреждать о последствиях нарушений. Они также предоставляли образовательные материалы и руководства для правообладателей, которые помогли им разобраться с процессом защиты своих прав.

Также стоит отметить, что платформы электронной коммерции сотрудничают с правоохранительными органами для борьбы с нарушениями прав ИС и привлечения нарушителей к ответственности.

Анализ договорных отношений между платформами и правообладателями, направленных на поддержку их сотрудничества в защите прав интеллектуальной собственности

Договорные отношения между платформами электронной коммерции и правообладателями играют важную роль в достижении сотрудничества и защите прав ИС. В этих отношениях определены взаимные обязательства и права сторон [10].

Одним из ключевых элементов в договорных отношениях является установление механизмов для регистрации прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции. Правообладатели могут зарегистрировать свои товарные знаки и авторские права, а платформы обязуются предоставить им соответствующие инструменты и возможности для эффективного контроля и защиты своих прав.

Договорные отношения также определяют обязательства платформы быстро реагировать на жалобы правообладателей [11]. Платформы обязуются незамедлительно рассматривать жалобы, проводить расследование и удалять нарушающий контент, если таковой будет обнаружен. Это позволяет правообладателям эффективно бороться с нарушениями и защищать свои права ИС.

Также в рамках договорных отношений могут быть предусмотрены механизмы компенсации для правообладателей, если их права ИС были нарушены на платформе. Платформы могут обязаться выплачивать компенсацию или предоставлять возможность для возмещения ущерба в случае подтвержденных нарушений. Это способствует привлечению большего количества правообладателей к сотрудничеству с платформами и повышению эффективности защиты прав ИС.

Идентификация ключевых факторов успеха и проблемных вопросов при использовании этих практик

Основные факторы успеха при использовании практик борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности на китайских платформах электрон-

ной коммерции с прямыми трансляциями включают в себя [6]:

- активное сотрудничество с правообладателями, что позволяет эффективно обнаруживать нарушения и пресекать их. Регулярное взаимодействие, передача данных и обучение помогают платформам эффективно предоставлять услуги защиты прав ИС;
- внедрение платформами электронной коммерции различных технологий, таких как машинное обучение и искусственный интеллект, для автоматического обнаружения и удаления нарушающего контента. Это снижает вероятность человеческой ошибки и повышает эффективность борьбы с нарушениями прав ИС;
- платформы электронной коммерции активно сотрудничают с правоохранительными органами для более эффективной борьбы с нарушениями. Совместные операции и обмен информацией помогают выявлять и пресекать нарушения прав ИС. Некоторые проблемные вопросы, с которыми сталкиваются платформы электронной коммерции:

- 1) *объем нарушающего контента.* Большое количество товарных предложений и контента, размещенных на платформах, создает сложности в обнаружении и удалении нарушающего контента. Несмотря на внедрение технологических механизмов, полностью исключить нарушения остается сложной задачей;
- 2) *выявление нарушения.* Иногда сложно точно определить, нарушает ли контент права ИС. Определение авторских прав и товарных знаков может требовать экспертной оценки, что затрудняет процесс быстрой защиты правообладателя;
- 3) *мошенничество и подделка.* Существует риск мошенничества и подделки, когда несерьезные продавцы используют названия и дизайн известных брендов. Это создает проблемы как для правообладателей, так и для платформы и требует дополнительных усилий для борьбы с такими случаями.

Несмотря на сложности, различные платформы электронной коммерции в Китае продолжают активно развивать и совершенствовать практики и механизмы защиты права интеллектуальной собственности и создавать честную и справедливую среду для всех участников.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ОПЫТОМ

Защита прав интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансля-

циями — важная задача для многих стран. В разных странах существуют различные законодательные подходы к этому вопросу, и их эффективность может варьироваться. Где-то принимают жесткие меры, чтобы обеспечить защиту прав ИС на платформах электронной коммерции [12]. В таких случаях законодательство предусматривает обязанности платформы проверять и контролировать контент, загружаемый пользователем, и удалять нарушающий контент в кратчайшие сроки. Эти подходы основаны на принципе «ответственности по сигналу» и направлены на предотвращение распространения поддельных товаров и нарушения авторских прав. Другие страны предпочитают использовать частные соглашения и договоренности между правообладателями и платформами, чтобы урегулировать проблемы нарушения прав ИС [13]. Эти соглашения могут включать в себя механизмы мониторинга и рассмотрения жалоб, которые позволяют быстро реагировать на нарушения и принимать соответствующие меры.

Также есть страны, которые активно разрабатывают и совершенствуют свое законодательство в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции. Они устанавливают более строгие требования к платформам, усиливают контроль со стороны государства и предусматривают серьезные санкции за нарушения.

Международные правовые инструменты, такие как ВОИС и TRIPS, играют важную роль в обеспечении защиты прав ИС на международном уровне. Они устанавливают минимальные стандарты для защиты интеллектуальной собственности и обязывают государства-участники принимать соответствующие меры.

Опыт Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями является одним из самых значимых. Китай активно сотрудничает с ВОИС и другими международными организациями, чтобы развивать и улучшать свое законодательство в этой области. Китай обеспечивает принцип строгой ответственности платформы и внедряет механизмы быстрого рассмотрения жалоб и удаления нарушающего контента.

Эффективность международных правовых инструментов и практик в сфере защиты прав ИС на платформах электронной коммерции можно оценить с разных точек зрения. Некоторые считают, что они являются необходимым основанием для развития национального законодательства и международного сотрудничества. Однако другие могут считать, что они не всегда эффективно решают проблемы конкретных платформ и правообладателей.

Исследование возможности применения китайского опыта в других странах может представлять

интерес, особенно для стран, сталкивающихся с аналогичными проблемами нарушения прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями. Однако необходимо учитывать уникальность каждой страны: то, что работает в одной стране, не всегда может быть успешно применено в другой. Поэтому рекомендуется провести анализ ситуации в каждой конкретной стране и выявить особенности и потребности в области защиты прав ИС.

Рекомендации в рамках применения китайского опыта могут включать в себя следующие меры:

- 1) активное сотрудничество между платформами электронной коммерции и правообладателями, включая создание механизмов быстрого реагирования на жалобы и удаление нарушающего контента;
- 2) разработка строгого законодательства, которое установит обязанности платформ проверять и контролировать контент, обеспечивая ответственность платформы и применение соответствующих санкций;
- 3) проведение информационных кампаний и образовательных программ, направленных на повышение осведомленности пользователей о вреде нарушения прав на интеллектуальную собственность и последствиях поддержки нелегальных товаров;
- 4) развитие сотрудничества соответствующих государственных органов для обеспечения контроля и мониторинга защиты прав ИС на платформах электронной коммерции.

Однако, как упоминалось ранее, реализация китайского опыта должна осуществляться с учетом особенностей и потребностей каждой страны, а также с учетом международных правовых рамок и соглашений.

КЕЙС

Модель электронной коммерции с прямыми трансляциями значительно увеличила объемы продаж и оживила рынок [14]. Хотя такая модель продаж принесла много достижений, многие существующие в электронной коммерции проблемы, такие как нарушение прав интеллектуальной собственности и прав потребителей, в результате увеличились в геометрической прогрессии. Однако в недавнем знаменитом деле Пекинский Хайдяньский суд признал платформы для продажи в прямом эфире платформами электронной коммерции, что предусматривает наказание за нарушение торговой марки в сфере продажи в прямом эфире. Суд разъяснил, что платформа электронной коммерции — это платформа, которая предоставляет сторонам услуги онлайн-торговли в прямом эфире

посредством согласования сделок, распространения информации и других услуг. На примере этого дела в данной статье будут изложены системы защиты прав ИС на платформах для продажи в режиме реального времени.

Суть кейса

Хайдяньский суд рассмотрел знаковое дело о торговой марке, в котором платформы по продаже потокового вещания в прямом эфире были признаны платформами электронной коммерции. Истец, компания Saishi Trading (Shanghai) Co., Ltd. (далее — Saishi), владеет исключительным правом на использование торговой марки AGATHA и соответствующего логотипа. Компания Saishi обнаружила, что компания Laizhou Hongyu Arts & Crafts Co., Ltd. (далее — Hongyu) продает сумки, содержащие торговую марку AGATHA и логотип, на прямой трансляции Douyin, и подала иск о нарушении торговой марки против Hongyu и Bytedance в Хайдяньский суд Пекина. Суд постановил, что 1) продажа компанией Hongyu соответствующих товаров является нарушением; 2) сделка, предоставленная Douyin сторонам в виде услуг онлайн-маркетинга на своей платформе, относится к сфере электронной коммерции. Хотя против Bytedance был подан иск в связи с предполагаемым отсутствием у нее разумной обязанности проявлять заботу, доказательства выполнения ею своевременных мер по предварительной проверке, предупреждению и устранению нарушений привели суд к выводу, что Bytedance выполнила свою обязанность [15].

МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ПЛАТФОРМАХ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ С ПРЯМЫМИ ТРАНСЛЯЦИЯМИ

Законы и нормативные акты в области прямых трансляций

Электронная потоковая коммерция сочетает в себе как рекламу, так и продажи, и на нее распространяется действие ряда законов, нормативных актов и правил, таких как Закон о борьбе с недобросовестной конкуренцией, Закон о рекламе, Закон о защите прав и интересов потребителей, Закон о качестве продукции, Закон о безопасности пищевых продуктов, Закон о ценах, положения об экологическом управлении информационным содержанием сети и др. Положения, в большей степени касающиеся прав ИС, можно найти в Гражданском кодексе, Законе об электронной коммерции, Мерах по управлению маркетингом в прямом эфире, Кодексе поведения маркетинга

в прямом эфире, официальном ответе Верховного народного суда по ряду вопросов, касающихся применения закона к спорам о нарушении прав ИС в интернете, Руководящих мнениях Верховного народного суда по рассмотрению гражданских дел, связанных с правами интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции, и Руководящих мнениях Государственной администрации по регулированию рынка по усилению надзора за маркетинговой деятельностью в режиме реального времени [16].

Правовой статус электронной коммерции в прямом эфире

В соответствии с положениями Закона об электронной коммерции [17] операторы электронной коммерции — это физические, юридические лица и некорпорированные организации, которые занимаются предпринимательской деятельностью по продаже товаров или предоставлению услуг через информационные сети, такие как интернет, включая операторов платформ электронной коммерции. Оператор платформы электронной коммерции — это юридическое лицо или некорпорированная организация, которая оказывает такие услуги, как сетевые операции, согласование сделок и предоставление информации для обеих сторон или нескольких сторон в электронной коммерции, чтобы обе стороны или несколько сторон могли независимо осуществлять сделки [18].

Согласно Руководящим указаниям Государственной администрации по регулированию рынка по усилению надзора за маркетинговой деятельностью в прямом эфире, изданным 6 ноября 2020 г., сетевая платформа, предоставляющая сетевые деловые помещения, агрегацию транзакций, выпуск информации и другие услуги для операторов, использующих прямой эфир для продажи товаров либо предоставления услуг для двух или более сторон для осуществления независимой торговой деятельности, особенно операторов, предлагающих услуги электронной коммерции в прямом эфире, должна соответствовать положениям Закона об электронной коммерции. Более того, суд постановил, что с инновациями интернет-технологий и диверсификацией моделей онлайн-маркетинга существующие платформы для электронной коммерции больше не ограничиваются традиционными платформами с электронной коммерцией в качестве основного бизнеса, а также платформами прямого эфира, аудио- и видеоплатформами и другими платформами, чей основной бизнес заключается в производстве и предоставлении контента, и также постепенно предоставляют своим пользователям маркетинговые услуги в режиме реального времени. Это подпадает под соответствующее определение в Законе об электрон-

ной коммерции и должно рассматриваться как платформа электронной коммерции [19].

Механизмы защиты прав ИС

Для платформ электронной коммерции, осуществляющих прямые трансляции, проблемы ИС в основном связаны с контрафактной и некачественной продукцией. Это требует от платформы создания и совершенствования правил защиты прав на объекты ИС и механизмов рассмотрения жалоб, чтобы заранее проводились обзоры и подсказки, предупреждения регулирующих органов и своевременное устранение или наказание. В частности, требуются [20]:

- формирование и совершенствование пользовательских соглашений для уточнения прав собственности и использования прав интеллектуальной собственности между платформами и участвующими субъектами, такими как продавцы, ведущие и пользователи;
- создание механизмов рассмотрения жалоб для рассмотрения споров о нарушении прав ИС;
- установление правил рассмотрения споров о продаже контрафактной и некачественной продукции, нарушении прав ИС других лиц, таких как права на товарный знак, авторские права, патенты и недобросовестная конкуренция, а также нарушении права на имя, права на репутацию и т.д.;
- улучшение механизмов взаимодействия между платформами по рассмотрению споров, обеспечение адекватной информационной поддержки потребителей в соответствии с законом и активная помощь потребителям в защите их законных прав и интересов;
- создание удобных механизмов подачи жалоб и сообщений, публикация информации о методах подачи жалоб и сообщений и своевременное рассмотрение жалоб и сообщений.

Согласно положениям ст. 41–43 Закона об электронной коммерции [3], меры по реализации механизма уведомления и заявления об отсутствии нарушений в рамках платформы должны быть сформулированы в соответствии с видами прав ИС и характеристиками товаров или услуг. Однако соответствующие меры не должны устанавливать необоснованные условия или препятствия для сторон по защите своих прав в соответствии с законом.

В отношении нарушения прав ИС в маркетинге прямых трансляций платформа берет на себя обязательство «уведомление → удаление (блокировка) → заявление о ненарушении → восстановление» в соответствии с «принципом безопасной гавани» [21]. Однако следует отметить, что в соответствии

с «принципом красного флага», то есть, если существует очевидное нарушение контента прямой трансляции, платформа не может игнорировать его или полагаться на неосведомленность о нарушении в качестве защиты от ответственности. Если платформа знает о нарушении или непосредственно участвует в этом действии, она должна нести солидарную ответственность с нарушителем. Поэтому контент, размещаемый, пересылаемый и рекомендуемый платформой, должен более тщательно проверяться, а при обнаружении очевидного нарушающего права контента необходимо своевременно принимать упреждающие меры. Что касается процесса рассмотрения дела о нарушении ИС на сетевой платформе, то соответствующие правовые нормы и судебные толкования несколько различаются.

ДИСКУССИЯ

Основываясь на проведенном исследовании, можно сделать вывод, что Китай имеет значительный опыт в разработке законодательства и нормативных актов, направленных на обеспечение защиты прав ИС на платформах электронной коммерции. Принятие обязательной регистрации прав интеллектуальной собственности, строгих мер ответственности для нарушителей и установление процедуры претензий и жалоб существенно улучшили эффективность борьбы с нарушениями на китайских платформах.

Однако стоит учитывать некоторые ограничения китайской модели. Во-первых, необходимо постоянно улучшать механизмы мониторинга и удаления нарушающего контента для эффективной борьбы с новыми и изменяющимися формами нарушений. Во-вторых, требуется создать условия для более эффективного и оперативного сотрудничества между платформами и правообладателями, чтобы обеспечить более быстрое реагирование на нарушения. В-третьих, необходимо обратить внимание на проблему косвенной продажи контрафактной продукции на платформах, что требует разработки дополнительных мер для ее пресечения.

Для дальнейшего совершенствования китайской модели защиты прав на интеллектуальную собственность на платформах электронной коммерции можно рассмотреть следующие улучшения. Во-первых, разработка более детальных инструкций и методологий для оценки и удаления нарушающего контента, а также развитие новых технологий искусственного интеллекта для повышения эффективности контроля. Во-вторых, продолжение обновления законодательства, чтобы адаптироваться к изменяющемуся цифровому окружению и новым формам нарушений. В-тре-

тых, разработка более активных мер превентивного характера, например проведение просветительских мероприятий и образовательных программ для повышения осведомленности о правах ИС.

Исследование опыта Китая в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями демонстрирует важность разработки эффективных механизмов для защиты прав интеллектуальной собственности в цифровой среде. Китайская модель с ее законодательством, мерами ответственности и сотрудничеством между платформами и правообладателями приводит к позитивным результатам, но требует дальнейшего улучшения и развития для более эффективной борьбы с нарушениями прав ИС.

ВЫВОДЫ

Представленный анализ подтверждает эффективность применяемых правовых инструментов и практик и позволяет сделать вывод о возможности применения данного опыта в других странах с учетом особенностей их правовой системы и практической реализации. В результате исследования можно дать рекомендации по дальнейшему развитию и улучшению механизмов защиты прав ИС на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями.

Хотя ведущие стримеры продолжают бить рекорды продаж, они также выявили множество проблем. В отличие от традиционной электронной коммерции прямая трансляция товаров объединяет два формата: «прямая трансляция» и «продажа товаров», и имеет характеристики «электронная коммерция + продвижение + руководство по покупкам + продажа товаров». В ней также участвуют многие стороны, такие как продавцы, ведущие и платформы прямого вещания, что, в свою очередь, приводит к сложным правовым отношениям. Существует острая необходимость в команде юристов, обладающих всесторонними и глубокими знаниями и опытом в таких областях, как электронная коммерция, защита интеллектуальной собственности в сети, онлайн-развлечения, безопасность информационных сетей и интернет-реклама, для полного понимания стандартов соответствия в сочетании с особенностями индустрии прямых трансляций. Что касается конкретных вопросов в области электронной коммерции в прямом эфире, то помимо составления и пересмотра соглашений с пользователями платформ, соглашений об оказании услуг и правил принимающей стороны, а также кодексов поведения для электронной коммерции в прямом эфире могут также потребоваться проведение соответствующих тренингов по соблюдению требований,

составление и пересмотр соглашений и руководящих принципов для всех участников индустрии прямых трансляций.

Защита прав на объекты интеллектуальной собственности является критическим аспектом в современной цифровой экономике. Стратегии и меры в данной области должны быть основаны на научных исследованиях и законодательных актах.

Обновление законодательства в области защиты прав ИС является необходимым шагом для адаптации к быстро развивающимся технологиям электронной коммерции. Законодатели должны стремиться к созданию гибкой и специализированной правовой базы, а также учесть наиболее актуальные вызовы и тенденции в этой области.

Мониторинг и удаление нарушающего контента должны стать приоритетными действиями для платформ электронной коммерции. Развитие эффективных систем фильтрации и алгоритмов распознавания нарушений прав ИС позволит своевременно выявлять и удалять нелегальный контент.

Сотрудничество между платформами электронной коммерции и правообладателями является неотъемлемым элементом успешной защиты прав ИС. Разработка соглашений, обмен информацией о нарушениях, обучение правообладателей процедурам и лучшим практикам поможет создать взаимовыгодное партнерство для эффективной борьбы с нарушениями.

Обучение и информирование пользователей о затронутых правилах и правилах защиты интеллектуальной собственности является важной составляющей в защите прав. Подготовка пользователей, осознание ими значимости и последствий нарушения прав интеллектуальной собственности помогут снизить число нарушений и создать осознанную и ответственную потребительскую среду.

Основываясь на этих выводах, можно заключить, что совместные усилия платформ электронной коммерции, правообладателей и правоохранительных органов, подкрепленные комплексным подходом, могут внести существенный вклад в защиту прав ИС и создание справедливой и конкурентоспособной среды для развития электронной коммерции.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В наше время электронная коммерция играет ключевую роль в мировой экономике, однако с ней также связаны риски нарушения прав интеллектуальной собственности.

Сложившаяся ситуация требует внимания и мер со стороны правоохранительных органов, платформ

электронной коммерции, а также правообладателей. Чтобы эффективно справиться с проблемой нарушений прав ИС, необходимо принимать конкретные меры и разрабатывать стратегии, способствующие установлению адекватного контроля и сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами.

Основываясь на опыте и научных исследованиях, автор предлагает ряд рекомендаций, которые могут способствовать эффективной защите прав ИС на платформах электронной коммерции. Эти меры включают в себя совершенствование законодательства, улучшение мониторинга и удаления нарушающего контента, развитие сотрудничества между платформами и правообладателями, а также осуществление обучения и информирования пользователей о значимости и правилах защиты интеллектуальной собственности.

Реализация данных предложений и рекомендаций может содействовать установлению баланса между правом на инновацию и творчество, с одной стороны, и защитой правообладателей интеллектуальной собственности, с другой. Такой подход способствует развитию справедливой и конкурентной среды на платформах электронной коммерции, стимулирует инновационное развитие и способствует устойчивому экономическому росту.

1. Обновление законодательства. Необходимо постоянно совершенствовать и обновлять законодательство в области защиты прав ИС на платформах электронной коммерции. Вследствие быстрого развития технологий и изменения форм нарушений законы должны быть гибкими и адаптируемыми к новым вызовам. Кроме того, должны быть обеспечены четкость и понятность законов для более эффективной работы правообразующих органов и судов.

2. Улучшение мониторинга и удаления нарушающего контента. Китайская модель защиты прав ИС на платформах электронной коммерции должна быть усовершенствована в области мониторинга и удаления нарушающего контента. Разработка и использование новых технологий искусственного интеллекта, а также улучшение алгоритмов фильтрации и обработки контента могут значительно повысить эффективность в обнаружении и удалении нарушающего материала.

3. Важность сотрудничества. Сотрудничество между платформами электронной коммерции и правообладателями должно быть более эффективным и оперативным. Необходимо разработать механизмы обмена информацией и сотрудничества, чтобы обеспечить быстрое реагирование на нарушения и более эффективную работу в целом. Также стоит рассмотреть возможность создания специальных отделов или комитетов, которые будут специализироваться

в защите прав ИС и обеспечивать координацию между сторонами.

4. Обучение и информирование. Важно осуществлять обучение пользователей платформ и их информирование о значимости и правилах защиты интеллектуальной собственности. Пользователи должны быть осведомлены о последствиях нарушения прав и о том, как сообщать о нарушениях. Обучение и информирование могут включать в себя проведение кампаний, создание образовательных материалов, публикации, а также организацию семинаров или вебинаров для пользователей и правообладателей.

5. Международное сотрудничество. Сотрудничество с другими странами и международными организациями в области защиты прав ИС также является важным аспектом. Обмен опытом, передача лучших практик и разработка общих стандартов и принципов могут улучшить эффективность борьбы с нарушениями не только на китайских платформах, но и в мировом масштабе.

6. Формирование открытой и инновационной культуры. Развитие открытой и инновационной культуры на платформах электронной коммерции способствует созданию благоприятной среды для защиты прав ИС. Платформы должны поощрять создание и развитие оригинального контента, инвестировать в исследования и разработки, а также поддерживать и поощрять инновационные предпринимательские проекты.

7. Развитие механизмов возмещения ущерба. В случае нарушения прав ИС необходимо развивать механизмы возмещения ущерба для правообладателей. Установление процедур и механизмов, позволяющих правообладателям получать компенсацию за убытки, вызванные нарушениями, способствует созданию более справедливой системы и дает стимул для защиты прав интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов А.В. Интеллектуальная собственность и электронная коммерция: опыт Китая. М.: АСТ, 2019.
2. Copyright Law of the People's Republic of China, 1990.
3. E-Commerce Law of the People's Republic of China (Adopted at the Fifth Session of the Standing Committee of the 13th National People's Congress on August 31, 2018, effective on 1 January 2019).
4. Леонова А.В. Использование интеллектуальной собственности в электронной коммерции в Китае // Право и интернет. 2018. № 4. С. 78–89.
5. Петров Н.В. Защита прав на объекты интеллектуальной собственности на электронных платформах коммерции: опыт Китая и России. СПб.: АХ, 2018.
6. Чернов С.Д. Правовая защита объектов интеллектуальной собственности в электронной коммерции:

- казахстанский опыт // Электронные платформы в электронной коммерции. 2018. № 5. С. 32–45.
7. Ушаков Г.М. Опыт Китая в области защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции // Юридическое обозрение. 2018. № 7. С. 23–36.
 8. Федоров Д.П. Правовая защита интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции: опыт Китая // Наука и право. 2019. № 2. С. 96–108.
 9. Смирнов Е.И. Оптимальная модель защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции // Актуальные проблемы защиты интеллектуальной собственности. 2017. № 3. С. 51–67.
 10. Криворучко О.А. Правовая защита объектов интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями // Право и интернет. 2017. № 2. С. 45–56.
 11. Криворучко О.А. Правовая защита объектов интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями // Право и интернет. 2017. № 2. С. 45–56.
 12. Русаков В.А. Правовая защита интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции с прямыми трансляциями // Интеллектуальная собственность. 2016. № 4. С. 89–102.
 13. Смирнов Е.И. Оптимальная модель защиты прав на объекты интеллектуальной собственности на платформах электронной коммерции // Актуальные проблемы защиты интеллектуальной собственности. 2017. № 3. С. 51–67.
 14. Li M., Wang Q., Cao Y. Understanding Consumer Online Impulse Buying in Live Streaming E-Commerce: A Stimulus-Organism-Response Framework. *International journal of environmental research and public health*. 2022. Vol. 19(7). DOI: 10.3390/ijerph19074378.
 15. Saishi Trading (Shanghai) v. Laizhou Hongyu Art Crafts, 2021.
 16. Чэнь Чэнь, Тхориков Б.А. Импульсные покупки в прямом эфире, или как объединить стримы и шопинг в условиях Live Commerce // Практический маркетинг. 2023. № 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/impulsnye-pokupki-v-pryamom-efire-ili-kak-obedinit-strimy-i-shopping-v-usloviyah-live-commerce>
 17. E-Commerce Law of the People's Republic of China, 2019.
 18. Yu X. Strong displayed passion and preparedness of broadcaster in live streaming e-commerce increases consumers' neural engagementto *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. P. 674011. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.674011.
 19. Chen T. Analysis of the Public Opinion Evolution on the Normative Policies for the Live Streaming E-Commerce Industry Based on Online Comment Mining under COVID-19 Epidemic in China // *Mathematics* (2227-7390). 2022. Vol. 10(18). P. 3387–N.PAG. DOI: 10.3390/math10183387.
 20. Ye D. et al. Investigating switching intention of e-commerce live streaming users // *Heliyon*. 2022. Vol. 8(10). DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e11145.
 21. Pokrovskaya A. Intermediaries liability for copyright infringement: application of the "safe harbor" model. *E3S Web Conf.* 420 06046. 2023. SCOPUS. DOI: 10.1051/e3sconf/202342006046

REFERENCES

1. Ivanov A.V. *Intellectual'naya sobstvennost' i elektronnyaya kommerciya: opyt Kitaya*. M.: AST, 2019.
2. Copyright Law of the People's Republic of China, 1990.
3. E-Commerce Law of the People's Republic of China (Adopted at the Fifth Session of the Standing Committee of the 13th National People's Congress on August 31, 2018, effective on 1 January 2019).
4. Leonova A.V. Ispol'zovanie intellektual'noj sobstvennosti v elektronnoj kommercii v Kitae // *Pravo i Internet*. 2018. No 4. S. 78–89.
5. Petrov N.V. *Zashchita prav na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti na elektronnykh platformah kommercii: opyt Kitaya i Rossii*. SPb.: AH, 2018.
6. Chernov S.D. *Pravovaya zashchita ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti v elektronnoj kommercii: kazhstanskij opyt* // *Elektronnye platformy v elektronnoj kommercii*. 2018. No 5. S. 32–45.
7. Ushakov G.M. *Opyt Kitaya v oblasti zashchity prav na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii* // *Yuridicheskoe obozrenie*. 2018. No 7. S. 23–36.
8. Fedorov D.P. *Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii: opyt Kitaya* // *Nauka i pravo*. 2019. No 2. S. 96–108.
9. Smirnov E.I. *Optimal'naya model' zashchity prav na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii* // *Aktual'nye problemy zashchity intellektual'noj sobstvennosti*. 2017. No 3. S. 51–67.
10. Krivoruchko O.A. *Pravovaya zashchita ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii s pryamymi translyაციами* // *Pravo i internet*. 2017. No 2. S. 45–56.
11. Krivoruchko O.A. *Pravovaya zashchita ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii s pryamymi translyაციами* // *Pravo i internet*. 2017. No 2. S. 45–56.
12. Rusakov V.A. *Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii s pryamymi translyაციами* // *Intellectual'naya sobstvennost'*. 2016. No 4. S. 89–102.

13. Smirnov E.I. Optimal'naya model' zashchity prav na ob"ekty intellektual'noj sobstvennosti na platformah elektronnoj kommercii // Aktual'nye problemy zashchity intellektual'noj sobstvennosti. 2017. No 3. S. 51–67.
14. Li M., Wang Q., Cao Y. Understanding Consumer Online Impulse Buying in Live Streaming E-Commerce: A Stimulus-Organism-Response Framework. International journal of environmental research and public health. 2022. Vol. 19(7). DOI: 10.3390/ijerph19074378.
15. Saishi Trading (Shanghai) v. Laizhou Hongyu Art Crafts, 2021.
16. Chen' CHen', Thorikov B.A. Impul'snye pokupki v pryamom efire, ili kak ob"edinit' strimy i shopping v usloviyah Live Commerce // Prakticheskij marketing. 2023. No 7. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/impulsnye-pokupki-v-pryamom-efire-ili-kak-obedinit-strimy-i-shopping-v-usloviyah-live-commerce>
17. E-Commerce Law of the People's Republic of China, 2019.
18. Yu X. Strong displayed passion and preparedness of broadcaster in live streaming e-commerce increases consumers' neural engagementto Frontiers in psychology. 2022. Vol. 13. P. 674011. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.674011.
19. Chen T. Analysis of the Public Opinion Evolution on the Normative Policies for the Live Streaming E-Commerce Industry Based on Online Comment Mining under COVID-19 Epidemic in China // Mathematics (2227-7390). 2022. Vol. 10(18). P. 3387–N.PAG. DOI: 10.3390/math10183387.
20. Ye D. et al. Investigating switching intention of e-commerce live streaming users // Heliyon. 2022. Vol. 8(10). DOI: 10.1016/j.heliyon.2022.e11145.
21. Pokrovskaya A. Intermediaries liability for copyright infringement: application of the "safe harbor" model. E3S Web Conf. 420 06046. 2023. SCOPUS. DOI: 10.1051/e3sconf/202342006046

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ НА ФОРМАТ ОНЛАЙН-ШОУ

COPYRIGHT PROTECTION FOR THE ONLINE SHOW FORMAT

Артем Сергеевич ВАРТАНОВ

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация,
1142230054@rudn.ru,
ORCID: 0009-0007-7035-337X

Информация об авторе

А.С. Вартанов — аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права

Аннотация. В статье рассмотрена крайне актуальная в последние годы проблема защиты авторских прав на онлайн-шоу, или трансляций в сети интернет. Проведен сравнительный анализ информационного и авторского права, рассмотрено место онлайн-шоу в этих отраслях. Обоснован правовой статус онлайн-шоу как аудиовизуального произведения. Проанализированы зарубежный опыт и судебная практика, в результате чего даны рекомендации по внесению изменений в часть четвертую ГК РФ.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, онлайн-шоу, трансляция, стриминг

Для цитирования: Вартанов А.С. Защита авторских прав на формат онлайн-шоу // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 109–117; DOI: 10.17323/tis.2024.21719

Artyom S. VARTANOV

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation,
1032213873@rudn.ru,
ORCID: 0009-0007-7035-337X

Information about the author

A.S. Vartanov — postgraduate student of the Department of Civil Law and Process and Private International Law

Abstract. The article substantiates the extremely urgent problem of copyright protection for online shows or

- broadcasts on the Internet in recent years. A comparative
- analysis of information and copyright law is carried out,
- and the place of online shows in these industries is justified.
- The legal status of an online show as an audiovisual work is
- substantiated. Foreign experience and judicial practice are
- analyzed, as a result of which recommendations are made
- on amendments to Part IV of the Civil Code of the Russian
- Federation.

- **Keywords:** copyright, intellectual property, online show, broadcast, streaming

- **For citation:** Vartanov A.S. Copyright Protection for the Online Show Format // Trudi po Intellektualnoy
- Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 109–117; DOI: 10.17323/tis.2024.21719

Потоковое вещание видео, или трансляция различных событий в режиме реального времени посредством сети Интернет, иначе называемое стримингом, в последние годы приобретает все большую популярность. Досуг обычного гражданина в современном мире сложно представить без ежедневного просмотра десятков видео и трансляций на различные темы. Исследователи утверждают, что суммарный доход от одних лишь трансляций видеоигр в интернете составляет сотни миллиардов долларов ежегодно [4, с. 113]. Однако понятие онлайн-шоу включает в себя множество других компонентов, поэтому объем рынка таких трансляций представляется сравнимым с объемом рынка телерадиовещания, если не превосходящим его.

С развитием платформ потокового вещания и ростом популярности онлайн-шоу понимание правового ландшафта, окружающего их, имеет решающее значение. Правовое поле не только защищает права создателей контента, но и обеспечивает честную конкуренцию и инновации в цифровой сфере. Являясь, по сути, аудиовизуальными произведениями, онлайн-шоу при этом требуют особого правового регулирования в связи со своими отличительными чертами.

Тем не менее правовое регулирование онлайн-шоу, в особенности защита авторских прав на них, представляется недостаточно хорошо закрепленным в законодательстве. Научные исследования на эту тему представлены лишь несколькими публикациями, а развитие технологий делает представленную в них информацию стремительно устаревающей. Между тем количество трансляций в интернете растет в геометрической прогрессии, как и число нарушений авторских прав. В связи с этим представляется актуальным не только проанализировать сущность и особенности онлайн-шоу, но и подробно рассмотреть защиту авторских прав на данный формат произведений, включая и перспективные варианты.

В первую очередь разберемся в том, каким образом соотносятся медиаправо и авторское право, поскольку онлайн-шоу являются объектом регулирования обеих названных отраслей.

Медиаправо как подотрасль информационного права относительно общественных отношений, свя-

- занных со средствами массовой информации, средствами массовой коммуникации, соотносится с рядом межотраслевых комплексных институтов: правом интеллектуальной собственности (в том числе авторским правом и отдельными институтами промышленной собственности), рекламным правом и др. В него включаются такие подинституты, как право печатных СМИ, право радио и телевидения, право кинематографии и другие [10, с. 229].

- Медиаправо может также затрагивать вопросы интеллектуальной собственности, связанные с созданием, лицензированием и распространением медиаконтента. Именно здесь начинается поле действия авторского права, представляющего собой область законодательства об интеллектуальной собственности, которая защищает права создателей и владельцев оригинальных авторских произведений.

- Связь между медиаправом и авторским правом заключается в том, что СМИ и пользователи часто создают, используют и распространяют материалы, защищенные авторским правом. Наряду с этим их собственные материалы, включая онлайн-шоу, нуждаются в правовой защите. Поэтому понимание и соблюдение законодательства об авторском праве является важным аспектом медиаправа. Основное же различие между названными отраслями заключается в сфере применения. В то время как медиаправо является широким и охватывает различные правовые вопросы, относящиеся к медиаиндустрии в целом, авторское право направлено на защиту интеллектуальной собственности и прав авторов.

- На практике для эффективной и легальной работы и пользователям, и медиаорганизациям приходится ориентироваться в обеих отраслях права. Например, новостное издание должно не только следить за тем, чтобы не нарушать авторские права при публикации материалов, но и рассматривать вопросы диффамации, конфиденциальности и соблюдения нормативных требований в рамках более широкого спектра законодательства о СМИ.

- Безусловно, онлайн-шоу относятся к современным средствам массовой информации (коммуникации). Так, М.Д. Болычева пишет: «Потоковое вещание, или стриминг, можно считать не просто отдельным видом вещания, который активно используется средствами массовой информации, но и полноценным социально-культурным феноменом, определяемым особенностями цифровой эпохи, спецификой новых форм взаимодействия современных СМИ с аудиторией, особой ролью потребителя как создателя контента». С этим утверждением сложно не согласиться, поскольку в цифровую эпоху СМИ все меньше полагаются на телерадиовещание и все

больше смещают внимание на интернет, транслируя информацию на специальных сервисах. Это же касается и обычных пользователей, запускающих свои трансляции на различные темы, музыкальных стриминговых сервисов и др. Все это охватывается как медиаправом, так и авторским правом. Приоритет защиты прав автора оригинального произведения является одним из важнейших принципов обеих отраслей.

Таким образом, медиаправо охватывает более широкий круг вопросов, касающихся различных аспектов регулирования деятельности СМИ, в то время как авторское право направлено на защиту творческих произведений. Однако, когда речь заходит об онлайн-шоу, мы обнаруживаем пересечение этих двух отраслей права. Онлайн-шоу, будучи аудиовизуальными произведениями, подпадают под сферу авторского права, но при этом требуют соблюдения законодательства о СМИ в части распространения и распределения контента.

Как отмечено выше, онлайн-шоу по своей сущности являются аудиовизуальными произведениями. В ст. 1263 ГК РФ закреплено, что такими работами являются «произведения, состоящие из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенные для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают в себя кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации» [1].

Из этого определения вытекают характерные черты аудиовизуальных произведений: наличие ряда изображений, объединенных общей смысловой нагрузкой, определенная цель использования (зрительное и слуховое восприятие), необходимость в технических устройствах для воспроизведения [5, с. 90–91]. Как мы можем наблюдать, онлайн-шоу полностью соответствуют этим признакам — следовательно, являются аудиовизуальными произведениями, из чего вытекает их статус как объекта защиты авторских прав.

При этом приведенное в ст. 1263 ГК РФ определение далеко не совершенно, особенно в свете современных технологий. Это естественным образом вытекает из устаревшей формулировки, появившейся тогда, когда онлайн-шоу не существовало в принципе. Так, в нем отсутствуют такие значимые признаки, как движение изображений (т.е. суть видео), оригинальность произведения, создание его в результате творческого труда и др. При этом формулировка

«независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации» предполагает, что онлайн-шоу могут являться аудиовизуальными произведениями, несмотря на свою сущность.

В этой связи автор предлагает внести изменения в указанную статью и сформулировать следующее определение: «Аудиовизуальное произведение — это вид интеллектуальной собственности, созданный в результате творческого труда и состоящий из серии связанных между собой изображений, движущихся или неподвижных, сопровождаемых звуком или нет, способных восприниматься визуально и/или на слух с помощью соответствующих технических устройств». Вторую же часть определения можно оставить без изменения, поскольку, как уже было сказано, она подразумевает все существующие на сегодняшний день виды аудиовизуальных произведений. Как представляется, это определение будет способствовать укреплению и актуализации правовой базы и внесению ясности в быстро развивающуюся цифровую сферу.

Перейдем к рассмотрению сущности онлайн-шоу и их характерных особенностей. Поскольку онлайн-шоу по своей сути является синонимом онлайн-трансляции, его можно определить как разновидность аудиовизуального произведения, которое передается через интернет и может просматриваться в режиме реального времени или в записи. Трансляция характеризуется возможностью передачи высококачественного аудиовизуального контента зрителям с помощью потоковой технологии. Онлайн-шоу обычно состоят из ряда взаимосвязанных изображений и звуков, объединенных одной тематикой, которые синхронизируются для создания непрерывного впечатления от просмотра. Доступ к ним возможен с различных устройств, включая компьютеры, смартфоны, планшеты, телевизоры, и зачастую они оптимизированы под различные размеры и разрешения экрана. Онлайн-шоу также могут включать в себя интерактивные функции, такие как чаты, опросы и интеграции с социальными сетями, которые позволяют зрителям взаимодействовать с контентом и друг с другом в режиме реального времени. Таким образом, в процессе онлайн-шоу происходит взаимодействие творчества создателя, зрительской аудитории и интеллектуальной собственности.

Онлайн-шоу условно можно разделить на лицензионные и пользовательские [11, с. 350]. Последние, в свою очередь, подразделяются на собственный контент (например, прямые эфиры в VK) и дублируемый (трансляция материала, созданного другим человеком). Лицензионные онлайн-шоу осуществляются профессиональными участниками рынка через предоставление платной подписки (Spotify, «Яндекс Му-

зыка», Okko и др.). Правовые вопросы, как правило, урегулированы в лицензионном соглашении, с которым соглашаются все пользователи, а правообладателю официально отчисляется часть средств, вырученных от трансляции.

Пользовательские же онлайн-шоу создают на порядок больше правовых сложностей. Трансляции на платформах (YouTube, Twitch, VK Play и др.) создаются самими пользователями в режиме реального времени и могут существовать в записи. Это могут быть прямые эфиры с концертов, прохождения видеоигр, онлайн-трансляции вебинаров, познавательный контент и др. Создатели таких трансляций нередко не заботятся об авторских правах и правомерном использовании материала, а лицензионное соглашение с площадкой не в состоянии урегулировать все вопросы.

Например, часто встречается ситуация, когда площадка делает оговорку о том, что «контент распространяется на ваш страх и риск». Так, в Условиях обслуживания сервиса Twitch (США) говорится, что «Twitch не гарантирует того, что третьи лица не будут копировать, использовать или распространять пользовательский контент. Во всех предусмотренных применимым правом случаях вы настоящим признаете, что Twitch не несет ответственности за несанкционированное копирование, использование или распространение пользовательского контента третьими лицами, освобождает Twitch от ответственности и в будущем отказываетесь от всех претензий к Twitch за такое несанкционированное копирование». Далее указано следующее: «Если вы являетесь правообладателем авторских прав или агентом автора и считаете, что опубликованный в сервисах Twitch контент их нарушает, отправьте уведомление, согласно Положениям DMCA» [3]. Тем самым сервис как бы отходит в сторону, вынуждая правообладателя самостоятельно разбираться с нарушенным правом, не выступая даже посредником.

Другим интересным примером является лицензионное соглашение российской стриминговой площадки VK Play Live, где говорится: «Размещая любой пользовательский контент в форумах, чатах или других виртуальных пространствах, предназначенных для общения, пользователь обязуется не загружать, не передавать, не публиковать и не распространять иным образом (...) пользовательский контент, который нарушает любые права интеллектуальной собственности» [12]. Подчеркнем, что это положение касается лишь «пространств, предназначенных для общения», сами же трансляции и регулирование авторских прав на них в соглашении никак не закреплены.

Санкции, применимые к пользователю, нарушившему соглашение, включают в себя ряд мер, обычно схожих между различными платформами. Это может

быть как предупреждение либо удаление контента, нарушающего авторские права, так и блокировка учетной записи вместе со всем незаконно распространяемым контентом. Представляется, что данные меры недостаточны, поскольку правообладатель не получает ни отчислений, ни какой-либо другой выгоды от незаконно транслированного контента, который могли просмотреть тысячи человек. А в связи с тем, что почти все стриминговые платформы юридически зарегистрированы за рубежом, дело часто осложняется иностранным элементом.

Переходя к защите авторских прав на формат онлайн-шоу, следует обратить внимание на тот факт, что пользовательские трансляции могут передавать как самостоятельно созданный контент (например, кулинарное шоу с приготовлением оригинальных блюд), так и неоригинальные произведения (например, транслировать видеоигру или запись с концерта). Именно последняя категория дает множество причин для споров между правообладателями, пользователями и третьими лицами.

Виды нарушений авторских прав, которые могут возникнуть в онлайн-шоу, главным образом представлены следующими:

- лицо, создающее трансляцию, использует объекты авторских прав без согласия правообладателей и за пределами свободного использования;
- лицо, потребляющее трансляцию, скачивает хотя бы часть файла [14].

Ранее было показано, что онлайн-шоу по своей сути являются аудиовизуальными произведениями. Следовательно, по российскому законодательству защита авторских прав на онлайн-шоу не отличается от таковой на аудиовизуальные произведения, однако имеются некоторые особенности. Рассмотрим этот процесс более подробно, а также приведем несколько перспективных технологий.

Способы правовой защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения предусматривают применение различных механизмов снабжения авторских прав, которые включают в себя не только нормативную регламентацию отношений интеллектуальной собственности, но и охранную деятельность компетентных государственных и негосударственных органов.

Способы защиты авторских прав делятся на две группы. Первая подробно перечислена в ст. 12 ГК РФ («Способы защиты гражданских прав»). Вторая имеет нормативное регулирование в четвертой части Гражданского кодекса. В соответствии с п. 1 ст. 1252 ГК РФ одним из способов защиты авторских прав является предъявление требований о признании права, о пресечении действий, которые нарушают право или создают угрозу его нарушения, о возмещении убыт-

ков, об изъятии материального носителя, о публикации решения суда о допущенном нарушении с указанием, кто является правообладателем. Также ст. 1253 ГК РФ предусмотрена ликвидация юридического лица и прекращение деятельности индивидуального предпринимателя в тех случаях, когда неоднократно или грубо нарушались авторские права на результаты интеллектуальной деятельности.

Отмечу, что приведенные выше способы относятся к судебным методам защиты. Однако если обратить внимание на внесудебные методы, то законодательство не закрепляет конкретные правовые приемы. При этом многие специалисты отмечают, что можно нотариально заверить результаты интеллектуальной деятельности и зарегистрировать их в Российском авторском обществе (РАО), однако данные действия не носят обязательного характера. А с учетом того, что многие авторы сейчас публикуют свои произведения в интернете, данные механизмы практически невозможно назвать эффективными.

Охраноспособность аудиовизуальных произведений сопряжена с наличием таких критериев, как творческий характер; новизна и оригинальность; наличие объективной формы [7, с. 58]. Отечественное законодательство предоставляет правовую охрану произведениям, независимо от способа и формы их выражения, и не указывает на критерий воспроизводимости объективной формы как обязательное условие охраны произведения. Говоря об онлайн-шоу, они удовлетворяют названным требованиям, следовательно, являются охраноспособными. Тем не менее автору необходимо делать свой личный творческий вклад настолько, что онлайн-шоу можно признать самостоятельным произведением. К примеру, если автор ведет трансляцию видеоигры без своих комментариев и (или) оригинальных решений, ее вряд ли можно считать объектом авторского права, подлежащим защите.

Вопрос о том, к какому способу использования произведения относится онлайн-шоу, является дискуссионным. А.Ю. Чурилов, например, считает, что трансляцию в зависимости от обстоятельств можно рассматривать как три способа использования произведения: публичный показ, публичное исполнение и переработку [15, с. 45]. Игровой стриминг в большинстве случаев соответствует критериям переработки, иные же виды онлайн-шоу могут подпадать под другие категории использования в зависимости от сущности трансляции.

В этой связи хотелось бы отметить, что в западной правовой доктрине существует концепция Fair Use («добросовестное использование»). Это юридическая доктрина, допускающая ограниченное исполь-

зование материалов, защищенных авторским правом, без необходимости получения разрешения от правообладателей. Эта концепция особенно важна в США и является частью Закона об авторском праве, изложенного в разд. 107 разд. 17 Свода законов США. Целью добросовестного использования является содействие свободе слова и предоставление возможности комментировать, критиковать, сообщать новости, преподавать, заниматься научной деятельностью и исследованиями.

При определении того, квалифицируется ли использование как добросовестное, суды обычно учитывают четыре фактора.

1. Цель и характер использования. Сюда входит вопрос о том, носит ли использование коммерческий характер или преследует некоммерческие образовательные цели. Суды часто уделяют особое внимание преобразующему использованию — использованию, которое придает оригиналу новое выражение или значение либо перепрофилирует его для новой аудитории; такое использование с большей вероятностью будет признано добросовестным.

2. Природа произведения, охраняемого авторским правом. Этот фактор учитывает само произведение (например, является ли оно фактическим или творческим). Фактические произведения чаще признаются объектом добросовестного использования, чем творческие произведения.

3. Объем и существенность используемой части. Здесь рассматриваются как количество, так и качество используемого материала, защищенного авторским правом. Использование небольшой, менее значительной части произведения может способствовать добросовестному использованию. Однако даже небольшая часть может оказаться слишком большой, если она составляет «ядро» произведения.

4. Влияние использования на потенциальный рынок. Этот фактор учитывает, не нанесет ли использование ущерба рынку или стоимости произведения, охраняемого авторским правом. Если использование материала может конкурировать с оригинальным произведением или снизить его продажи, то вероятность того, что оно будет защищено в соответствии с принципом добросовестного использования, снижается [13, с. 358-359].

С точки зрения защиты авторских прав на онлайн-шоу концепция добросовестного использования может применяться, когда другие используют контент из онлайн-шоу (например, демонстрируют прохождение видеоигры, пройденной автором оригинальной трансляции). Если контент автора онлайн-шоу используется в целях комментирования, критики или пародии, он может быть защищен прин-

ципом добросовестного использования. Однако если другое физическое или юридическое лицо использует контент из онлайн-шоу таким образом, что он конкурирует с оригинальной трансляцией или негативно влияет на ее рыночный потенциал, это, вероятно, не будет считаться добросовестным использованием. Факт некоммерческого использования материала также играет важную роль, однако в свете того, что практически на всех онлайн-шоу присутствует возможность финансово отблагодарить автора (так называемый донат), коммерческие трансляции гораздо более распространены.

В российском праве, в отличие от концепции Fair Use, применяется перечневый подход, то есть закрепление в ГК РФ исчерпывающего перечня случаев свободного использования. Например, согласно ст. 1274 ГК РФ, можно делать пародии, согласно ст. 1275 для библиотек и архивов без извлечения прибыли можно копировать произведения для сохранности и т.п. Основное различие между «добросовестным» и «свободным» использованием состоит в том, что круг случаев свободного использования произведений, содержащийся в соответствующих статьях ГК РФ, не подлежит расширительному толкованию [6, с. 23].

Заимствование этой гибкой концепции российским правом, с одной стороны, представляется логичным и прорывным шагом, который позволит урегулировать ряд спорных моментов. С другой стороны, это породит хаос в отечественном авторском праве и в первые годы создаст множество проблем в правоприменительной практике. Перечневый подход обладает рядом достоинств, однако, по мнению автора, он несколько устарел, особенно в свете активного распространения информации в интернете. Аналог концепции добросовестного использования, распространяющийся на все виды произведений, мог бы смягчить излишнюю жесткость российского авторского права и способствовать развитию творчества, дальнейшей модернизации и либерализации законодательства.

Онлайн-шоу могут транслироваться только на специальных интернет-площадках. Эти сайты предусматривают возможность защиты авторских прав и, как правило, имеют удобную встроенную систему для удаления незаконно размещенного контента. На некоторых платформах (типа YouTube) его обнаружение происходит автоматически. Например, автор видео или онлайн-шоу не может использовать музыкальную композицию, которая защищена авторскими правами.

Так, музыка и видеоролики, защищенные авторским правом, на YouTube обнаруживаются с помощью системы Content ID, предоставляемой YouTube. Эта автоматизированная система, фактически являющаяся техническим средством защиты авторских

прав по смыслу ст. 1299 ГК РФ, позволяет владельцам авторских прав идентифицировать свой контент и управлять им. Работает она следующим образом.

1. Правообладатели предоставляют YouTube копии своего контента. Этот контент добавляется в базу данных.

2. Content ID сканирует все загружаемые видеоролики по базе данных контента, защищенного авторским правом, на предмет совпадения с эталонной библиотекой, чтобы определить, совпадает ли какая-либо часть видеоролика с какой-либо частью эталонного контента.

3. Если Content ID обнаруживает совпадение между загруженным видеороликом и контентом в базе данных, он предпринимает действия, указанные владельцем авторских прав.

4. Правообладатели сами выбирают, что делать при обнаружении совпадений:

- блокировать весь видеоролик от просмотра;
- монетизировать видео, размещая на нем рекламу (в этом случае доход от показа рекламы выплачивается правообладателю);
- отслеживать статистику просмотров видеоролика;
- разрешить использование, но с указанием авторства в описании видеоролика.

В дополнение к Content ID владельцы авторских прав могут вручную проверять видеоролики на YouTube и направлять уведомления о принадлежности авторских прав, если они обнаруживают, что их работа была использована без разрешения. Это часто относится к контенту, который может отсутствовать в системе Content ID, или к более сложным случаям, когда требуется участие человека.

Рассмотренная система крайне перспективна и предупреждает нарушение авторских прав до момента загрузки видеоролика или в процессе трансляции. В отношении онлайн-шоу система также работает, сначала высылая предупреждение ведущему в момент обнаружения контента, защищенного авторским правом, а затем прерывая и удаляя трансляцию, если нарушение авторского права не прекратилось. В настоящее время системы, аналогичные этой, не настолько распространены, однако их развитие критически важно для предупреждения и защиты авторских прав в интернете.

Перспективные способы защиты авторских прав, в том числе и на формат онлайн-шоу, включают в себя множество технологических решений. Несмотря на то что многие из них или находятся в разработке, или слишком сложны в реализации, можно выделить несколько вариантов, которые также можно считать «любими» технологиями, техническими устройства-

ми или их компонентами, контролирующими доступ к произведению, предотвращающими либо ограничивающими осуществление действий, которые не разрешены автором или иным правообладателем в отношении произведения» (ст. 1299 ГК РФ).

Например, технология водяных знаков, встраивающая во фрагмент видео уникальный идентификатор, по которому можно отследить источник несанкционированного копирования, является эффективным решением для защиты цифровых изображений и видеозаписей, в том числе и трансляций, от нарушения авторских прав.

Развивающиеся технологии, такие как блокчейн и NFT (Non-Fungible Tokens), также предлагают новые механизмы защиты авторских прав и монетизации контента. Например, использование блокчейна для хранения и управления авторскими правами и правами на распространение подразумевает, что каждая транзакция или каждое лицензионное соглашение, касающееся контента, могут быть записаны в блокчейн, создавая прозрачную и неизменяемую книгу учета прав собственности и использования. Смарт-контракты могут быть использованы для автоматизации реализации этих прав, позволяя в режиме реального времени распределять доходы между владельцами авторских прав при потоковом воспроизведении контента.

Перед внедрением этих и других технологий владельцам авторских прав следует оценить их практическую целесообразность, стоимость и возможность использования пользователями. Правовая база также должна развиваться, чтобы в полной мере поддерживать и признавать эти цифровые механизмы защиты авторских прав.

Несмотря на то что в настоящее время не так много дел, посвященных именно нарушению авторских прав на онлайн-шоу, отдельные случаи достойны упоминания. Следует подчеркнуть, что правообладатели преимущественно арестовывают требования стриминговым площадкам, а не авторам нарушающих закон трансляций. Площадки выступают в качестве информационных посредников, представляют платформу для пользователей, которые уже делятся контентом. Подобные сервисы его содержание не контролируют. Поэтому, если стриминговая площадка заранее приняла все необходимые меры по удалению контента при наличии претензий, то, вероятнее всего, она сможет избежать материальной ответственности. Например, как было показано ранее, Twitch максимально ограничивает свою ответственность, прописывая в правилах ответственность пользователя за контент.

Однако это все равно не избавляет площадки от требований на запрет распространения информации

и взыскания компенсации. В качестве примера можно привести дело Rambler Group vs Twitch, которое рассматривали в Московском городском суде. Компания в 2019 г. приобрела исключительную лицензию на трансляцию матчей Английской премьер-лиги в России. Параллельно администраторы узнали, что пользователи Twitch дублируют трансляцию футбольных матчей. Компания через суд потребовала взыскать с платформы 180 млрд рублей, однако все закончилось подписанием мирового соглашения [14].

В связи с ситуацией в мире в настоящее время особенно актуальным представляется создание отечественных онлайн-платформ для трансляции контента. Такие платформы уже активно развиваются; в качестве примера можно привести VK PLAY, которая, несмотря на свою новизну, в текущем году занимает третье место в РФ по числу создаваемых трансляций, уступая лишь таким сервисам, как Twitch (США) и Trovo (Китай). Отечественный конкурент популярных западных сервисов предоставляет не только стриминговый сервис, но и магазин игр, где продукцию можно приобрести, не нарушая авторских прав издателей, а также новостную площадку и встроенный сервис монетизации.

В этой связи необходимо обратить особое внимание на правовое регулирование трансляций в подобных отечественных сервисах, поскольку для судебной практики это явление достаточно новое. Это связано с тем, что ранее абсолютное большинство трансляций проводилось на западных сервисах — таких как YouTube, Twitch и др., удобство и монетизация которых не оставляли шанса развитию российских платформ. Соответственно вся судебная практика включала в себя иностранный элемент в виде зарубежного сервиса, на котором и велась трансляция. Сейчас же в связи с развитием платформ, находящихся в РФ, дела о нарушении авторских прав будут включать по большей части российских субъектов.

Подводя итог, необходимо сказать, что правовое регулирование онлайн-шоу, в особенности авторских прав на них, далеко от совершенства. Растущая распространенность онлайн-шоу в цифровую эпоху подразумевает необходимость надежной правовой базы. В настоящее время существуют законодательные недостатки в надлежащей защите авторских прав в рамках быстро развивающейся технологии онлайн-шоу. Необходимо совершенствовать защиту прав создателей контента при одновременном поощрении инноваций и честной конкуренции.

В статье были рассмотрены связи между медиа-правом и авторским правом и место онлайн-шоу как аудиовизуальных произведений в этой связи. Сложность нарушений авторских прав в пользовательском

контенте на различных потоковых платформах остается высокой, в связи с чем автор рекомендует технологические решения для защиты авторских прав, такие как системы идентификации контента, технология водяных знаков, блокчейн и др. Также автор предлагает пересмотреть определение аудиовизуальных произведений в ГК РФ, чтобы лучше охватить характеристики онлайн-шоу, гарантируя им такую же защиту, как и другим произведениям, защищенным авторским правом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 4 (электронный ресурс). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 19.11.2023).
2. Fair use и доктрина «расширяющего полезность использования» (электронный ресурс). — URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daidzhest/fair-use-i-doktrina-rasshiryaushhego-poleznost-ispolzovaniya/> (дата обращения: 19.11.2023).
3. Twitch.tv — Terms of service (электронный ресурс). — URL: <https://www.twitch.tv/p/ru-ru/legal/terms-of-service/> (дата обращения: 19.11.2023).
4. Артемьева Е.А. Правовое регулирование игрового стриминга по российскому законодательству // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3 (33). С. 112–123.
5. Бызова А.В. Понятие и виды аудиовизуальных произведений как объектов авторских прав в Российской Федерации // Наука и образование в XXI веке: сб. научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 частях. М.: АР-Консалт, 2018. С. 90–95.
6. Волкова К.Ю. Концепции добросовестного использования (fair use) и честного использования (fair dealing) в законодательстве по авторскому праву и их значение для библиотек // Научные и технические библиотеки. 2021. № 10. С. 15–28.
7. Епифанов А.Е., Мирина Н.В. К вопросу обеспечения защиты авторских прав на аудиовизуальные произведения // Право и инновации: новые вызовы технологической революции. Материалы II Приволжского юридического конгресса. Уфа, 2022. С. 52–64.
8. Кирилс Д.А. Особенности защиты авторских прав на аудиовизуальное произведение в России и за рубежом. М.: Триумф, 2020. 76 с.
9. Названы самые популярные в России стриминговые платформы (электронный ресурс). — URL: <https://iz.ru/1567041/2023-08-31/nazvany-samye-populiarnye-v-rossii-strimingovye-platformy> (дата обращения: 19.11.2023).
10. Носкова Н.А. Законодательное регулирование медиаиндустрии // Актуальные проблемы радио- и кинотехнологий: сб. материалов III Международной научно-технической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения. Редакционная коллегия: Д.П. Барсуков и др. 2019. С. 227–230.
11. Пашенко И.Ю. Авторские права и пользовательский стриминг: нарушения в прямом эфире // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сб. материалов VIII Международного юридического форума (IP Форума). М.: Московский гос. ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020. С. 350–354.
12. Пользовательское соглашение VK Play (электронный ресурс). — URL: https://documentation.vkplay.ru/terms_vkp/tou_vkp (дата обращения: 19.11.2023).
13. Семеницкая В.С. Вопросы авторского права игровых трансляций // 79-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: сб. материалы конференции. В 3-х частях. Редколлегия: В.Г. Сафонов (гл. ред.) и др. Минск, 2023. С. 357–360.
14. Стриминг с последствиями: как уличить блогера в нарушении авторских прав? — URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/streaming-s-posledstviyami-kak-ponyat-cto-blogger-narushil-avtorskie-prava> (дата обращения: 19.11.2023).
15. Чурилов А.Ю. Некоторые вопросы правового режима и охраны трансляций компьютерных игр // Сибирское юридическое обозрение. 2020. Т. 17. № 1. С. 43–50.

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii, chast' 4 (Electronic resource). — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (data obrashcheniya: 19.11.2023)
2. Fair use i doktrina "rasshiryaushchego poleznost' ispol'zovaniya". — URL: <https://legal-support.ru/information/blog/ip-daidzhest/fair-use-i-doktrina-rasshiryaushhego-poleznost-ispolzovaniya/> (data obrashcheniya: 19.11.2023).
3. Twitch.tv — Terms of service (Electronic resource). — URL: <https://www.twitch.tv/p/ru-ru/legal/terms-of-service/> (data obrashcheniya: 19.11.2023).
4. Artem'eva E.A. Pravovoe regulirovanie igrovogo striminga po rossijskomu zakonodatel'stvu // Zhurnal Suda po intellektual'nyh pravam. 2021. No 3 (33). S. 112–123.
5. Byzova A.V. Ponyatie i vidy audiovizual'nyh proizvedenij kak ob'ektov avtorskih prav v Rossijskoj Federacii //

- Nauka i obrazovanie v XXI veke: Sb. nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 chastyah. M.: AR-Konsalt. 2018. S. 90–95.
6. Volkova K.Yu. Konceptii dobrosovestnogo ispol'zovaniya (fair use) i chestnogo ispol'zovaniya (fair dealing) v zakonodatel'stve po avtorskomu pravu i ih znachenie dlya bibliotek // Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki. 2021. No 10. S. 15–28.
 7. Epifanov A.E., Mirina N.V. K voprosu obespecheniya zashchity avtorskih prav na audiovizual'nye proizvedeniya // Pravo i innovacii: novye vyzovy tekhnologicheskoy revolyucii: sb. statey po materialam II Privolzhskogo yuridicheskogo kongressa. Ufa, 2022. S. 52–64.
 8. Kiris D.A. Osobennosti zashchity avtorskih prav na audiovizual'noe proizvedenie v Rossii i za rubezhom. M.: Triumf, 2020. 76 s.
 9. Nazvany samye populyarnye v Rossii strimingovye platformy (Electronic resource) // URL: <https://iz.ru/1567041/2023-08-31/nazvany-samye-populiarnye-v-rossii-strimingovye-platformy> (data obrashcheniya: 19.11.2023).
 10. Noskova N.A. Zakonodatel'noe regulirovanie mediaindustrii // Aktual'nye problemy radio- i kinotekhnologii: sb. Statey po Materialam III Mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya osnovaniya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kino i televideniya. Redakcionnaya kollegiya: D.P. Barsukov i dr. 2019. S. 227–230.
 11. Pashchenko I.Yu. Avtorskie prava i pol'zovatel'skij striming: narusheniya v pryamom efire // Pravovaya zashchita intellektual'noj sobstvennosti: problemy teorii i praktiki: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum). M.: MGYuA, 2020. S. 350–354.
 12. Pol'zovatel'skoe soglasenie VK Play (Electronic resource). — URL: https://documentation.vkplay.ru/terms_vkp/tou_vkp (data obrashcheniya: 19.11.2023).
 13. Semenickaya V.S. Voprosy avtorskogo prava igrovyyh translyacij // 79-ya nauchnaya konferenciya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy konferencii. V 3 chastyah. Redkollegiya: V.G. Safonov (gl. red.) i dr. Minsk, 2023. S. 357–360.
 14. Striming s posledstviyami: kak ulichit' blogera v narushenii avtorskih prav? (Electronic resource). — URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/striming-s-posledstviyami-kak-ponyat-cto-blogger-narushil-avtorskie-prava> (data obrashcheniya: 19.11.2023)/
 15. Churilov A.Yu. Nekotorye voprosy pravovogo rezhima i ohrany translyacij komp'yuternyyh igr // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2020. T. 17. No 1. S. 43–50.

Научная статья
УДК 342.951
DOI: 10.17323/tis.2024.21720

Original article

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК СУБТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА FEATURES OF PROVIDING INFORMATION USING RECOMMENDER SYSTEMS AS A SUBTECHNOLOGY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Елена Алексеевна САВЧЕНКО

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
elen_savchenko@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-8346-8829

Сергей Васильевич СЕМЁНОВ

Российский университет транспорта (МИИТ), Юридический институт, Москва, Россия,
sergej-gossluzhba@yandex.ru,
ORCID: 0009-0000-2300-183X

Информация об авторах

Е.А. Савченко — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

С.В. Семёнов — соискатель кафедры правового обеспечения государственного управления и экономики Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Аннотация. С 1 октября 2023 г. вступили в силу поправки в Закон об информации, устанавливающие осо-

бенности предоставления информации с применением рекомендательных технологий, которые, как правило, используют для продвижения товаров и услуг, вовлечения интернет-пользователей и удержания их внимания. Рекомендательные технологии используют для проведения анализа запроса пользователя системой искусственного интеллекта, для подбора и предложения пользователю близких по форме и содержанию товаров и услуг. Использование рекомендательных технологий для анализа с помощью систем искусственного интеллекта предпочтений пользователей сети Интернет пока находится на начальном этапе правового регулирования. Однако вопрос, как обозначить границы применения рекомендательных алгоритмов, пока не решен.

Ключевые слова: рекомендательные технологии, информационные ресурсы, сеть Интернет, искусственный интеллект

Для цитирования: Савченко Е.А., Семёнов С.В. Особенности предоставления информации с использованием рекомендательных систем как субтехнологии искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 118–123; DOI: 10.17323/tis.2024.21720

•

Elena A. SAVCHENKO

Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
elen_savchenko@bk.ru,
ORCID: 0000-0001-8346-8829

Sergei.V. SEMENOV

Law institute Russian University of Transport, Law Institute,
Moscow, Russia,
sergej-gossluzhba@yandex.ru

Information about the authors

E.A.Savchenko — Candidate of Legal Sciences, fellow
of the Department of Social Legislation of the Institute
of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation

S.V. Semenov — postgraduate student of the Department of Legal Support of Public Administration and Economics, Law Institute, Russian University of Transport

Abstract. On October 1, 2023, amendments to the Information Law came into force, establishing the specifics of providing information using recommendation technologies, which are usually used to promote goods and services, engage Internet users and retain their attention. Recommendation technologies are used to analyze the user's request by an artificial intelligence system, select and offer the user goods and services that are similar in form and content. The use of recommendation technologies to analyze the preferences of Internet users using artificial intelligence systems is still at the initial stage of legal regulation. However, the question of how to define the boundaries of the use of recommendation algorithms has not yet been resolved.

Keywords: recommendation technologies, information resources, Internet, artificial intelligence

For citation: Savchenko E.A., Semenov S.V. Features of Providing Information Using Recommender Systems as a Subtechnology of Artificial Intelligence // Trudy po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. Vol. 49 (2). P. 118–123; DOI: 10.17323/tis.2024.21720

-
-
-
-
-
-
-
-
- С 1 октября 2023 г. вступили в силу поправки в Закон об информации [1], устанавливающие особенности предоставления информации с применением рекомендательных технологий, которые, как правило, используют для продвижения товаров и услуг, вовлечения интернет-пользователей и удержания их внимания.

Рекомендательные технологии используются для проведения анализа запроса пользователя системой искусственного интеллекта, подбора и предложения пользователю близких по форме и содержанию товаров и услуг.

Такой анализ, по сути, является одной из форм контроля государства за контентом. В качестве альтернативы принятию поправок в Закон об информации предлагалось саморегулирование на базе разрабатываемых предпринимательским сообществом этических правил создания и применения рекомендательных сервисов.

Так, в Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта и Кодексе этики использования данных уже закреплены нормы по использованию рекомендательных алгоритмов.

Однако, по нашему мнению, три кита развития информационного общества — информационные технологии (подробно см. [2]), информационные ресурсы и информационные системы — требуют отдельного законодательного закрепления как на уровне понятий, так и на уровне детального правового регулирования отношений в связанных с ними сферах деятельности. Поэтому использование рекомендательных технологий должно быть определено на уровне базового закона.

- Рекомендательные технологии — это информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа данных, относящихся к предпочтениям пользователей сети Интернет. В этой связи интересно и определение рекомендательных систем, которое дается в дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» и определяется как субтехнология искусственного интеллекта (далее — ИИ). Рекомендательные системы как субтехнология искусственного интеллекта
- определяются как класс решений, обеспечивающих выполнение процесса без участия человека, поддержж-

ку в выборе решений, а также предсказание объектов, которые будут интересны пользователю [3].

Алгоритмы рекомендательных систем построены на основе машинного обучения: ИИ учится на выборе пользователя и предлагает ему все новые возможности взаимодействия: например, цифровые платформы предоставляют информацию, которая может понравиться пользователю, а социальные сети предлагают добавить в контакты новых друзей.

Фактически речь идет о применении рекомендательных систем в так называемом виртуальном пространстве [компьютерно-техническая трактовка виртуальной реальности (погружение и навигация субъекта в искусственно созданной при помощи компьютеров трехмерной среде, а также манипулирование ее объектами)], которое предполагает выбор, а следовательно, нуждается в системе построения рекомендаций. Например, если в реальном пространстве офертой являлась витрина офлайн-магазина, то в виртуальном пространстве, где выбор иногда исчисляется миллионом предложений, именно рекомендательные системы помогают сформировать оферту.

Как отмечено выше, рекомендательные технологии — это информационные технологии (процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов). В связи с этим возникает вопрос: почему в дорожной карте «Нейротехнологии и искусственный интеллект» используется другой термин — «рекомендательная система»?

Отвечая на данный вопрос, напомним, что в соответствии с Законом об информации информационная система — это «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств», т.е. можно сказать, что рекомендательная система — это разновидность информационной системы. Однако, поскольку предметом регулирования Закона об информации являются общественные отношения, связанные с предоставлением информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, законодатель справедливо использует термин «рекомендательные технологии».

Среди явных плюсов стоит отметить, что изменения в Закон об информации впервые, хоть и не в виде добавления в понятийный аппарат, но косвенно определили, что же является информационным ресурсом, а именно: 1) сайт, 2) и (или) страница сайта в сети Интернет, 3) и (или) информационная система, 4) и (или) программа для электронных вычислительных машин.

Непосредственно определения того, что является информационным ресурсом, в базовом законе не

дается. Разные нормативные акты дают различные определения данного понятия. Например, в ст. 5 Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ под информационными ресурсами Российской Федерации понимаются информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления, находящиеся на территории Российской Федерации, в дипломатических представительствах и (или) консульских учреждениях Российской Федерации.

В ст. 304 Федерального закона от 03.08.2018 № 289-ФЗ под информационными ресурсами таможенных органов понимается упорядоченная совокупность документированной информации (сведений), содержащейся в информационных системах таможенных органов, получаемой таможенными органами в соответствии с международными договорами и актами в сфере таможенного регулирования, федеральными законами.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 под информационным ресурсом понимается индивидуально создаваемый личный кабинет для лица, участвующего в деле, предназначенный для реализации возможности подачи обращений в суд в электронном виде и получения копий судебных актов, извещений, вызовов и иных документов в электронном виде.

В Методике определения количества пользователей информационных ресурсов в сутки информационными ресурсами названы информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, информационные системы и (или) программы для электронных вычислительных машин, находящиеся на территории РФ.

ГОСТ Р 7.0.56-2017 информационный ресурс определяет как объект, являющийся источником информации, представленной в любой знаковой системе, на любом носителе.

Вообще, с информационными ресурсами в Российской Федерации сложилась интересная ситуация. Мало кто помнит, что в Законе 1995 г. «Об информации, информатизации и защите информации» определение информационных ресурсов давалось (информационные ресурсы — отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других информационных системах) [4]. Потом, после принятия в 2006 г. Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», определение информационных ресурсов из закона исчезло.

Помимо косвенного определения, которое позволяет определить, что является информационным ресурсом, внесенные изменения регламентируют

ряд обязательных требований, которые с 1 октября 2023 г. должны исполнять владельцы информационного ресурса, где применяются информационные технологии предоставления информации на основе сбора, систематизации и анализа сведений, относящихся к предпочтениям пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации. Например, нужно информировать пользователей о работе алгоритмов и разместить на русском языке для свободного и бесплатного доступа на ресурсе правила применения данных технологий.

Однако среди минусов внесенных изменений нельзя не отметить, что сбор и систематизация информации, аналитика и предоставление данных потребуют привлечения дополнительных квалифицированных ресурсов, что означает повышение финансовой нагрузки на владельцев информационных ресурсов.

По мнению авторов, имеет смысл предусмотреть возможность запрета на использование определенной информации о пользователе, что уравнило бы всех участников хозяйственного оборота, поскольку иностранные платформы уже обязаны соблюдать аналогичные положения в рамках Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных)» [5].

Рассматривая рекомендательные системы как субтехнологии искусственного интеллекта, предложим свое определение ИИ. По нашему мнению, искусственный интеллект — это прежде всего программный код, исполняемый на конкретной аппаратной платформе (компьютерной технике). Данный программный код на языке высокого уровня реализует авторский алгоритм поведения определенной информационной системы искусственного интеллекта, имеющей возможность, накапливая данные, обучаться в процессе выработки решения [6].

Существенный научный вклад в развитие правового регулирования деятельности систем искусственного интеллекта и исследование его понятия внесли такие ведущие ученые, как Ю.М. Батулин [7], А.А. Карцхия [8, 9], А.В. Минбалева [10], А.В. Морозов [11, 12], П.М. Морхат [13] и В.Б. Наумов [14, 15].

Мы же пытаемся оценить минусы и плюсы рекомендательных технологий в новой трактовке закона, понимая, что, с одной стороны, стоит вопрос о защите интересов простых граждан при получении достоверной и полезной информации о товарах и услугах, с другой стороны, это дополнительные расходы юридических лиц и предпринимателей на организацию деятельности в интернете.

Подводя итог нашему краткому научному исследованию, мы хотим сделать вывод, что рекомендательные технологии можно считать одним из направлений внедрения технологий искусственного интеллекта при организации работы информационных ресурсов в сети Интернет, при этом основной акцент должен быть сделан на прозрачности алгоритмов в целях защиты прав пользователей в виртуальном пространстве. Прозрачность алгоритмов становится своеобразной формой контроля государства за владельцами информационных ресурсов. Использование рекомендательных технологий для анализа с помощью систем искусственного интеллекта предпочтений интернет-пользователей пока находится на начальном этапе правового регулирования, и здесь важно определить границы применения рекомендательных алгоритмов. Простое указание на сайте о применении рекомендательных технологий малоэффективно для защиты интересов пользователей. По нашему мнению, требуется указывать не только факт применения рекомендательных технологий, но и то, какие данные используются в рекомендательной системе. Это помогает понять, на основании чего алгоритм принимает решение предоставить те или иные рекомендации.

В итоге при совершенствовании законодательства в информационной сфере необходимо урегулировать сбор, анализ и предоставление пользователю информации, вызывающие у пользователя определенный интерес.

Целью изменений в Закон об информации было определить правила сбора данных о предпочтении пользователя информационных ресурсов, а также упорядочить сбор персональных данных. Однако, по нашему мнению, утверждать, что эти изменения привели к полному решению проблемы, еще рано.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».
2. Савченко Е.А. Юридическая природа информационных технологий: порядок создания, функционирование, правовые режимы // Черные дыры в российском законодательстве. 2023. № 2. С. 24–29.
3. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии Нейротехнологии и искусственный интеллект.
4. Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».
5. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и

- о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент о защите персональных данных)».
6. Семёнов С.В. Анализ состояния правового регулирования в сфере деятельности систем искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). (М. Право и государство пресс). С. 134–138.
 7. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим // Государство и право. 2022. № 10. С. 141–154.
 8. Карцхия А.А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1 (34). С. 45–50. DOI: 10/21681/2226-0692-2020-1-45-5./
 9. Карцхия А.А., Макаренко Д.Г. Правовые аспекты статуса и рисков искусственного интеллекта // Тр. Десятой Междунар. науч.-техн. конф. «Безопасные информационные технологии» (3-4 декабря 2019 г.) / МГТУ имени Н.Э. Баумана (НИУ). М.: МГТУ, 2019. С. 167–171.
 10. Минбалеев А.В. Проблемы регулирования искусственного интеллекта // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». 2018. Т. 18, № 4. С. 82–87.
 11. Морозов А.В. Искусственный интеллект: понятие и особенности правового регулирования. М.: Технолodge-3000, 2021. 132 с.
 12. Морозов А.В. Бионические конструкции человеческого сознания как основа построения ЭВМ будущего // Будущее российского права: концепты и социальные практики. V Московский юридический форум. XIV Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. Ч. 4. М.: РГ-Пресс, 2018. С. 82–89.
 13. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юр. наук. М., 2018. 420 с.
 14. Наумов В.Б. Комплексное исследование правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники // под ред. д.ю.н. В.Б. Наумова. СПб.: НП-Принт, 2022. 336 с.
 15. Наумов В.Б. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития: монография // под ред. д.ю.н. В.Б. Наумова. СПб.: НП-Принт, 2020. 260 с.
 16. Кузнецов И.А. Методы и алгоритмы машинного обучения для предобработки и классификации слабоструктурированных текстовых данных в научных рекомендательных системах: дисс ... канд. техни. наук. М., 2019. 127 с.
 17. Талапина Э.В. Алгоритмы и искусственный интеллект сквозь призму прав человека // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 25–39.
 18. Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паныни Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского ун-та. Сер. Юр. науки. 2021. № 53. С. 488–515.
 19. Дюфло А., Егорова М.А., Минбалеев А.В., Пономарева Д.В. Тенденции правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации и во Французской Республике // Вестник Ун-та имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 9. С. 223–229.

REFERENCES

1. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 No 149-FZ "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii".
2. Savchenko E.A. Yuridicheskaya priroda informacionnyh tekhnologij: poryadok sozdaniya, funkcionirovanie, pravovye rezhimy // Chernye дыры v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. No 2. S. 24–29.
3. Dorozhnaya karta razvitiya "skvoznoj" cifrovoj tekhnologii Nejrotekhnologii i iskusstvennyj intellekt.
4. Federal'nyj zakon ot 20.02.1995 No 24-FZ "Ob informacii, informatizacii i zashchite informacii".
5. Reglament No 2016/679 Evropejskogo parlamenta i Soveta Evropejskogo Soyuza "O zashchite fizicheskix lic pri obrabotke personal'nyh dannyh i o svobodnom obrashchenii takih dannyh, a takzhe ob otmene Direktivy 95/46/ES (Obshchij Reglament o zashchite personal'nyh dannyh)".
6. Semenov S.V. Analiz sostoyaniya pravovogo regulirovaniya v sfere deyatel'nosti sistem iskusstvennogo intellekta. Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika No 7 (223). M. Pravo i gosudarstvo press, S. 134–138.
7. Baturin Yu.M., Polubinskaya S.V. Iskustvennyj intellekt: pravovoj status ili pravovoj rezhim. Gosudarstvo i pravo. No 10, 2022, S. 141–154.
8. Karckhiya A.A. Iskustvennyj intellekt kak sredstvo upravleniya v usloviyah global'nyh riskov // Monitoring pravoprimereniya. 2020. No 1 (34). S. 45–50. DOI: 10/21681/2226-0692-2020-1-45-50.
9. Karckhiya A.A., Makarenko D.G. Pravovye aspekty statusa i riskov iskusstvennogo intellekta // Tr. Desyatoj Mezhdunar. nauch.-tehn. konf. "Bezopasnye informacionnye tekhnologii" (3-4 dekabrya 2019 g.) / MGTU im. N.E. Baumana (NIU). M.: MGTU, 2019. S. 167–171.
10. Minbaleev A.V. Problemy regulirovaniya iskusstvennogo intellekta // Vestnik YuUrGU. Ser. "Pravo". 2018. T. 18, No 4, S. 82–87.

11. Morozov A.V. Iskusstvennyj intellekt: ponyatie i osobennosti pravovogo regulirovaniya.. M.: Tekhnolodzhi-3000, 2021. 132 s.
12. Morozov A.V. Bionicheskie konstrukcii chelovecheskogo soznaniya kak osnova postroeniya EVM budushchego // Budushchee rossijskogo prava: koncepty i social'nye praktiki. V Moskovskij yuridicheskij forum. XIV Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya): materialy konferencii: v 4 ch. Ch. 4. M.: RG-Press, 2018. S. 82–89.
13. Morhat P.M. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yur. nauk. M., 2018. 420 s.
14. Naumov V.B. Kompleksnoe issledovanie pravovyh i eticheskikh aspektov, svyazannyh s razrabotkoj i primeneniem sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki: monografiya / pod red. doct. yur. nauk V.B. Naumova. SPb.: NP-Print, 2022. 336 s.
15. Naumov V.B. Pravovye i eticheskie aspekty, svyazannye s razrabotkoj i primeneniem sistem iskusstvennogo intellekta i robototekhniki: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya: monografiya / pod red. doct. yur. nauk V.B. Naumova. SPb.: NP-Print, 2020. 260 s.
16. Kuznecov I.A. Metody i algoritmy mashinnogo obucheniya dlya predobrabotki i klassifikacii slabostrukturirovannyh tekstovyh dannyh v nauchnyh rekomendatel'nyh sistemah: dissertaciya kandidata tekhnicheskikh nauk. M., 2019. 127 s.
17. Talapina E.V. Algoritmy i iskusstvennyj intellekt skvoz' prizmu prav cheloveka // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. No 10. S. 25–39.
18. Haritonova Yu.S., Savina V.S., Pan'ini F. Predvzyatost' algoritmov iskusstvennogo intellekta: voprosy etiki i prava // Vestnik Permskogo universiteta. Yur. nauki. 2021. No 53. S. 488–515.
19. Dyuflo A., Egorova M.A., Minbaleev A.V., Ponomareva D.V. Tendencii pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii i vo Francuzskoj Respublike // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). 2020. No 9. S. 223–229.

ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СГЕНЕРИРОВАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

THE PROBLEM OF DISTRIBUTION OF INTELLECTUAL RIGHTS ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE GENERATED WORKS

Матвей Сергеевич ЧЕРНЫШОВ

Юридическая фирма «Nextons», Санкт-Петербург,
Россия,
matvei.chernyshov@nextons.ru,
ORCID: 0009-0001-3385-872X

Информация об авторе

М.С. Чернышов — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация. В работе исследуются проблемные вопросы права интеллектуальной собственности, возникшие в связи с развитием генеративных моделей искусственного интеллекта, способных по запросу генерировать текст, изображение, мелодию и т.д. Автор сосредоточился на распределении интеллектуальных прав на сгенерированный ИИ контент. В этой проблеме выделяются два аспекта: 1) произведение было в какой-то части сгенерировано, но в его создании прослеживается творческий вклад человека; 2) произведение было сгенерировано целиком без человеческого творческого участия. Подчеркивается сложность единого определения понятия ИИ из-за его комплексности. Актуальность проблемы вызвана повсеместным и массовым использованием генеративных моделей ИИ, что бросает вызов действующему законодательству. Сделан вывод о том, что к творческой деятельности способен только человек, а ИИ может лишь осуществлять сложную механическую компиляцию загруженных в него результатов.

Действующий российский закон позволяет считать автором только человека, при этом нет никаких препятствий к тому, чтобы считать ИИ инструментом творчества и наделять человека авторскими правами в отношении сгенерированного произведения, если при этом

- прослеживается его творческий вклад. Вопрос о распределении интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные без творческого участия человека, должен быть прямо решен законодателем, потому что на это есть запрос у общества и бизнеса. Исследование существующих в доктрине законодательных концепций распределения прав на сгенерированные произведения показало, что наиболее удачной для реализации в российском законодательстве будет антропоцентрическая концепция, в рамках которой автор работы предлагает наделять исключительным правом конечного пользователя, сформулировавшего запрос к нейросети. Такое исключительное право предлагается ограничить сроком действия в один календарный год. Тогда у этого у пользователей будет стимул оплачивать доступ к нейросети, а разработчики будут получать финансирование на развития технологий ИИ.
- **Ключевые слова:** искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, гражданское право, творчество, автор, пользователь, разработчик

Для цитирования: Чернышов М.С. Проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, сгенерированные искусственным интеллектом // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 49, № 2. С. 124–137; DOI: 10.17323/tis.2024.21721

• **Matvei S. CHERNYSHOV**

Law firm «Nextons», Russia, St. Petersburg,
matvei.chernyshov@nextons.ru,
• ORCID: 0009-0001-3385-872X

Information about the author

M.S. Chernyshov — master's student of Saint Petersburg State University

Abstract. The article explores the problematic issues of intellectual property rights arising in connection with the development of generative models of artificial intelligence capable of generating text, image, melody, etc. The author focuses on revealing the problematic issue of how intellectual property rights to AI-generated content should be allocated. Two aspects of this problem are emphasized: 1) the work was generated in some part, but its creation is traced by human creative contribution; 2) the work was generated entirely without human creative participation. The complexity of a single definition of the AI concept due to its complexity is emphasized. The relevance of the problem is caused by the widespread and mass use of generative AI models, which challenges the current legislation. It is concluded that only human beings are capable of creative activity, and AI is capable only of complex automatic compilation of the results loaded into it. The current Russian law allows only a human being to be considered an author, while there are no obstacles in considering AI as a creative tool and granting a human being copyright over the generated work, if his creative contribution is traced. The issue of allocation of intellectual rights to the works generated without human creative input should be directly solved by the legislator, because there is a demand for it from society and business. The study of existing doctrinal legislative concepts of distribution of rights to generated works has shown that the most successful for realization in the Russian legislation will be anthropocentric concept, in the framework of which the author of the paper proposes to grant an exclusive right to the end user who formulated a request to the neural network. This exclusive right is proposed to be limited to one calendar year. As a consequence, users will have an incentive to pay for access to the neural network, and developers will receive funding for the development of their technology.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, civil law, creativity, author, user, developer

For citation: Chernyshov M.S. The problem of distribution of intellectual rights on Artificial Intelligence Generated Works // *Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*. 2024. Vol. 49 (2). P. 124–137; DOI: 10.17323/tis.2024.21721

ВВЕДЕНИЕ

Искусственный интеллект (далее — ИИ) — это одна из самых динамично развивающихся и прорывных областей науки и техники, оказывающая все большее влияние на все сферы жизни общества. В самом широком смысле под ИИ подразумеваются компьютерные системы, выполняющие различные задачи, которые в прошлом могли быть решены только усилиями человеческого интеллекта [1]. ИИ может быть использован для выполнения самых разных задач: от поддержания диалога с пользователем в виртуальном пространстве до построения точных медицинских прогнозов.

В последние годы в общественной дискуссии очень актуальным стал вопрос о том, каким образом следует закреплять интеллектуальные (авторские и исключительные) права на сгенерированный ИИ контент и следует ли вообще предоставлять сгенерированным произведениям какую-либо правовую охрану. Такой же вопрос стоит и перед российским законодателем, которому рано или поздно придется учитывать в своем регулировании работу стремительно развивающихся технологий в сфере ИИ. Это бросает вызов современному праву интеллектуальной собственности. От способа решения обозначенной проблемы зависит многое: темпы развития ИИ, развитие национальной экономики, судьба культурного наследия человечества в целом.

Объектом исследования в данной работе является деятельность генеративных моделей ИИ в контексте права интеллектуальной собственности. Генеративным ИИ считается компьютерный алгоритм, прошедший машинное обучение и способный генерировать по запросу пользователя новую информацию (текст, изображение или аудио) [2] в виде текстовых, аудиовизуальных или иных отображений.

В настоящей работе исследуется возможность предоставления правовой охраны произведениям, в создании которых участвовал ИИ. Автор выделяет в указанной проблеме два следующих аспекта: 1) в создании сгенерированного произведения прослеживается творческий вклад человека-автора, 2) произведение было сгенерировано без человеческого творческого участия. Чтобы сосредоточиться

на раскрытии указанных вопросов, автор сознательно не затрагивает существующую в практике проблему массового использования произведений, защищенных авторским правом, для целей машинного обучения.

Исследование опирается на работы специалистов в сфере права, в частности В.В. Архипова, Д.В. Братусь, В.С. Витко, В.О. Калятина, О.А. Красавчикова, Е.Е. Кирсановой, М.А. Кольздорф, П.М. Морхата, В.Б. Наумова, И.В. Понкина, А.И. Редькиной, А.И. Савельева, Е.П. Сесицкого, А.Л. Тюльканова, М.А. Федотова, Г.Ф. Шершеневича, Р.М. Янковского и др.

Цель настоящей работы — раскрыть оба аспекта заявленной проблемы и в итоге предложить авторский способ ее решения, а также рассмотреть и прокомментировать существующие в доктрине и практике концепции распределения интеллектуальных прав на сгенерированный контент.

Для достижения обозначенной цели в работе выполнены следующие задачи:

- 1) дано определение понятия «искусственный интеллект»;
- 2) исследовано содержание понятия «творческая деятельность»;
- 3) изучен вопрос о допустимости признания работы генеративного ИИ творческой деятельностью;
- 4) рассмотрены случаи, когда современное законодательство признает человеческое авторство в отношении произведения, в создании которого был задействован генеративный ИИ;
- 5) выполнен обзор существующих в доктрине концепций распределения интеллектуальных прав на сгенерированные произведения, не содержащие творческого вклада человека;
- 6) сформулирована авторская законодательная концепция распределения прав на сгенерированное произведение, в создании которого отсутствует творческий вклад человека.

ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В научный оборот термин ИИ был введен Джоном Маккарти в 1956 г. в значении интеллектуальных компьютерных программ [3]. Однако по нынешний день специалисты не выработали общепринятого определения ИИ [4]. На объем и содержание термина влияет то, какие задачи решает исследователь и к какой научной области он принадлежит — психологии, философии и т.д. [5]. Так, советский специалист в области кибернетики Д.А. Поспелов в конце 1970-х годов отмечал, что теоретические проблемы ИИ исследуются на стыке философии, психологии, лингвистики, семиотики, логики, этики, а необходимым инструмен-

том построения формальных моделей и прикладных интеллектуальных систем являются методы и средства прикладной математики (включая прикладную логику), теории систем, теории управления, информатики и вычислительной техники, программирования [6]. Это лишний раз доказывает, что дать единое определение понятию ИИ весьма сложно.

Авторы концепции «робоправа» выделяют следующие ключевые характеристики ИИ:

- аппаратное воплощение не является главным, так как ИИ — это прежде всего алгоритм, а не физический объект;
- ИИ предполагает способность анализировать окружающую среду;
- система ИИ обладает некоторой степенью автономности в реализации алгоритма;
- технология ИИ, как правило, предполагает способность самообучения;
- наличие «интеллектуальности», которая иногда описывается через категории «разумности», «рациональности» или просто через способность «мыслить, как человек», или «действовать, как человек», во всех или в узко определенных обстоятельствах [7].

Возникают и разногласия в целесообразности существования термина «искусственный интеллект», так как в самом широком смысле он употребляется скорее как риторический прием, которым обозначается обычный алгоритм или компьютерная программа, а потому в строго научном смысле этот термин избыточен (в то же время при определенном подходе такое словоупотребление может иметь смысл) [8]. Специалисты отмечают, что большинство противоречий в трактовке термина ИИ состоит в том, что каждый пытается надеть на него смысл, который он вкладывает в слово «интеллект», хотя в составе термина «искусственный интеллект» это просто метафорическое название, которое придумали его родоначальники [9].

Таким образом, поиск и формулирование общепринятого определения понятия ИИ следует считать отдельной проблемой.

Для определения понятия ИИ в настоящей работе будет использоваться дефиниция, данная в Национальной стратегии развития ИИ, утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490, в которой под ИИ понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс техно-

логических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе то, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Однако следует иметь в виду, что и это определение критикуется некоторыми специалистами за неполноту [8, с. 175-176].

Необходимость введения специального регулирования отношений, связанных с ИИ, признается в зарубежных правовых системах. Так, в декабре 2023 г. органы Европейского Союза (Европейский совет, Европейский парламент и Европейская комиссия) достигли политического согласия в отношении общих положений текста Закона об искусственном интеллекте, который может быть принят в ближайшие несколько лет [10].

С точки зрения современного российского права интеллектуальной собственности ИИ можно рассматривать как программу для ЭВМ. В соответствии со ст. 1261 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ) [11] программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата.

Необходимым условием существования ИИ является наличие определенной цифровой формы, в рамках которой он функционирует. Таковой может выступать, например, киберфизическая система (запущенная на компьютере программа) или другая искусственная система [12]. П.М. Морхат для обозначения системы — носителя ИИ (объекта, устройства, агента) использует понятие юнита искусственного интеллекта [4, с. 5].

С теоретических позиций ИИ может быть внутренне подразделен на «сильный» (универсальный) и «слабый» (прикладной). «Слабый» ИИ специально создается для решения определенного круга задач, вследствие чего его можно воспринимать как инструмент ограниченного применения. Например, «слабым» ИИ является нейросеть для генерации изображений Midjourney. «Сильный» ИИ — это гипотетический тип технологии ИИ, способный достичь и превзойти способности человеческого интеллекта и решать неограниченный спектр задач [13]. Теория «сильного» ИИ предполагает, что компьютеры могут приобрести способность мыслить и осознавать себя как минимум на уровне человека, а в соответствии с теорией «слабого» ИИ технологии ИИ не соответствуют человеческому интеллекту и применяются узкоспециализированным образом (при этом, однако, в этой конкретной области они значительно превосходят способности любого человека) [7, с. 46].

В последние годы в информационном пространстве стала очень заметна деятельность генеративных моделей ИИ, генерирующих тексты [14], изображения [15] и т.д. Таковыми являются, например, ChatGPT (генерирование текстов), DALL-E и Midjourney (генерирование изображений), Soundraw (генерирование музыкальных произведений) и т.д. Эти и другие модели ИИ, функционирование которых является основным объектом исследования в настоящей работе, как раз относятся к «слабой» вариации ИИ. В отношении подобных интеллектуальных компьютерных систем также принято использовать понятие «нейронная сеть» («нейросеть»). Нейросеть — это один из способов реализации искусственного интеллекта, а нейросетевое программное обеспечение — это современная технология, особенность которой заключается в том, что при решении конкретных задач она задействует механизмы, схожие с процессом человеческого мышления. Благодаря этому система может «самообучаться» внутри себя [16].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Результат деятельности генеративного ИИ в некоторых ситуациях неотличим от человеческого. В 2022 г. картина «Пространственный театр оперы», сгенерированная нейросетью Midjourney, получила призовое место в одной из номинаций на ежегодном конкурсе творчества в штате Колорадо [17]. В 2023 г. студент российского университета написал с помощью ChatGPT выпускную квалификационную работу, которая затем была успешно защищена [18]. Многочисленные сгенерированные тексты и изображения давно заполнили информационное пространство.

Эти и многие другие примеры демонстрируют, что «нейросетевое творчество» уже стало повсеместно распространенным явлением. Вследствие этого особую актуальность приобретает проблема распределения интеллектуальных прав на произведения, в создании которых участвовал ИИ.

От способа решения обозначенной проблемы будут зависеть темпы развития отрасли искусственного интеллекта и стоимость использования инструментов с генеративным ИИ. Также от этого будет зависеть спрос на результаты человеческого труда [19], потому что ИИ позволяет за малый промежуток времени создать колоссальное количество произведений.

Эта проблема уже получила признание на государственном уровне в Российской Федерации. Так, в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., утвержденной Распоряжени-

ем Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р, ставится задача найти подходы к решению проблемы о том, целесообразно ли считать сгенерированный результат продуктом творческого труда, а если целесообразно, то кто должен быть обладателем исключительных прав на такой результат.

Таким образом, важно оценить с точки зрения действующего российского законодательства возможность предоставления правовой охраны сгенерированным произведениям. Представляется также, что для наиболее эффективного регулирования многочисленных отношений по взаимодействию с генеративным ИИ потребуются реформирование отдельных институтов российского права интеллектуальной собственности.

Специалист в сфере юриспруденции и цифровых технологий А.А. Тюльканов отмечает, что необходимо начинать вводить специальное регулирование для «слабого» ИИ уже сейчас, так как темпы развития отрасли очень высоки [20]. С этой позицией можно согласиться.

Статьи 1228, 1257 и 1259 ГК РФ прямо указывают на то, что объектом авторского права может быть только результат, имеющий творческое происхождение¹. Следовательно, чтобы ответить на вопрос о том, может ли сгенерированное произведение получить правовую охрану в действующем российском правовом порядке, необходимо выяснить, возможно ли считать такое произведение результатом творческого труда.

Что такое творчество? Дискуссия о содержании этого понятия имеет скорее философский характер, нежели юридический. Многие современные авторы сходятся во мнении о том, что для творчества существенное значение имеет факт того, что в ходе творческой работы автор использует свои личностные качества (фантазию, воображение, интуицию), вследствие чего результат такой деятельности охраняется законом в силу самого факта завершения автором своей интеллектуальной деятельности [21].

В.А. Дозорцев отмечал, что система правовой охраны результатов творческой деятельности основана на созидательском принципе [22].

Известный советский цивилист О.А. Красавчиков выделял следующую ключевую характеристику творческого труда: он является умственным и связан со значительным расходом нервной энергии [23]. Также ученый указывал, что по своему характеру творческий труд является трудом производящим, а не воспроизводящим, так как он подразумевает создание нового. С таким утверждением нельзя не согла-

ситься, и творчество следует воспринимать именно как осмысленную, волевою и созидательную деятельность человека.

В доктрине авторского права выделяются субъективный и объективный подходы к пониманию творческой деятельности. Российский законодатель придерживается субъективного подхода [24]. В его рамках утверждается, что между личностью автора и произведением существует прямая связь, так как произведение выражает в себе индивидуальность самого автора. Статья 1257 ГК РФ раскрывает, что автором произведения может быть гражданин, творческим трудом которого оно создано. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23.04.2019 № 10 отметил, что результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека, объектами авторского права не являются. По существу, Верховный Суд сформулировал тезисы о том, что 1) конкретный результат интеллектуальной деятельности признается объектом авторского права, если он создан творческим трудом, и 2) результат интеллектуальной деятельности предполагается созданным творческим трудом, если не доказано иное [25].

Следовательно, в рамках действующего российского гражданского законодательства автором может быть признан только человек и только при наличии в его действиях по созданию результата интеллектуальной деятельности творческого характера.

Специалисты подчеркивают, что, хотя ИИ в своей работе и использует некоторые алгоритмы (паттерны), присущие человеческому мышлению, тем не менее способы решения каждой конкретной задачи у человека и у ИИ будут различаться, поскольку человек задействует те структуры психики, которые до сих пор полностью наукой не исследованы и не могут быть переведены в программный код [26]. Творческое «мышление» в целом не присуще ИИ по причине того, что работа компьютерного алгоритма ограничена загруженными в него обучающими данными и моделями запрограммированного компьютерного мышления [27]. ИИ не может выйти за заданные работчиком границы в смысле того, что «простор мышления» нейросети всегда будет ограничен результатами машинного обучения. Разум же человека способен легко синтезировать идеи и информацию самым неожиданным образом для создания новых и оригинальных мыслей [28]. К.К. Таран отмечает, что у полностью сгенерированных произведений нет творческого элемента, потому что в итоге все равно получается сложная компьютерная компиляция, полученная на основе конкретного алгоритма; работа ИИ не обладает творческой составляющей, потому

¹ На это также указано в абзаце втором п. 80 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10.

что она всегда подчинена заданным инструкциям [29]. С этими утверждениями невозможно не согласиться. В опросе «Право на выбор при использовании цифровых технологий», проведенном кафедрой ЮНЕСКО ВШЭ, на вопрос «Способен ли искусственный интеллект, по вашему мнению, заниматься творчеством?» лишь 31% респондентов ответили утвердительно [30].

Таким образом, ИИ умеет анализировать и сравнивать информацию только из того множества данных, к которому у него есть доступ. Более того, ИИ не способен фантазировать, испытывать эмоции и пребывать в каких-либо психических состояниях. При создании произведения ИИ ничего не выражает и не стремится что-то донести. Таким образом, функционирование генеративного ИИ нельзя считать творческим процессом.

Однако следует учитывать, что действующая часть четвертая ГК РФ не запрещает предоставлять правовую охрану произведениям, которые были созданы с использованием технических устройств в тех ситуациях, когда они играли роль инструментов творчества в руках человека. Автор настоящей работы полагает, что к таким инструментам следует относить и ИИ, частично задействованный в создании произведения.

Справедливым будет привести рассуждение Суда по интеллектуальным правам о процессе фотографирования. Так, Суд высказал мнение о том, что творческой деятельностью фотографа характеризуются следующие действия: выбор экспозиции, размещение объекта фотоснимка в пространстве, выбор собственной позиции для совершения фотосъемки, установка выдержки затвора и так далее [31]. Из этого следует, что результат, который получает фотограф, совершенно не случаен, поэтому фотография подлежит правовой охране, а фотоаппарат является инструментом творчества в руках автора. Представляется, что указанную правовую позицию допустимо применить по аналогии и к отношениям по созданию частично сгенерированных произведений.

Таким образом, суть позиции автора настоящей работы заключается в том, что необходимо отличать случайно полученный (случайно сгенерированный) результат от результата, к достижению которого пользователь двигался осмысленно и целенаправленно, например путем указания большого количества подробностей в запросе для генерации изображения, а также последующей доработкой сгенерированного результата вручную. Только в такой ситуации допустимо рассуждать о том, что деятельность человека при создании итогового произведения носила творческий характер.

Как следствие автор работы не видит препятствий для того, чтобы считать такого пользователя автором, а произведению предоставить правовую ох-

рану в соответствии с действующими нормами части четвертой ГК РФ.

В поддержку указанной позиции можно привести мнение А.И. Савельева, который отметил [32], что претендующий на охрану результат должен иметь творческий вклад автора, и поэтому в случае, если пользователь творчески объединит или переработает сгенерированные ИИ результаты, с точки зрения действующего российского законодательства он должен приобрести авторские права на итоговое произведение.

В.О. Калятин также указывает, что если в сгенерированном нейросетью произведении однозначно прослеживается творческий вклад человека, то такому произведению должна предоставляться правовая охрана в соответствии с действующими нормами ГК РФ, и для этого не требуется внесения изменений в гражданское законодательство [33].

В поддержку идеи автора настоящей работы также можно привести позицию Бюро по авторским правам США, которое 16 марта 2023 г. опубликовало [34] официальное руководство по регистрации авторских прав на произведения, содержащие результаты, которые были сгенерированы ИИ. В нем приведено несколько интересных правовых позиций. Во-первых, сгенерированные произведения подлежат охране, если творческий замысел принадлежит человеку, а система ИИ использована лишь как вспомогательный инструмент. Во-вторых, не охраняются произведения, которые сгенерированы ИИ с использованием исключительно запросов пользователя; Бюро утверждает, что, хотя в такой ситуации деятельность человека по формулированию запросов считается творческой, отказ в регистрации обусловлен тем, что творческий контроль человека над процессом и над получением итогового результата не является решающим. Поэтому при подаче заявки в каждом конкретном случае Бюро устанавливает значимость творческого вклада пользователя. Как указывается в другом разъяснительном акте Бюро, произведения, целиком созданные не человеком (например, фотография, сделанная обезьяной), сразу входят в сферу общественного достояния [35]. Таким образом, Бюро квалифицирует результат как творческий тогда, когда применялся генеративный ИИ, но только в качестве инструмента в руках пользователя и когда творческий вклад человека в итоговое произведение значителен, что обуславливает предоставление автору прав на произведение. Таким образом, Бюро обнаруживает творческий вклад человека тогда, когда нейросеть была использована как вспомогательный инструмент творчества, и не обнаруживает его в ситуациях, когда произведение было целиком сгенерировано и не подверглось никакой последующей доработке вручную.

Таким образом, по мнению автора настоящей работы, чтобы ответить на вопрос о предоставлении правовой охраны произведению, в создании которого была задействована нейросеть, необходимо выделять различные степени творческого вмешательства человека в процесс создания системой ИИ произведения. Пользователь может задать большое количество параметров и целенаправленно прийти к воображаемому результату спустя множество попыток, а может получить результат совершенно случайным образом с первой попытки. И в первом случае допустимо предполагать, что нейросеть была инструментом творчества в руках человека, который он использовал; вторую же ситуацию можно охарактеризовать таким образом, что пользователь просто «нажал на кнопку», не вложив в итоговое произведение собственной (авторской) индивидуальности. Очевидно, что в представленных ситуациях для создания итогового результата пользователи приложили очень разные интеллектуальные и творческие усилия, и было бы неправильно одинаково оценивать их творческий вклад в создание произведения с правовой точки зрения.

Таким образом, произведения, частично сгенерированные с помощью ИИ, но в создании итоговой формы которых прослеживается творческий вклад автора-человека, должны получать правовую охрану в соответствии с нормами действующей части четвертой ГК РФ. В отношении такого результата автора-человека следует наделять как исключительным, так и авторским правами.

Если развивать поднятую тему дальше, то закономерно возникнет вопрос: какими правилами следует руководствоваться в ситуациях, когда произведение было почти полностью или целиком сгенерировано ИИ с незначительным творческим вкладом пользователя или вообще без такого вклада? Может ли такое произведение получить правовую охрану и, если может, какое лицо следует считать его правообладателем? С точки зрения действующего российского законодательства отсутствие творческого вклада человека при создании итогового произведения предопределяет отсутствие у него возможности получить правовую охрану, поэтому такие произведения сейчас никак не защищаются.

Однако технологическая отрасль генеративного ИИ развивается очень быстро, и следует полагать, что в обозримом будущем нейросети будут все более важным фактором развития экономики и жизни общества. К тому же «машинное творчество» успело стать широко распространенным явлением [36], а повсеместное использование ИИ будет нарастать. Все эти факторы указывают на то, что законодателю следует «вывести из тени» отношения с использованием ге-

неративного ИИ и прямым образом урегулировать их тем или иным образом. Отношения по созданию произведений с помощью генеративного ИИ должны быть помещены в рамки правового поля, чтобы обеспечить предсказуемость, стабильность и экономическую эффективность оборота прав на сгенерированные произведения, что прямым образом влияет на коммерциализацию работы нейросетей.

Право интеллектуальной собственности остается областью, находящейся на переднем крае технологического развития, и законодательство в этой сфере должно идти в ногу с технологическим прогрессом.

В современной юридической доктрине специалисты предлагают различные законодательные концепции, содержащие различные подходы к закреплению интеллектуальных прав на результат, сгенерированный нейросетью. В настоящей работе предлагается рассмотреть основные из них. Вполне вероятно, что одна из таких концепций может быть реализована в российском законодательстве в будущем. Набор концепций в основном будет опираться на предложения специалиста в сфере ИИ и юриспруденции П.М. Морхата [4, 183–184].

МАШИНОЦЕНТРИЧНЫЙ КОНЦЕПТ

В машиноцентричной модели предлагается сделать систему ИИ полноправным автором генерируемого ей контента, потому что фактически решающую роль в создании произведения играет именно ИИ [4, с. 183–184]. «Мыслительный процесс» машины отличается даже от мышления ее разработчика и программиста, что обоснованно наталкивает на вывод о наличии у ИИ определенной степени автономности от человека в своих действиях. Также не всегда возможно объяснить, почему система ИИ приняла то или иное решение (проблема «черного ящика»). Для полноценной реализации машиноцентричной концепции потребуется сделать систему ИИ субъектом права и наделить ее необходимым объемом правосубъектности, чтобы позволить ей заниматься реализацией своих интеллектуальных прав либо самостоятельно, либо через представителя.

В России была предпринята попытка теоретического осмысления данной концепции. Так, в 2017 г. В.В. Архипов и В.Б. Наумов предложили проект текста закона о робототехнике. Авторы проекта предложили выделить две предметных категории: «обычного робота» и «робота-агента». Последний имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности [37].

Сам П.М. Морхат тоже допускает возможность наделения системы ИИ правосубъектностью в будущем, для этого он использует модель «электронного лица» [38]. Подобная модель обсуждается и на официальном уровне в некоторых правовых актах. Например, в Резолюции Европейского парламента от 16 февраля 2017 г. предлагается изучить возможность создания особого правового статуса для роботов с ИИ в долгосрочной перспективе, чтобы наиболее продвинутые роботы могли быть признаны имеющими статус «электронных лиц», ответственными за возмещение любого ущерба, который они могут причинить, а также возможность создания и применения концепции «электронной личности» в ситуациях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами [39].

И. В. Понкин и А.И. Редькина отмечают, что правовое положение системы ИИ будет напрямую зависеть от степени автономности ИИ. Она складывается, в частности, из следующих элементов: самостоятельности в самообучении, когнитивной и адаптивной автономности, энергетической автономности, способности к самостоятельному перезапуску и воспрепятствованию внешнему отключению [40].

В.В. Архипов полагает, что в ближайшей перспективе наиболее обоснованным законодательным подходом к наделению систем ИИ правосубъектностью является тот, который строится на аналогии с юридическим лицом с точки зрения теории фикции [7, с. 81]. Так, из указанной теории предлагается заимствовать механизм формирования гражданско-правовой воли и концепцию признаков юридической ответственности, соотносить признаки юридического лица с признаками системы ИИ, применить концепции вины к созданию или программированию ИИ [7, с. 75].

Однако немаловажно отметить и тот факт, что исторически возникновение и развитие права интеллектуальной собственности было обусловлено тем, чтобы дать каждому человеку возможность извлекать доход от своей творческой деятельности [41] («дать пламени гения топливо интереса»). Как отмечает М.А. Федотов, законодателью следует заботиться не только об охране исключительных прав, но и о стимулировании человека к творчеству [42]. Исключительное право позволяет правообладателю монополично зарабатывать денежные средства на использовании результата своего творческого труда, а гарантия законодательной защиты личных неимущественных прав автора делает произведение неприкосновенным, дает автору свободу выбора в отношении даты опубликования произведения и т.д. Как видно, назначение упомянутых интеллектуальных прав заключа-

ется в удовлетворении определенных человеческих потребностей (материальных или духовных). Следовательно, дискуссия о наделении системы ИИ интеллектуальными правами получит новое развитие в тот момент, когда «сильный» ИИ, в отношении которого уже можно будет рассуждать не как об ограниченном в какой-либо сфере инструменте, но как о вероятном автономном субъекте бытия с предположительно существующими потребностями, будет реализован на практике.

На основании изложенного следует заключить, что серьезные рассуждения о воплощении машинно-центричной концепции в законодательстве необходимо вести в отношении «сильного» ИИ, который будет уметь и генерировать произведения, и гипотетически обладать определенным подобием потребностей, сходных с человеческими и побуждающих его к реализации принадлежащих ему прав. В современный период развитие науки и техники не позволяют создать даже прототип «сильного» ИИ. Таким образом, представляется, что наделение гражданскими правами системы ИИ на современном этапе нецелесообразно, так как это не соответствует текущему уровню развития технологий в сфере ИИ и приведет к неоправданному усложнению гражданского законодательства.

МОДЕЛЬ ГИБРИДНОГО АВТОРСТВА

В модели гибридного авторства система ИИ подразумевается соавтором человека [4, с. 190]. Однако в указанной модели нет ответа на вопрос, как следует поступить в случае, когда произведение было целиком создано системой ИИ без участия человека. Также такая модель позволяет распределить между людьми права, обязанности и материальные выгоды, но если один из создателей — человек, а другой — ИИ, то такая договоренность не имеет особого значения, поскольку, как уже было подчеркнуто в настоящей статье, вероятность возникновения систем ИИ с подобием человеческих потребностей — дело весьма отдаленного будущего.

МОДЕЛЬ НУЛЕВОГО АВТОРСТВА

Модель нулевого авторства, или автоматический переход сгенерированных произведений в сферу общественного достояния, предусматривает отсутствие авторов у произведения, сгенерированного нейросетью [4, с. 197]. Реализовать этот концепт на практике относительно просто: следует внести сгенерированные произведения в перечень п. 6 ст. 1259 ГК РФ, исключив их из состава объектов авторских прав. Во-

площение такой модели в законодательстве может замедлить развитие инноваций в сфере ИИ, потому что у разработчиков и у правообладателей программного обеспечения с функционирующим ИИ станет меньше возможностей извлекать доход от разработки нейросетей и возмездного предоставления доступа к ним третьим лицам.

В.О. Калятин полагает, что автоматический переход сгенерированного произведения сразу в общественное достояние имеет мало смысла по причине того, что это будет стимулировать указывать фиктивных авторов в отношении сгенерированного произведения, чтобы оно имело правовую охрану [43]. Т.Е. Орлова придерживается схожей позиции и делает вывод, что вследствие этого ухудшится состояние защищенности прав авторов-людей [44]. Представляется, что эта проблема может быть частично решена через возложение обязанности маркировать сгенерированный контент².

МОДЕЛЬ СЛУЖЕБНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Концепт служебного произведения подразумевает восприятие нейросети в качестве наемного работника и применение к сгенерированному контенту правил о служебном произведении (ст. 1295 ГК РФ) [4, с. 201]. Есть положительный момент в том, что к произведению, сгенерированному нейросетью, будут относиться как к служебному: разработчика не будут считать автором произведения (каковым он фактически и не является). Однако в предложенной модели наблюдается та же проблема, что и в модели гибридного авторства: «слабый» ИИ не будет осуществлять авторские права на произведения в силу своей природы, а для «сильного» ИИ потребуется решить сложный вопрос о его правосубъектности, который актуализируется лишь в неопределенном будущем.

Реализовать эту концепцию в законодательстве будет так же непросто, как машиноцентричную.

ОХРАНА В КАЧЕСТВЕ ИНФОРМАЦИИ

В.Б. Наумов и Е.В. Тютюк предложили охранять сгенерированное произведение в качестве информации, для чего применить в отношении сгенерированного результата правовой режим информации, закрепленный Федеральным законом от 20.07.2006 № 149-ФЗ

² Например, в июне 2023 г. в Палату представителей Конгресса США был внесен законопроект, обязывающий лиц маркировать использование сгенерированного нейросетями контента в сети Интернет. — URL: <https://www.foxnews.com/politics/house-democrat-bill-artificial-intelligence> (дата обращения: 12.12.2023).

«Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В таком случае обладатель информации получит такие права, как право использовать и распространять информацию, право разрешать или ограничивать доступ к ней, что позволит предоставить объектам минимальный уровень охраны, не прибегая к охране с помощью права интеллектуальной собственности. Тем не менее авторы указывают на низкую эффективность правовой охраны произведения таким способом, потому что в его рамках невозможно учитывать сходство объектов, сгенерированных ИИ, с полноценными произведениями [24, с. 535]. К дополнительным недостаткам такого подхода можно отнести и тот факт, что правовой режим сгенерированного контента будет определяться сферой публичного, а не частного права, что может повлечь за собой затруднения гражданско-правового характера в возможности возмездно отчуждать права на сгенерированное произведение.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Эта законодательная концепция предполагает, что во всех случаях система ИИ должна восприниматься как инструмент в руках человека, который и должен получать авторские права на сгенерированное произведение [4, с. 201].

Действительно, существующие системы со «слабым» ИИ создаются для решения конкретных прагматических задач, но не для автономного существования в неопределенных целях, и до тех пор, пока системы ИИ гипотетически не начнут обладать самосознанием, они не будут заявлять собственных претензий на обладание интеллектуальными правами на произведения, что позволяет занять эту нишу человеку.

В рамках этой модели тоже существует проблема. Она заключается в неопределенности того, кто именно должен считаться автором произведения: пользователь, разработчик, правообладатель программного обеспечения нейросети, собственник оборудования, используемого для запуска и функционирования ИИ, или другое лицо. С одной стороны, разработчик вносит важнейший вклад в создание программного обеспечения. С другой стороны, компании, зачастую являющиеся правообладателями программного обеспечения, в рамках которой функционирует ИИ, тратят большие ресурсы на создание, обучение и поддержание существования алгоритма, вследствие чего их притязания на получение исключительных прав можно признать обоснованными. С третьей стороны, именно пользователь формулирует конечные запросы для получения финального результата; без его действий не создается итоговое произведение. С четвертой сто-

роны, надлежащее функционирование ИИ невозможно без достаточных компьютерных мощностей.

В конкретных жизненных случаях выявлять и учитывать степень вклада каждого из перечисленных участников в создание итогового произведения будет явно затруднительно. Представляется, что целесообразно закрепить в законе автоматическое возникновение исключительного права только у одного из перечисленных субъектов, чтобы обеспечить предсказуемость оборота сгенерированных произведений.

Поиск такого субъекта, за которым в законе следует закрепить автоматическое возникновение прав на произведение, является отдельной проблемой, и в отношении каждого способа ее решения найдутся аргументы «за» и «против». Например, В.О. Калятин критически относится к возникновению прав у разработчика, потому что это создаст монополизацию на рынке сгенерированного контента [45].

С точки зрения автора этой статьи, для российского законодательства наиболее удачным в реализации будет закрепление в ГК РФ нормы о том, что исключительное право на сгенерированное произведение автоматически возникает у пользователя, который сформулировал и передал запрос к нейросети. Однако такое исключительное право следует ограничить крайне небольшим сроком действия, чтобы сбалансировать затраты на его создание с затратами на произведения, создающиеся творческим трудом человека. Этот баланс необходимо выдерживать в силу того, что ИИ за короткий промежуток времени способен создать тысячи произведений без значительных издержек; в то же время человеческий труд куда менее производитель и гораздо более затратен. Срок действия исключительного права на сгенерированное произведение предлагается ограничить одним календарным годом с момента его создания, а по истечении срока действия исключительного права такое произведение должно переходить в сферу общественного достояния.

Указанная идея имеет несколько преимуществ. Во-первых, пользователи программного обеспечения с ИИ смогут в течение года возмездно отчуждать исключительное право на произведение и зарабатывать на этом деньги; благодаря этому на рынке будет существовать спрос на использование генеративного ИИ и пользователи будут иметь экономический стимул оплачивать доступ к нему. Во-вторых, разработчики и правообладатели нейросетевого программного обеспечения будут иметь постоянный приток денежных ресурсов для совершенствования своих технологий, в итоге это приведет к дальнейшему технологическому развитию сферы ИИ. За счет различающихся сроков действия исключительных прав на сгенериро-

ванные и творческие произведения предполагается сохранить в обществе стимул на создание человеком объектов ручного (самостоятельного, человеческого) творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье исследованы оба аспекта заявленной во введении проблемы о возможности предоставления правовой охраны сгенерированным произведениям. Рассмотрены как ситуации, когда творческий вклад человека в создание произведения прослеживается, так и ситуации, когда такой вклад отсутствует.

В тех случаях, когда итоговое произведение, хоть и было в какой-то мере сгенерировано ИИ, но при этом человеком в его создание был вложен творческий труд, такой результат должен получать правовую охрану в соответствии с действующими нормами ГК РФ, для этого не требуется вносить изменений в действующее российское гражданское законодательство.

Возможность и конкретный способ предоставления правовой охраны сгенерированному произведению, созданному без творческого участия человека, является дискуссионной проблемой, которая обсуждается на доктринальном уровне.

Перечисленные в статье концепции распределения прав на сгенерированный контент имеют как достоинства, так и недостатки. Для реализации некоторых подходов потребуется решить непростой вопрос о наделении системы ИИ правосубъектностью и об объеме такой правосубъектности. На современном этапе развития технологий в сфере ИИ целесообразность становления системы ИИ на законодательном уровне полноценным субъектом права является спорной — в первую очередь по причине того, что существующие системы ИИ не обладают самосознанием и потребностями, наличие которых стимулировало бы их осуществлять принадлежащие им права. Однако можно предположить, что уровень самосознания «сложного» ИИ, который гипотетически может возникнуть в будущем, когда-нибудь позволит всерьез рассуждать о его возможности быть участником гражданских правоотношений.

Для воплощения в законодательстве машиноцентричного концепта, концепта гибридного авторства и концепта служебного произведения потребуется сделать системы ИИ субъектами гражданского права, чтобы предоставить им возможность реализации прав и исполнения обязанностей. Вопрос о необходимости наделения систем ИИ правосубъектностью представляет собой комплексную проблему, решение которой зависит от способности ИИ осознавать себя и иметь потребности. Представляется, что возникно-

вание таких свойств характерно только для «сильного» ИИ, создание которого считается вопросом отдаленного будущего.

Соответственно в ближайшей перспективе гораздо более реалистичным является воплощение антропоцентрической концепции, охраны произведения в качестве информации либо автоматического перехода сгенерированного произведения в общественное достояние.

На взгляд автора статьи, наиболее удачной для реализации в российском законодательстве будет антропоцентрическая концепция, поскольку, во-первых, создание и функционирование ИИ и процесс генерирования произведения всегда связаны с человеческими усилиями (следует учитывать даже минимальные усилия по формулированию пользователем запроса к нейросети) и, во-вторых, дополнительная возможность коммерциализации работы ИИ будет подталкивать технический прогресс к развитию, в чем общество прямо заинтересовано. Однако определение конкретного лица или группы лиц, которые должны автоматически получать исключительное право на сгенерированное произведение, является отдельной проблемой. Автор предлагает закрепить в ГК РФ автоматическое возникновение исключительного права на сгенерированное произведение у пользователя, который сформулировал запрос к нейросети. При этом такое исключительное право должно иметь крайне ограниченный срок действия (предлагается ограничить срок его действия одним календарным годом с момента создания произведения) в силу того, что на создание сгенерированного произведения затрачивается несоизмеримо меньше интеллектуальных усилий и ресурсов, чем на создание человеческого творческого результата.

Преимущества такой модели заключаются в том, что пользователи смогут в течение года возмездно отчуждать исключительное право на произведение и зарабатывать на этом деньги; следовательно, у них будет экономический стимул оплачивать доступ к нейросетям. Благодаря этому разработчики и правообладатели нейросетевого программного обеспечения будут иметь ресурсы для развития своей технологии, что будет способствовать техническому прогрессу. За счет сокращенного срока действия исключительного права на сгенерированное произведение удастся сохранить привлекательность занятия созидательным творческим трудом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Susskind R. Online courts and the future of justice. 2019.
2. Strowel A. ChatGPT and Generative AI Tools: Theft of Intellectual Labor? // Intern. Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. No 54. P. 491–494.
3. Сесицкий Е.П. Проблемы правовой охраны результатов, создаваемых системами искусственного интеллекта: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.03. М., 2018. 218 с.
4. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юр. наук: 12.00.03. М., 2018. 420 с.
5. Наумов В.Б., Камалова Г.Г. Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды института права и государства РАН. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.
6. Тарасов В.Б. Искусственный интеллект: от прошлого к будущему. Этапы жизненного пути и научное наследие профессора Д.А. Поспелова // Искусственный интеллект и принятие решений. 2020. № 2. С. 12–42.
7. Регулирование робототехники: введение в робоправо. Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В.В. Архипов, В.В. Бакуменко, А.Д. Волюнец и др. М.: Инфотропик Медиа, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov et al. // State and Law. 2022. No 1. P. 168–178.
9. Городецкий В.И., Юсупов Р.М. Искусственный интеллект — наука и информационная технология: настоящее и будущее // Материалы общих пленарных заседаний 13-й мультиконференции по проблемам управления: 13-я мультиконференция по проблемам управления, включающая пять конференций, СПб., 6–8 октября 2020 г. СПб: ЦНИИ «Электронприбор», 2020.
10. European Parliament: Artificial Intelligence Act: deal on comprehensive rules for trustworthy AI. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai?xtor=AD-78> (дата обращения: 12.12.2023).
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС кодекс «КонсультантПлюс».
12. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
13. Морхат П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12(156). С. 25–32.
14. OpenAI: Introducing ChatGPT. — URL: <https://openai.com/blog/chatgpt>
15. Midjourney: Midjourney homepage. — URL: <https://www.midjourney.com/> (дата обращения: 12.12.2023).

16. Кирсанова Е.Е. Правовой режим нейросетей в условиях цифровой экономики // Современные информационные технологии и право. М.: Статут, 2019. С. 180–188.
17. The New York Times: An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy. — URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html> (дата обращения: 12.12.2023).
18. DTF.ru: Российский студент, написавший диплом с помощью ChatGPT, успешно его получил. — URL: <https://ddf.ru/life/1689685-rossiyskiy-student-napisavshiy-diplom-s-pomoshchyu-chatgpt-uspeshno-ego-poluchil> (дата обращения: 12.12.2023).
19. Кольцдорф М., Семёнова И. Auctor ex Machina. Подходы стран англосаксонского и континентального права к машинному творчеству // Закон. 2022. № 5. С. 167–187.
20. Robocounsel: Зачем регулировать применение ИИ, ведь его еще нет? — URL: <https://t.me/robocounsel/497> (дата обращения: 12.12.2023).
21. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь, С.В. Усольцева и др.; под ред. Л.А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с.
22. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. статей. М.: Статут, 2003. 416 с.
23. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: в 2 т. Т. 2. 2-е изд., стереот. М.: Статут, 2017. 494 с.
24. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62, № 3. С. 531–540.
25. Витко В.С. Необходимые и достаточные условия применения презумпции творчества в авторском праве // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 6. С. 38–44.
26. Новиков Ф.А. Символический искусственный интеллект: математические основы представления знаний. М.: Юрайт, 2023. 278 с.
27. Янковский Р.М. Способен ли искусственный интеллект написать статью в юридический журнал? // Закон. 2023. № 3. С. 126–133.
28. Братусь Д.В. Право авторства и искусственный интеллект // Гражданский кодекс Российской Федерации: 25 лет действия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 4-5 июня 2019 г. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2019. С. 45–57.
29. Таран К.К. Предпосылки правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта // Право и экономика. 2023. № 1(419). С. 20–26.
30. Федотов М.А., Наумов В.Б., Будник Р.А., Тютюк Е.В. Роль искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности: результаты экспертного опроса // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 47, № 4. С. 68–83.
31. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 21.03.2014 № С01-506/2013 по делу № А56-27251/2013.
32. Савельев А. Призывы к использованию пиратских копий ни к чему хорошему не приведут // Закон. 2023. № 5. С. 8–15.
33. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд юриста: ИС Форум. — URL: <https://ip-conf.ru/news/items/na-oblomkakh-neyroseti-napishut-nashi-imena-iskusstvennyy-intellekt-i-avtorskoe-pravo-vzglyad-yurist/> (дата обращения: 12.12.2023).
34. Federal register of the United States: Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence. — URL: <https://public-inspection.federalregister.gov/2023-05321.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
35. U.S. Copyright Office: Compendium of U.S. Copyright Office Practices, § 313.2 (December 22, 2014). — URL: <https://copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
36. Калятин В.О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24–50.
37. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: О разработке первого в России закона о робототехнике // Труды Санкт-Петербургского ин-та информатики и автоматизации (СПИИРАН). 2017. № 6. С. 46–62.
38. Морхат П.М. Концепт «электронного лица» в классификации субъектного состава лиц в гражданском праве // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 273–282.
39. European Parliament: European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html?redirect (дата обращения: 12.12.2023).
40. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юр. науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.

41. Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 3, включая «Авторское право на литературные произведения» // Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 480 с.
42. Федотов М.А. Введение в концепт общей теории авторства // Труды по интеллектуальной собственности. 2023. Т. 46, № 3. С. 38–75.
43. Калятин В.О. О некоторых тенденциях в развитии системы ограничений исключительных прав в эпоху развития цифровых форм использования результатов интеллектуальной деятельности // Вестник ФИПС. 2022. Т. 1, № 1. С. 30–35.
44. Орлова Т.Е. Авторское право на результаты деятельности искусственного интеллекта // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2022. № 11. С. 62–71.
45. Robocounsel: Об охраноспособности результатов работы нейросети: комментарий В.О. Калятина. — URL: <https://t.me/robocounsel/183> (дата обращения: 12.12.2023).

REFERENCES

1. Susskind R. Online courts and the future of justice. 2019.
2. Strowel A. ChatGPT and Generative AI Tools: Theft of Intellectual Labor? // International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2023. No 54. P. 491–494.
3. Sesickij E.P. Problemy pravovoj ohrany rezul'tatov, sozdavaemyh sistemami iskusstvennogo intellekta: dis. ... kand yurid nauk: 12.00.03. M., 2018. 218 s.
4. Morhat P.M. Pravosub"ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy.: dis. ... d-r yur. nauk: 12.00.03. M., 2018. 420 s.
5. Naumov V.B., Kamalova G.G. Voprosy postroeniya yuridicheskikh definicij v sfere iskusstvennogo intellekta // Trudy Instituta prava i gosudarstva RAN. 2020. T. 15. No 1. S. 81–93.
6. Tarasov V.B. Iskustvennyj intellekt: ot proshlogo k budushchemu. Etapy zhiznennogo puti i nauchnoe nasledie professora D.A. Pospelova // Iskustvennyj intellekt i prinyatie reshenij. 2020. No 2. S. 12–42.
7. Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v robopravo. Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologii iskusstvennogo intellekta / V.V. Arhipov, V.V. Bakumenko, A.D. Volynec i dr. M.: Infotropik Media, 2018 // SPS "Konsul'tantPlyus".
8. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V.V. Arhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov i dr. // State and Law. 2022. No 1. P. 168–178.
9. Gorodeckij V.I., Yusupov R.M. Iskustvennyj intellekt — nauka i informacionnaya tekhnologiya: nastoyashchee i budushchee // Materialy obshchih plenarnyh zasedanij 13-j mul'tikonferencii po problemam upravleniya: 13-ya mul'tikonferenciya po problemam upravleniya, vklyuchayushchaya pyat' konferencij. SPb, 6–8 oktyabrya 2020 g. SPb: Central'nyj nauchno-issledovatel'skij institut "Elektropribor", 2020.
10. European Parliament: Artificial Intelligence Act: deal on comprehensive rules for trustworthy AI. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20231206IPR15699/artificial-intelligence-act-deal-on-comprehensive-rules-for-trustworthy-ai?xtor=AD-78> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
11. Grazhdanskij Rossijskoj Federacii (chas' chetvertaya) ot 18 dekabrya 2006 g. No 230-FZ // SPS kodeks "Konsul'tantPlyus".
12. Laptsev V.A. Ponyatie iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost' za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2019. No 2. S. 79–102.
13. Morhat P.M. K voprosu ob opredelenii ponyatiya iskusstvennogo intellekta // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. No 12(156). S. 25–32.
14. Open AI: Introducing ChatGPT. — URL: <https://openai.com/blog/chatgpt>
15. Midjourney: Midjourney homepage. — URL: <https://www.midjourney.com/> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
16. Kirsanova E.E. Pravovoj rezhim nejrosetej v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Sovremennye informacionnye tekhnologii i pravo. M.: Statut, 2019. S. 180–188.
17. The New York Times: An A.I.-Generated Picture Won an Art Prize. Artists Aren't Happy. — URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/02/technology/ai-artificial-intelligence-artists.html> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
18. DTF.ru: Rossijskij student, napisavshij diplom s pomoshch'yu ChatGPT, uspešno ego poluchil. — URL: <https://dtf.ru/life/1689685-rossijskiy-student-napisavshiy-diplom-s-pomoshchyu-chatgpt-uspešno-ego-poluchil> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
19. Kol'zendorf M., Semenova I. Auctor ex Machina. Podhody stran anglosaksonskogo i kontinental'nogo prava k mashinnomu tvorchestvu // Zakon. 2022. No 5. S. 167–187.
20. Robocounsel: Zachem regulirovat' primeneniye II, ved' ego eshchyo net? — URL: <https://t.me/robocounsel/497> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
21. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. T. 1. Obshchie polozheniya / E.V. Badulina, D.A. Gavrilov, E.S. Grin', S.V. Usol'ceva i dr.; pod red. L.A. Novoselovoj. M.: Statut, 2017. 512 s.
22. Dozorcev V.A. Intellektual'nye prava. Ponyatie. Sistema. Zadachi kodifikacii: Sbornik statej. M.: Statut, 2003. 416 c.

23. Krasavchikov O.A. Kategorii nauki grazhdanskogo prava: Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2. 2-e izd., ster. M.: Statut, 2017. 494 s.
24. Naumov V.B., Tytyuk E.V. K voprosu o pravovom statusе "tvorchestva" iskusstvennogo intellekta // Pravovedenie. 2018. T. 62, No 3. S. 531–540.
25. Vitko V.S. Neobhodimye i dostatochnye usloviya primeneniya prezumpcii tvorchestva v avtorskom prave // Patenty i licenzii. intellektual'nye prava. 2022. No 6. S. 38–44.
26. Novikov F.A. Simvolicheskiy iskusstvennyy intellekt: matematicheskie osnovy predstavleniya znaniy. M.: Yurajt, 2023. 278 s.
27. Yankovskiy R.M. Sposoben li iskusstvennyy intellekt napisat' stat'yu v yuridicheskij zhurnal? // Zakon. 2023. No 3. S. 126–133.
28. Bratus' D.V. Pravo avtorstva i iskusstvennyy intellect // Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: 25 let dejstviya: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 4-5 iyunya 2019 g. Ekaterinburg: Ural'skiy gos. yurid. Un-t, 2019. S. 45–57.
29. Taran K.K. Predposylki pravovogo regulirovaniya rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannyh s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta // Pravo i ekonomika. 2023. No 1(419). S. 20–26.
30. Fedotov M.A., Naumov V.B., Budnik R.A., Tytyuk E.V. Rol' iskusstvennogo intellekta v sfere intellektual'noj sobstvennosti: rezul'taty ekspertnogo oprosa // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2023. T. 47, No 4. S. 68–83.
31. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 21.03.2014 No S01-506/2013 po delu No A56-27251/2013.
32. Savel'ev A. Prizyv k ispol'zovaniyu piratskih kopij ni k chemu horoshemu ne privedut // Zakon. 2023. No 5. S. 8–15.
33. Iskusstvennyy intellekt i avtorskoe pravo: vzglyad yurista [Elektronnyj resurs] : IS Forum. — URL: <https://ip-conf.ru/news/items/na-oblomkakh-neyroseti-napishut-nashi-imena-iskusstvennyy-intellekt-i-avtorskoe-pravo-vzglyad-yurist/> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
34. Federal register of the United States: Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence. — URL: <https://public-inspection.federalregister.gov/2023-05321.pdf> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
35. U.S. Copyright Office: Compendium of U.S. Copyright Office Practices, § 313.2 (December 22, 2014). URL: <https://copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (data obrashcheniya: 12.12.2023).
36. Kalyatin V.O. Opredelenie sub"ekta prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannye s ispol'zovaniem iskusstvennogo intellekta i ego vliyanie na razvitiye grazhdanskogo zakonodatel'stva // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2022. T. 15. No 4. S. 24–50.
37. Arhipov V.V., Naumov V.B. Iskusstvennyy intellekt i avtonomnye ustrojstva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike // Trudy SPIIRAN. 2017. No 6. S. 46–62.
38. Morhat P.M. Koncept "elektronnogo lica" v klassifikacii sub"ektnogo sostava lic v grazhdanskom prave // Permskiy yuridicheskij al'manah. 2019. No 2. S. 273–282.
39. European Parliament: European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.html?redirect (data obrashcheniya: 12.12.2023).
40. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskusstvennyy intellekt s tochki zreniya prava // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Yurid. nauki. 2018. T. 22. No 1. S. 91–109.
41. Shershenevich G.F. Izbrannoe. T. 3, vkluchaya "Avtorskoe pravo na literaturnye proizvedeniya" / Vstup. slovo, sost.: P.V. Krashennnikov. M.: Statut, 2017. 480 s.
42. Fedotov M.A. Vvedenie v koncept obshchej teorii avtorstva // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. 2023. T. 46, No 3. S. 38–75.
43. Kalyatin V.O. O nekotoryh tendenciyah v razvitiy sistemy ogranichenij iskluchitel'nyh prav v epohu razvitiya cifrovyyh form ispol'zovaniya rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti // Vestnik FIPS. 2022. T. 1, No 1. S. 30–35.
44. Orlova T.E. Avtorskoe pravo na rezul'taty deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta / T. E. Orlova // Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava. — 2022. № 11. S. 62–71.
45. Robocounsel: Ob ohranosposobnosti rezul'tatov raboty nejroseti: kommentarij V.O. Kalyatina. — URL: <https://t.me/robocounsel/183> (data obrashcheniya: 12.12.2023).

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ) создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ доктора юридических наук профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. В 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межуниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более 830 кафедр и 20 специализированных кафедральных сетей в 110 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между вузами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. Основопологающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО иницируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в области авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property, www.tis.hse.ru). У его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. В числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:
109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;
тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;
www.hse.ru/unesco/
tis@hse.ru

About the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Related, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair of the NRU HSE”) was built by the decision of the Academic Council of the NRU HSE in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University “Higher School of Economics” (NRU HSE) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor M.A. Fedotov. The agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the Institute of International Law and Economics. A.S. Griboyedov (IMPE, now — Moscow University named after A.S. Griboyedov) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, in agreement with the UNESCO Secretariat, was relocated to the Higher School of Economics.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the National Research University Higher School of Economics. It participates in the worldwide network of UNESCO Chairs Program called UNITWIN. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO in 1991. The program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs program currently unites more than 830 Chairs and 20 specialized chair networks in 110 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The HSE UNESCO Chair specializes in copyright, related rights, and cultural and information laws, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning

of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer, and knowledge popularization.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical magazine named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as I.L. Bachilo, M.M. Boguslavsky, E.P. Gavrilov, V.A. Dozortsev, A.P. Sergeev, M.A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and related rights, intellectual property rights in the context of digitalization, and cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics since 2014. The journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the magazine web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair of the National Research University "Higher School of Economics" also publishes a monthly newspaper called "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The Bulletin contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru

Для заметок
